

С. А. ТАРАРУХИН

**УСТАНОВЛЕНИЕ
МОТИВА
И КВАЛИФИКАЦИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ КИЕВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ „ВИЩА ШКОЛА“**

1977

В монографии рассматривается широкий круг вопросов, относящихся к установлению мотива и квалификации отдельных видов преступлений. Исследуются наиболее типичные ошибки, встречающиеся в следственной и судебной практике в оценке мотивации, а также раскрывается значение мотива при определении мер воздействия к правонарушителям.

Рассчитана на работников прокуратуры и суда, преподавателей вузов и научных сотрудников, студентов и слушателей юридических учебных заведений.

Рецензент зав. кафедрой криминологии и исправительно-трудового права Харьковского юридического института, кандидат юридических наук И. Н. Даньшин.

Редакция *экономико-правовой литературы*
Зав. редакцией Л. М. Лукашевич

Одной из актуальных теоретических проблем развития юридической науки является проблема мотивации преступного поведения, раскрывающая, с одной стороны, внутренние (психологические) причины конкретного преступления (формирование мотива), с другой — динамику развития самого преступного акта — от принятия решения действовать определенным образом до наступления общественно опасного результата.

Исторические решения XXV съезда КПСС поставили перед советской юридической наукой важные задачи теоретической разработки проблем борьбы с преступностью. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии тов. Л. И. Брежнев подчеркивал, что партия уделяла и впредь будет уделять «постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан»¹.

Преступление — результат сложного взаимодействия личности с окружающей средой. Раскрытие причинной зависимости между личностью и множеством объективных факторов, вызывающих конкретное преступление, возможно на нескольких уровнях. При изучении причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений возникает необходимость исследования всего процесса нравственного формирования личности и поведения в целом. В уголовно-правовом аспекте на первое место выдвигается проблема проникновения в механизм возникновения преступного акта и его мотивационную структуру.

Любая человеческая деятельность, в том числе преступная, имеет свою социально-психологическую основу, проявляющуюся

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 82.

ся в специфике отношения личности к социальным ценностям, к окружающей среде, к предъявляемым ей правовым, моральным, нравственным и иным требованиям. Но преступление является свидетельством прежде всего игнорирования социальных требований, выраженных в уголовном законе. Каждое из них причиняет вред правоохраняемым интересам и характеризуется спецификой психического отношения конкретного лица к совершаемым деяниям (действию или бездействию) и наступившим общественно опасным последствиям.

Социальные свойства и качества личности, регулирующие содержательную сторону поведения, находят свое проявление в конкретных поступках, обусловленных определенными мотивами и побуждениями. Обладая сознанием и волей, субъект на их основе избирает форму и средства удовлетворения своих потребностей и интересов, в том числе за счет совершения преступления. В свою очередь, поведение выражает нравственные, правовые позиции личности, их социальную сущность. Постоянно действующие мотивы нередко становятся мотивами основной деятельности субъекта и переходят в свойства и качества личности, выражая ее антиобщественную направленность. Решение задач изменения такой личности в желательном для общества направлении за счет применения мер уголовного наказания невозможно вне проникновения в глубинные процессы формирования личности преступника и мотивации преступного поведения.

Общая теория уголовного права, раскрывающая понятия оснований уголовной ответственности, преступления, наказания и других институтов, никогда не была в стороне от их психологического содержания. Она использовала психологические понятия и категории при определении субъекта преступления, воли, сознания, форм вины, мотива преступления и т. п. Однако рассмотрение психологических вопросов в уголовном праве было лишь средством пояснения отдельных уголовно-правовых понятий, а не раскрытия их на психологической основе. Еще меньше внимания уделяется этим вопросам в судебной практике, хотя многие ошибки при применении уголовного закона объясняются недостаточно полным или ошибочным установлением мотивационной структуры совершенного преступления.

Проникнув в сущность мотивации, можно с большей полнотой и обоснованностью установить элементы и признаки состава преступления — единственного основания уголовной ответственности, более правильно квалифицировать содеянное и назначить наказание виновному. От решения проблемы мотивации в конечном итоге зависит эффективность уголовно-право-

вых и иных мер борьбы с преступностью и предупреждения преступлений. Поэтому данная проблема является одной из центральных при раскрытии вопросов, относящихся к формированию личности преступника и преступного поведения. По существу она связывает всю юридико-психологическую проблематику в единое целое и является основой ее разрешения. Однако, несмотря на актуальность, она наименее теоретически разработана. Это объясняется, в частности, тем, что изучение мотивационной стороны преступного поведения требует комплексного решения на стыке ряда общественных наук — философии и социологии, этики и психологии, уголовного права и криминологии. Но прежде всего эта проблема должна решаться на юридико-психологическом основании.

Не рассматривая криминологический аспект исследования мотивации преступного поведения, автор раскрывает психологический механизм отдельных видов преступлений, их мотивационную структуру и содержание применительно к квалификации и назначению меры уголовного наказания. Работа написана на основании исследования наиболее типичных ошибок, встречающихся в судебной практике при установлении и оценке мотивации.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Определение понятия мотива преступления

Понятием «мотив» можно раскрыть различные стороны человеческой активности: отдельный волевой акт (поступок) и ряд волевых актов — поведение как отдельного индивида, так и любой социальной общности. С помощью мотива определяется содержание всех видов человеческой деятельности, нравственные, моральные, правовые и мировоззренческие взгляды и социальная роль конкретной личности. Мотив — это прежде всего одно из наиболее существенных психологических понятий, с помощью которого раскрывается внутренняя природа человеческих поступков, их сущность. Он выступает важнейшим компонентом психологической структуры любой человеческой деятельности, ее двигательной силой, обозначает внутреннюю (психологическую) причину поступков конкретной личности.

В общей психологии мотив так или иначе связывается с потребностями личности — первичными (природными) и вторичными (материальными и духовными), с их удовлетворением. Причем различаются мотивы двух порядков: «только понимаемые» и «реально действующие». Первые помогают человеку разобраться, как он должен поступить; вторые выполняют роль сил, побуждающих человека к совершению конкретного действия¹.

Не вызывает сомнения, что любая общественно полезная деятельность человека детерминирована его материальными и духовными потребностями. Основоположники марксизма-ленинизма связывали потребность с человеческой активностью.

¹ См.: Общая психология. Под ред. А. В. Петровского. М., 1970, с. 101; А. И. Щербаков. Волевые процессы и свойства личности. Л., 1963, с. 20—21; Д. Н. Кикиндзе. Потребности, поведение, воспитание. М., 1968, с. 35.

«Без потребности, — писал К. Маркс, — нет производства»². Он различал потребности естественные и созданные обществом³, т. е. потребности отдельного индивида и потребности всего общества, к которому он принадлежит. В результате осознания и переживания потребностей у человека возникают мотивы и побуждения к различным действиям, направленным на их удовлетворение. Но не только потребности выступают двигательной силой человеческой активности. Не менее важную роль при этом играют интересы, а также предъявляемые к личности социальные требования (нравственные, моральные, правовые), которые должен выполнять каждый независимо от его желания.

Социально значимые потребности составляют основу правомерного поведения. В таком поведении переплетается сила общественных требований — норм морали, нравственности, права и побудительная сила личных потребностей и интересов. Руководствуясь высшими нравственными и моральными убеждениями, советские граждане зачастую поступают своими личными интересами и потребностями. Ведущую роль при этом играют их социально значимые убеждения, соответствующие коммунистическим идеалам. В них со всей полнотой раскрывается основное значение общественного сознания. Общественные требования, сливаясь в форме убеждений с личными потребностями и интересами, в конечном итоге определяют любой нравственно значимый мотив поведения советского человека. Выполнение предъявляемых требований в таких случаях становится личной потребностью.

Каждый социально значимый поступок должен соотноситься с требованиями коммунистической морали и собственной совестью. Однако степень такого соотнесения не может быть однозначной. Она зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов, но прежде всего от нравственного сознания индивида. По мере дальнейшего развития социалистического общества личная ответственность за поступки все более будет возрастать, а предъявляемые общественные требования станут органической частью нравственных убеждений каждого советского человека.

В обществе, строящем коммунизм, социальная активность личности определяется прежде всего целями удовлетворения как общественных, так и личных потребностей, не противоречащих первым. Но обусловленность социально значимого поведения потребностями вовсе не означает, что ими определяются

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 718.

³ См.: Там же, с. 720.

и преступления. Если предположить, что потребности — перво-причина преступления, то для ликвидации преступности достаточно изменить их содержание. Такой вывод не имеет сколько-нибудь серьезных обоснований, ведь преступление не является потребностью. Преступное поведение не имеет социального значения. Оно противоречит не только социальным требованиям, но и интересам самой личности, которая несет бремя уголовной ответственности за содеянное и в связи с этим нередко исключается из сферы социально полезной деятельности.

В социалистическом обществе нет преступлений, вынужденных голодом, нуждой, безработицей и другими явлениями, выступающими в качестве коренных причин социальных эксцессов в условиях эксплуататорской формации. Устой социализма сами по себе не порождают и не могут породить преступности. Любое преступление чуждо самой сущности социально значимых потребностей и интересов. Но даже в тех случаях, когда оно вызывается какими-то личными потребностями (например, потребностями материального порядка), прямая связь между этими явлениями нередко отсутствует. Так, известно, что подавляющее большинство корыстных преступлений в нашей стране совершается не потому, что человек испытывает необходимость удовлетворения материальных потребностей, а по причине стремления к стяжательству, паразитическому существованию, к удовлетворению гипертрофированных материальных потребностей. И лишь в исключительных случаях такие преступления вызываются действительно материальными потребностями в их обычном понимании и значении, причем многие из них связаны с употреблением спиртных напитков.

Еще в меньшей степени объясняется потребностями такое распространенное преступление, как хулиганство, вызываемое прежде всего разнузданным эгоизмом, стремлением показать свое «превосходство» над окружающими и другими подобными факторами, ничего не имеющими общего с удовлетворением общечеловеческих потребностей. Б. С. Волков обоснованно считает, что хулиганство, как и некоторые другие преступления, категорией «потребность» объяснить нельзя⁴. Аналогичное мнение высказал психолог Л. М. Зюбин: «Хулиганство даже косвенно свидетельствовать о наличии какой-то мало-мальски сознательной потребности никогда не может»⁵.

⁴ См.: Б. С. Волков. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968, с. 146.

⁵ Л. М. Зюбин. Психологический аспект проблемы перевоспитания запущенных детей и несовершеннолетних правонарушителей. — «Вопросы психологии», 1969, № 3, с. 133.

Хулиганство нередко связывается с удовлетворением различных извращенных потребностей (квазипотребностей), проявлением животных инстинктов, ничем не сдерживаемой жестокости, бессердечия и т. п. Такая точка зрения в какой-то степени служит неосновательным оправданием хулиганства, порождаемого, прежде всего, бескультурьем и деградацией личности под влиянием злоупотребления спиртными напитками⁶.

Вполне очевидно, что сущность проблемы заключается не в содержании потребностей, а в форме и средствах их удовлетворения. Поведение человека избирательно и находится под контролем сознания. Волевых усилий самой личности вполне достаточно для соблюдения правил социалистического общежития и избрания соответствующего поведения вне совершения преступления при удовлетворении любых потребностей. Видный советский психолог Ш. Н. Чхартишвили по этому поводу писал: «Если бы со стороны субъекта поведение человека побуждалось и направлялось одними лишь потребностями, как это полагает большинство психологов, то поступок, считающийся злодеянием и квалифицируемый как преступление, следовало бы объявить несчастным случаем и вообще снять вопрос об ответственности, ибо от самого человека совершенно не зависит, какая потребность возникает у него в данный момент и активизируется в наибольшей степени»⁷.

Не случайно уголовно-правовой запрет тех или иных действий обращен прежде всего к сознанию. Он обоснован потенциальной возможностью субъекта осознавать социальную значимость своих поступков, избирая поведение в рамках закона, в рамках предьявляемых требований. Если бы определяющим фактором любого человеческого поведения была только непосредственно испытываемая потребность, то не было бы возможности и возлагать на человека ответственность за преступления. Более того, в таком случае становилась бы невыполнимой и задача ликвидации самой преступности, порождаемой извечно испытываемыми потребностями.

Субъект всегда осознает не только потребность данного момента, но и сложившуюся ситуацию, хотя и оценивает их по-разному. Возможность социальной оценки поступка и его последствий играет решающую роль в возникновении мотива конкретного волевого акта. Человека ничто не вынуждает остановиться на менее ценном, менее значимом при выборе вариан-

⁶ Известно, что свыше 90% хулиганств совершается в нетрезвом состоянии.

⁷ Ш. Н. Чхартишвили. Проблема воли в психологии. — В сб.: Психологические исследования. Под ред. Прангшвили. Тбилиси, 1966, с. 178.

та поведения. Сознательный выбор поступка лежит в основе мотивации⁸.

Избрание варианта поведения зависит не только и не столько от непосредственно испытываемой потребности. Особая роль здесь принадлежит сознанию индивида, его нравственным и моральным устоям. Все факторы, которые побуждают человека к определенной деятельности, осознаются им. Содержание потребностей отражается в форме представлений, понятий, убеждений, интересов и т. п., которые при определенных условиях выступают как побуждения к действиям и поступкам.

Побуждениями к действиям и поступкам являются также чувства и эмоции. По непосредственным источникам возникновения мотивов справедливо их подразделение на рациональные (основанные на потребностях) и эмоциональные. Мотивы различаются между собой также по степени осознанности и устойчивости. Одни из них психологи относят к волевым действиям и поступкам (осознанные в различной степени мотивы действия), другие — к переживаниям, либо к мотивам, характеризующим импульсивные и даже рефлекторные действия, выходящие из-под контроля сознания. По нашему мнению, неосознанные мотивы следует относить к побуждениям; в противном случае стирается грань между этими понятиями. И мотивы, и побуждения имеют непосредственное отношение к совершаемому преступлению. Однако в уголовно-правовом отношении перво-степенное значение имеют мотивы конкретных волевых преступных актов, контролируемых сознанием индивида, так как вне сознания и воли уголовная ответственность исключена. Именно в этом смысле необходимо рассматривать мотивы, относящиеся к эмоциональной сфере индивида. Для того, чтобы эмоции, переживания стали побудителями к конкретному преступлению, они должны быть, во-первых, осознаны и, во-вторых, иметь определенную волевою направленность. Это связано с постановкой цели совершаемых действий, удовлетворяющей испытываемые эмоции субъекта, и с выбором соответствующих средств ее достижения. Как постановка цели, так и выбор средств ее достижения могут оказаться антиобщественными, преступными, но основу совершаемого при этом волевого акта все же составляют осознанные стремления к конкретному дей-

⁸ Термин «мотивация» употребляется в двух значениях: как внутренний процесс возникновения мотива преступления в результате взаимодействия личности с окружающей средой и результат формирования мотива преступления. Это не противоречит принятому в психологии обозначению указанного явления (см.: Проблемы психологии личности. М., 1974, с. 122, 123, 147—148).

ствию (бездействию) на их почве. Иными словами, побуждения, эмоции для того, чтобы стать мотивом, должны быть не только осознаны, но и опредмечены в конкретной цели.

Наиболее элементарную форму побуждений представляют влечения — испытываемые человеком чувства, не связанные с ясным представлением достижения конкретной цели. Влечение может перейти в более сложную форму побуждений — в желание, когда появляется какая-то цель и определенные волевые устремления к ее достижению. По мере осознания путей и средств достижения цели желание превращается в стремление. Осознанное стремление характеризуется не только мысленным представлением о цели, но и активной устремленностью к ее достижению. Поэтому осознанные стремления играют основную роль при совершении подавляющего большинства волевых актов, в том числе преступных. По существу только стремления содержат полные компоненты сознания и воли, которые отражаются в конкретном волевом акте и в полном объеме характеризуют его психологическую природу.

Я. М. Брайнин обоснованно подчеркивает, что мотив выражает стремление к осуществлению определенного поведения. В отличие от чувства он носит конкретно выраженный характер и является стимулом к определенному действию⁹. Все другие побуждения такими свойствами не обладают. Любые побуждения только тогда порождают преступный акт, когда они превращаются в стремления к совершению конкретного действия или бездействия, представляющего общественную опасность и противоправность. Даже так называемые высшие мотивы человеческой деятельности — идеалы, склонности, мировоззрение, убеждение — для того, чтобы стать источником волевого акта, должны породить осознанные стремления к достижению конкретной цели, так как воля без цели не существует.

Мотив и цель неотделимы от волевого поведения подобно тому, как неотделимо мышление от материи. Мотив — это не какая-то «чисто субъективная» категория, оторванная от внешнего мира. «Мотив является субъективной реакцией, вызванной отношением человека к внешнему миру»¹⁰, — пишет Б. В. Харазишвили. Это свидетельствует о некотором единстве мотива и цели, выраженном в осознанном стремлении.

С. Л. Рубинштейн по этому поводу отмечал: «Любое действие, направленное к определенной цели, выходит из тех или

⁹ См.: Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963, с. 231.

¹⁰ Б. В. Харазишвили. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963, с. 35.

инных побуждений. Более или менее адекватно осознанное побуждение выступает как мотив»¹¹. Аналогичные точки зрения высказаны и другими советскими психологами: «Мотив — это то, что обуславливает стремление человека к данной, а не какой-нибудь иной цели... Мотивами называют потребности, чувства, интересы, убеждения и иные побуждения человека, обусловленные требованиями его жизни»¹².

«Психологически мотив означает побуждения человека к деятельности. Мотивами могут быть знания, чувства, потребности, которые вынуждают человека стремиться к цели»¹³.

Однако наиболее точно природу мотива раскрыл А. Н. Леонтьев. Применительно к мотиву он обращает особое внимание на необходимость отыскания связи между предпосылкой и определяемым предметом. Для того, чтобы предпосылка могла сыграть свою роль, она должна определиться, т. е. найти отражение в соответствующем предмете. Именно с этого момента влечение переходит в желание и предмет начинает побуждать человека к деятельности¹⁴. Таким образом, не любое, а только «опредмеченное», осознанное стремление и только с момента опредмечивания представляет собой мотив отдельного волевого акта и волевой деятельности в целом.

Схему возникновения мотива в обобщенном виде мы представим так (рис. 1).

Из предложенной схемы видно, что, во-первых, формирование любого мотива неотделимо от самой личности со всеми ее социальными и психофизическими свойствами и качествами в их взаимосвязи; во-вторых, условия жизни и воспитания индивида, внешние поводы и ситуацию, предшествующую возникновению мотива, можно объединить в одно понятие среды, оказывающей влияние на социализацию личности и на ее проявление в конкретном волевом акте; в-третьих, социальные требования и интересы могут не только порождать соответствующие им личные потребности, но и оказывать на них самостоятельное мотивирующее воздействие при наличии социально значимой цели (вне такой цели они служат лишь сдерживающим началом при выборе волевого акта); в-четвертых, влечения, желания, эмоции выступают лишь в роли первичных подсознательных или недостаточно осознаваемых побуждений. Мотивом они могут стать лишь при их осознанности, с появлением цели действия в избранном направлении; в-пятых, в самом мотиве

отражаются сознание и воля индивида в их психологическом единстве. Они проявляются в избирательности поведения и выборе поступка, имеющего значение для субъекта в данный момент. В действительности такой поступок может не иметь социального смысла и даже быть антиобщественным, преступным.

Понятие мотива преступления производно от понятия мотива обычного, законопослушного поведения. В связи с этим в юридической литературе дискутируется вопрос о возможности существования самостоятельного правового понятия мотива преступления. Б. В. Харазшвили, например, считает, что юридическая наука должна пользоваться психологическим понятием мотива и что введение уголовно-правового определения мотива является ненаучным¹⁵.

Противоположной точки зрения придерживаются А. Б. Сахаров и Б. С. Волков. Они отмечают, что механическое перенесение в право психологического определения мотива может привести к ошибочному мнению о том, что в социалистическом

¹¹ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, с. 542.

¹² Психология. Под ред. Г. С. Костюка. К., 1968, с. 423—424.

¹³ Психология. Под ред. А. Г. Ковалева. М., 1968, с. 428.

¹⁴ См.: А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1965, с. 301.

¹⁵ См.: Б. В. Харазшвили. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве, с. 4—5.

обществе у правонарушителей якобы существуют нормальные положительные потребности, которые общество не может или не хочет удовлетворить¹⁶.

В то же время о сущности мотива преступления в юридической литературе отсутствует единство взглядов. По мнению Б. С. Волкова, «мотив есть то, что, отражаясь в сознании человека, побуждает его совершить преступление»¹⁷. А. В. Наумов называет мотив осознанным побуждением (потребностью, чувством и т. д.) к достижению определенной цели посредством совершения преступления¹⁸. И. Г. Филяновский относит к мотиву «осознанный и конкретно опредмеченный интерес, побудивший к совершению общественно опасного деяния»¹⁹. Приведенные точки зрения в определенной мере тяготеют к психологическому определению мотива и являются слишком общими. Поскольку мотив всегда так или иначе связан с целью совершения действий (мысленным представлением о будущем, которого стремится достичь субъект), с представлением о способах достижения этой цели (именно преступным путем либо при возможности осознания общественной опасности и противоправности содеянного) и о возможности наказания за совершенное преступление (действуя преступно, субъект всегда рассчитывает на безнаказанность), его можно определить как осознанное побуждение (стремление) к совершению конкретного целенаправленного поступка (волевого акта), представляющего общественную опасность и предусмотренного уголовным законом в качестве преступления.

Предложенное определение мотива преступления не является универсальным. Наиболее полно оно характеризует преступления, совершаемые с прямым умыслом. Однако это не означает, что мотивы в такой интерпретации не относятся к косвенному умыслу и неосторожности, что осознанные стремления исчерпывают мотивацию преступного поведения. К такому поведению, как уже отмечалось, имеют отношение и недостаточно осознанные мотивы (побуждения), эмоции, чувства и различные явления сознания.

Преступный акт по своей психологической структуре почти ничем не отличается от других форм человеческой активности.

¹⁶ См.: «Советское государство и право», 1964, № 5; Б. С. Волков. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965, с. 56.

¹⁷ Б. С. Волков. Проблема воли и уголовная ответственность, с. 62, 67.

¹⁸ См.: А. В. Наумов. Мотивы убийств. Волгоград, 1969, с. 13.

¹⁹ И. Г. Филяновский. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970, с. 46.

Его особенностью является общественная опасность и противоправность. Факт совершения преступления — это свидетельство того, что внутреннему миру личности свойственны такие мотивы, которые либо по своему содержанию, либо по формам проявления, либо по способам реализации противоречат социальным (правовым) требованиям. Следовательно, изыскание средств удовлетворения мотива в таком акте связано с посягательством на социалистические общественные отношения, охраняемые уголовным законом (т. е. с объектом посягательства). Точка приложения мотива преступления, его опредмеченность, выраженная в цели, всегда сопряжены с посягательством на объект независимо от того, стремился ли виновный к причинению общественно опасного вреда либо его внимание в момент совершения действия было направлено на иной результат.

Мотив — это динамическая категория. В основе его возникновения лежат объективно существующие причины. Зародившись, мотив обычно проходит определенные этапы развития, на протяжении которых его содержание может значительно измениться.

Вполне очевидно, что решающую роль в формировании мотивов в одних случаях приобретают обстоятельства, предшествующие совершению преступления, или свойства и качества самой личности, в других — конкретно сложившаяся неблагоприятная для субъекта внешняя ситуация. Мотивы не однородны и по форме проявления и по их значимости. Каждый поступок обычно является результатом воздействия не одного, а нескольких мотивов одновременно, их комплексом, внутри которого существуют отношения соподчинения, так называемая «иерархия мотивов». Одному доминирующему мотиву в конечном итоге подчинены все остальные. Именно этот мотив согласовывается с целью действий, предметностью посягательства и поэтому отражает содержательную сторону преступления.

Мотив отвечает на вопрос: почему человек ведет себя так, а не иначе в сложившихся обстоятельствах. Он раскрывает цель выполнения тех или иных действий, хотя иногда то, что сам человек считает мотивом своего поступка, не всегда соответствует действительности. Такое несоответствие зачастую объясняется совсем не стремлением скрыть действительные мотивы поступка, хотя это и не исключено. Может оказаться, что именно так наиболее удобно, а иногда и более привычно объяснить совершенное или же человек и сам неполностью успел осознать мотивы, под влиянием которых он совершил то или иное деяние.

Мотив и цель — не только взаимосвязаны, но и определяют друг друга. По своему содержанию они нередко совпадают, что

ведет к их неоправданному отождествлению. Иногда также смешиваются понятия цель и результат, цель и последствия совершения преступления, хотя и они вовсе не обязательно должны совпадать. Цель нередко характеризует сами действия, когда последствия сознательно допускаются виновным либо когда не охватываются его сознанием, но он мог и должен был их предусмотреть.

Несмотря на разнообразие мотивов, по которым совершаются преступления, их можно сгруппировать в определенную систему, позволяющую не только упорядочить рассмотрение содержания мотивации, но и разрешить на этой основе вопросы квалификации отдельных видов преступлений.

Классификация мотивов преступлений

Действующее законодательство и практика его применения употребляют понятие мотива в трех значениях: как признак основного состава преступления (без отягчающих и смягчающих обстоятельств), как один из признаков квалифицирующих составов (с отягчающими обстоятельствами) и как признак составов со смягчающими обстоятельствами.

Кроме того, мотив рассматривается как обстоятельство, отягчающее или смягчающее ответственность при назначении наказания (ст. ст. 40, 41 УК УССР). В одних случаях он непосредственно указан в диспозиции статьи УК, предусматривающей ответственность за конкретное преступление (ст. ст. 124, 133, 165, 172), в других явно подразумевается (ст. ст. 81—86, 86¹, 95, 140—143, 148, 189, 189¹, 190, 190¹).

Называя мотив, законодатель обычно пользуется обобщенной терминологией, нуждающейся в раскрытии применительно к конкретным преступлениям, совершаемым на его почве. Один и тот же термин нередко употребляется для обозначения не только мотивов, но и целей совершения преступления либо эмоций, тесно связанных с мотивацией, но непосредственно ее не выражающих. Все это затрудняет судебную практику, а разнообразие мотивов, по которым совершаются преступления, вызывает необходимость их классификации.

Классификация мотивов может быть использована для различных целей, но прежде всего в трех направлениях: во-первых, для теоретического изучения различных видов мотивов и форм их проявления в преступной деятельности, во-вторых, в связи с правовой оценкой мотивации преступного поведения с использованием данных для совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности и, в-третьих, для раз-

работки типологии правонарушителей в связи с избранием соответствующих мер их исправления и перевоспитания. Указанные направления использования классификации мотивов одинаково важны для разрешения как уголовно-правовых, так и криминологических проблем личности и преступного поведения.

Классификация мотивов преступлений возможна на разных уровнях и по различным основаниям. Этой проблемой занимались многие исследователи. Б. В. Харазишвили один из первых предложил классификацию мотивов, с точки зрения их обычного психологического содержания, выделив две группы мотивов преступлений: мотивы, связанные с идейными явлениями, и мотивы предметного характера. К первой группе им отнесены общесоциальные мотивы (морально-политические, связанные с этическими потребностями, стремлениями, вкусами; религиозные, обусловленные пережитками родового быта). Во второй группе он выделил мотивы личного характера (карьеризм, месть, ревность, корысть, чувство самолюбия, стыда, жалости, альтруизма); мотивы, вытекающие из настроения; мотивы аффекта, а также других интересов и потребностей²⁰.

Как правильно отметил И. Н. Даньшин, классификация мотивов, предложенная Б. В. Харазишвили, относится не к преступлениям, а к человеческому поведению вообще. При этом он в одной плоскости рассматривает мотивы, чувства, свойства, состояния и качества личности.

В свою очередь, И. Н. Даньшин предложил классификацию мотивов преступлений на уголовно-правовом основании. В зависимости от содержания мотивов, которое определяется целью и характером действий, к которым побуждает мотив, он выделяет мотивы убийств, спекуляции, хулиганства и другие²¹. Такая классификация является слишком общей, не раскрывающей специфики совершаемых преступлений на их почве.

Несколько иная классификация на тех же основаниях осуществлена Б. С. Волковым, который выделил три группы мотивов: мотивы политического характера (классовая ненависть, классовая месть); низменные, являющиеся различными формами проявления эгоизма; лишенные низменного характера²².

Более полную классификацию мотивов предложил П. С. Давель. Он подразделил все мотивы преступлений на три группы:

²⁰ См.: Б. В. Харазишвили. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве, с. 58, 62, 63.

²¹ См.: И. Н. Даньшин. О значении мотива преступления при изучении и предупреждении преступлений. — В сб.: Вопросы борьбы с преступностью, № 10. М., 1969, с. 70.

²² См.: Б. С. Волков. Мотив и квалификация преступлений, с. 98.

общественно опасные, общественно нейтральные и общественно полезные. К первым он относит антигосударственные мотивы (классовую ненависть, вражду к Советской власти или другому государству трудящихся, национальную или расовую ненависть и месть за государственную деятельность) и личные низменные мотивы (корысть, хулиганские побуждения, месть, сексуальные побуждения, ревность, трусость или малодушие, жестокость, карьеризм, зависть), а также мотивы, вытекающие из религиозных и иных пережитков местных обычаев и т. п. Вторую группу составляют личные мотивы, лишенные низменного характера: жалость и сострадание, родственные и иные чувства, обида в связи с действиями потерпевшего или других лиц, стыд, увлеченность какими-либо предметами или какой-либо деятельностью. Некоторые из них, по мнению П. С. Дагеля, носят положительный характер. К группе общественно полезных мотивов в целом относятся ложно воспринятые интересы государства, предприятия, колхоза, совхоза, мотивы защиты от общественно опасного посягательства, научный интерес и другие²³.

Предложенная классификация мотивов преступлений является наиболее полной. Однако она нуждается в определенных уточнениях. Во-первых, вряд ли правильно считать трусость, малодушие, жалость, сострадание, стыд, увлеченность определенными предметами и т. п. мотивами, поскольку эти явления относятся прежде всего к эмоциям либо характеризуют свойства и качества самой личности. Во-вторых, такая классификация не отражает специфики мотивов преступлений, совершаемых несовершеннолетними, обусловленных их возрастными особенностями и неустойчивой социализацией: озорством, чувством ложной романтики, героизма, стремлением познать неведомое и т. п. В-третьих, неверно относить к общественно полезным мотивам ложно воспринятые интересы государства, предприятия, колхоза и т. п., поскольку такие мотивы фактически ведут к причинению вреда общественным интересам, интересам государства в целом.

И. Г. Филановский, критикуя П. С. Дагеля, отмечает, что ни один из мотивов, названных в уголовном законодательстве, не может быть отнесен к общественно полезным. Признание возможностей существования общественно полезных мотивов преступлений, по его мнению, является следствием того, что П. С. Дагель допускает две ошибки: во-первых, рассматривает в качестве мотива преступления то или иное явление, которое

²³ См.: П. С. Дагель. Классификация мотивов и ее криминологическое значение. — В сб.: Некоторые вопросы социологии права. Иркутск, 1967, с. 272—275.

относится лишь к познанному переживанию; во-вторых, отождествляет мотивы преступления и мотивы поведения, которые действительно могут быть и общественно полезными и общественно нейтральными. Мотивы преступлений всегда антисоциальны потому, что в этом качестве выступают лишь predetermined побуждения, когда они направлены против конкретного общественного отношения. Мотивы поведения, будучи нередко общественно полезными или общественно нейтральными, могут привести к совершению преступлений по неосторожности. В зависимости от степени общественной опасности И. Г. Филановский выделяет четыре вида мотивов преступлений: политические, корыстные, иные низменные и личные. Среди мотивов поведения он называет альтруистические мотивы, мотивы, связанные с несением службы, и личные мотивы²⁴.

Нетрудно заметить, что И. Г. Филановский, пользуясь категорией социальной оценки мотивов, по существу выделяет мотивы умышленных преступлений и мотивы поведения, приведшего к общественно опасным последствиям в результате неосторожности. При этом для мотивов первой группы он употребляет категорию общественной опасности, а для второй оценка степени общественной опасности самого мотива поведения им как бы снимается, хотя такие мотивы могут быть не столь уже общественно полезными или социально нейтральными. Вряд ли можно поставить в один ряд превышение скорости водителем из-за стремления быстрее доставить груз для выполнения плана или для извлечения из этого корыстной выгоды.

Одни и те же мотивы могут получить различную социальную оценку не от своего наименования или отношения к самому факту конкретного волевого акта либо предшествовавшему ему поведению, а от фактически наступивших общественно опасных последствий. Мотив порицаем не сам по себе, а только лишь в связи с преступлением, совершаемым умышленно или по неосторожности. Каких-то специфических мотивов, относящихся только к умыслу или к неосторожности, в принципе не существует, поскольку речь идет о различных формах психической деятельности, проявляющейся в конкретных поступках, представляющих собой общественную опасность и противоправность. Иными словами, само по себе выделение мотивов в указанном смысле применительно к формам вины не может быть связано с их социальной оценкой.

²⁴ См.: И. Г. Филановский. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, с. 63.

Известная формула о том, что, порицая действие, мы вместе с тем порицаем и мотив, который его вызвал, справедлива далеко не во всех случаях. В широком смысле мы действительно порицаем мотивы, вызвавшие совершение преступления, но это только потому, что такое поведение противоречит предъявляемым требованиям, выраженным в уголовном законе. С точки зрения уголовного ответственности, первостепенную роль играют последствия содеянного, заслоняя действительные мотивы, побудившие человека к совершению тех или иных действий. Они не обязательно являются аморальными или антиобщественными. Вне общественно опасных последствий, предусмотренных уголовным законом в качестве преступления, мотив действий, вызвавший такой результат, не порицается. Это прежде всего относится к преступлениям, совершаемым по неосторожности, когда последствия содеянного находятся за пределами умысла виновного, когда не ставится цель достижения того результата, который фактически наступил. Вряд ли можно порицать во всех случаях и мотивы, вызвавшие общественно опасные последствия при случайно сложившихся обстоятельствах (например, при превышении пределов необходимой обороны, при вынужденности тех или иных действий и т. п.). Наконец, далеко не всегда носят ярко выраженный антиобщественный или асоциальный характер мотивы действий несовершеннолетних преступников.

Не является оправданным также выделение мотива преступления и мотива поведения, приведшего к преступлению, так как последнее может характеризоваться либо одним волевым актом (кража, убийство), либо двумя (скупка и перепродажа при спекуляции), либо их серией (занятие запрещенным промыслом), свидетельствующей о поведении в целом. При этом определенность побуждений, становящихся мотивом, в любом случае связана прежде всего с целью конкретных действий, а не с теми общественными отношениями, которым в результате совершения преступления причиняется вред или которые ставятся под угрозу причинения вреда. Определенность побуждений, на которую указывает И. Г. Филановский, связанная с направленностью против конкретного общественного отношения, может относиться лишь к тем преступлениям, когда сознанием виновного охватывается общественно опасный результат.

Высказанные соображения не исключают возможной классификации мотивов, и их изучение применительно к родовым объектам преступлений, которые совершаются на почве этих мотивов. Одни мотивы характеризуют исключительно только одну группу преступлений (например, антисоветские побуждения и мотивы относятся лишь к особо опасным государственным

преступлениям), другие — несколько разнородных преступлений, что, например, свойственно корыстным и иным личным побуждениям, относящимся к должностным преступлениям и преступлениям против собственности. Для преступлений против общественной безопасности и общественного порядка в качестве побуждений к их совершению выступают прежде всего хулиганские мотивы и мотивы мести в связи со служебной и общественной деятельностью потерпевшего. В преступлениях против социалистической и личной собственности основную роль играют корыстные мотивы. Все это не исключает возможность совершения отдельных преступлений, относящихся к определенным группам, по другим мотивам. Например, известно, что особо опасные государственные преступления могут быть совершены не только из антисоветских побуждений, но и по мотивам личного порядка, корыстным, карьеристским и т. п. Однако наличие антисоветских побуждений исключает какую-либо иную квалификацию содеянного на их почве.

Классификация мотивов в зависимости от объектов преступлений, совершаемых на их почве, носит ограниченный характер. Она лишь в какой-то мере отражает те общественные отношения, в связи с которыми они возникают. Между тем, для изучения самой мотивации и правовой оценки совершаемых преступлений по различным мотивам гораздо большее значение имеют источники их возникновения и социальная значимость.

Несмотря на то, что мотивы разнообразны по силе и глубине, степени осознанности и форме проявления, их можно подразделить на две основные группы: на общественные и личные. Такое подразделение мотивов человеческого поведения весьма условно, потому что и те и другие переплетаются между собой и в какой-то мере определяют друг друга. Они могут даже совпадать, действуя в одном и том же направлении. Тем не менее и при идеальном совпадении их все же всегда можно выделить. Подразделение мотивов по их социальному значению важно потому, что оценка мотивации дается не только обществом, но и самой личностью, являющейся его продуктом. Одни и те же мотивы могут расцениваться по-разному как самой личностью, так и обществом. Такая оценка зависит от объективных обстоятельств проявления мотивов, системы ценностной ориентации, принятой индивидом, от существующих в обществе моральных, нравственных, правовых и иных требований.

Подавляющее большинство личных мотивов отвечают общественным требованиям и являются социально значимыми. Те из них, которые противоречат общественным требованиям, не отвечают и не могут отвечать социальным потребностям — обще-

ственным и личным. Нравственное развитие личности неизбежно предполагает единство между социальными, нравственными требованиями и нравственным сознанием самой личности, выраженным в ее поведении, которое определяется социально значимой целью.

Преступное поведение, с точки зрения общественной значимости, всегда вредоносно. В тех случаях, когда преступное поведение определяется личными мотивами, последние противоречат социальным требованиям и потребностям. При совершении отдельных преступлений мотивы внешне могут быть общественно значимыми (например, при совершении тех или иных действий в ложно воспринятых интересах государства, предприятия, учреждения и т. п.). В действительности лицо, руководствуясь этими мотивами, не соизмеряет полезность своей деятельности с тем вредом, который фактически наступает для правоохраняемых интересов. Таковыми нередко являются мотивы неоправданного производственного риска, превышения пределов необходимой обороны и некоторых других исключительных обстоятельств. Одни из них можно отнести к асоциальным (социально нейтральным), другие — к общественно полезным и порицаемым лишь в связи с наступившими общественно опасными последствиями.

Среди личных мотивов можно выделить мотивы, порождаемые различными потребностями и интересами предметного характера (отношениями собственности, стремлением к осуществлению своих прав — действительных или мнимых), и мотивы, вызываемые эмоциями, чувствами и различного рода состояниями, не имеющими предметного содержания.

С точки зрения механизма мотивации именно преступного, а не иного поведения, особо важное значение имеет оценка мотива самим субъектом. Такая оценка может или совпадать с общественной, или противоречить ей. Нередко мотив приобретает исключительную значимость для субъекта, хотя в действительности его значение ничтожно.

В общем виде любое преступление связано прежде всего с недооценкой социального значения мотива самим субъектом преступления, с несовпадением общественной и личностной оценки мотивации. Мотивы могут не иметь личностного смысла и значения ни с точки зрения самого субъекта, ни с точки зрения общества. Однако это не исключает совершения преступлений на их почве. Например, хулиганские побуждения можно отнести к личностным только потому, что они обычно являются проявлением грубого эгоизма, цинизма и других отрицательных свойств и качеств самой личности виновного. В действитель-

ности они находятся вне сферы социалистических общественных отношений между людьми, не связаны с удовлетворением потребностей и интересов самой личности и поэтому не могут быть отнесены не только к социально значимым, но и к личностным.

Социальная оценка мотивации со стороны самой личности изменяется в довольно широких пределах. Она зависит от степени сформированности прежде всего социальных свойств и качеств личности. Снижение уровня оценки прямо зависит от степени нравственной запущенности и сформированности антиобщественной направленности личности, ценностной ориентации и мотивов основной деятельности субъекта, постепенно утрачивающего способность к надлежащей оценке мотивов поведения как своего собственного, так и окружающих его людей.

Известно, что поведение преступников-рецидивистов, систематически занимающихся преступной деятельностью, характеризуется устойчивой антиобщественной мотивацией. Его избирательность решается однозначно и сводится зачастую к антиобщественной форме удовлетворения потребностей и интересов. Сами же потребности и интересы постепенно становятся все более извращенными, примитивными, низменными, относящимися в той или иной форме к самой преступной деятельности. Преступления совершаются ради них самих.

Одновременно для лиц, совершающих преступления впервые, характерна неустойчивая мотивация. В своем подавляющем большинстве они еще сохраняют способность к нормальному избирательному поведению. Мотивы совершаемых ими преступлений зачастую не носят ярко выраженного антиобщественного содержания. Они проявляются случайно и нередко по своей психологической природе ничем не отличаются от мотивов обычного поведения. Оценка их социальной значимости личностью и обществом может даже совпадать как в отрицательном, так и положительном смысле.

Сущность мотива не может изменяться в зависимости от наступления или ненаступления общественно опасных последствий и оценки его социальной значимости в зависимости от того, что конкретно им порождено. В то же время сам по себе мотив вне его проявления в совершении конкретного преступления не может интересоваться уголовно-правовую теорию и практику. Поскольку все преступления различаются по степени общественной опасности, очевидно, и мотивы, относящиеся к ним, условно можно подразделить на несколько групп: во-первых, на мотивы, рассматриваемые законом в качестве обстоятельств, отягчаю-

ших ответственность (их исчерпывающий перечень дан в ст. 41 УК УССР), а в некоторых случаях рассматриваемые как квалифицирующие признаки ряда составов преступлений; во-вторых, мотивы преступлений, общественная опасность которых менее значительна (они относятся к составам без отягчающих и смягчающих обстоятельств); в-третьих, мотивы, рассматриваемые законом в качестве смягчающих обстоятельств (их примерный перечень содержится в ст. 40 УК УССР), а также предусмотренные в соответствующих составах преступлений. Однако такая классификация выражает лишь степень общественной опасности содеянного на их почве, а не сущность самих мотивов, которые по своей психологической характеристике иногда совпадают.

Более важное значение имеет классификация мотивов по источникам их образования и специфике отношений и интересов, которые в них отражаются. По этим признакам все мотивы преступлений, встречающиеся в судебной практике, можно подразделить на три основные группы: мотивы, обусловленные личными потребностями и интересами, а также неправильно сложившимися взаимоотношениями с окружающими людьми (корысть, месть на бытовой почве, ревность, сексуальные и иные низменные побуждения, личная заинтересованность и т. п.); мотивы, не имеющие личного смысла и значения и не связанные с удовлетворением собственных потребностей и интересов виновного (хулиганские побуждения, мотивы противодействия законной деятельности лиц, выполняющих свой служебный или общественный долг, месть на почве такого рода деятельности и другие); ситуационные мотивы действий, вызываемые прежде всего противоправным поведением потерпевшего (при превышении пределов необходимой обороны, в состоянии сильного душевного волнения, а также при нарушении условий крайней необходимости и т. п.), носящие вынужденный характер.

Перечисленные группы мотивов расположены в различных плоскостях человеческих отношений и отличаются по источникам возникновения. Они отражают разные уровни социальной деформации личности и неправильно сформированного сознания, нравственных, моральных, правовых взглядов индивида. Первые две группы мотивов непосредственно вызываются недостатками нравственного формирования личности, наличием своеобразной для каждой из них антиобщественной направленности. Третья группа обычно не вызывается предшествующим неблагоприятным нравственным формированием личности. Проявление этих мотивов в большей степени связано со случайно сложившимися неблагоприятными обстоятельствами, в которых

оказался субъект. Вместе с исчезновением ситуации исчезают и порожденные ею мотивы вынужденного действия.

Особую группу составляют мотивы преступлений, совершаемых несовершеннолетними, если эти мотивы обусловлены их возрастными особенностями и псевдоустойчивой социализацией, получившей искаженную направленность (мотивы поведения несовершеннолетних могут совпадать с мотивами взрослых, но недостаточно полно ими осознаваться).

Каждая из перечисленных групп мотивов объединяет широкий круг конкретных устремлений к совершению общественно опасных и противоправных волевых актов — преступлений. Эти устремления связаны с различными сферами отношений субъекта к государству, обществу, другим его членам, к существующим в социалистическом обществе нравственным, моральным и правовым требованиям и социальным ценностям — материальным и духовным. Проявление мотивов связано также со спецификой внешних поводов к совершению конкретных волевых актов и жизненными ситуациями, в которых оказывается субъект непосредственно перед совершением преступления.

Для первой и третьей группы мотивов характерна существенность повода к совершению преступления и лишь для некоторых из них (например, для мотива на почве ревности) повод может быть надуманным, фактически беспочвенным, однако он, с точки зрения самого субъекта, имеет важное значение. Отличительная черта первой группы — это обусловленность повода неправильно сложившимися отношениями виновного с остальными людьми. Обычно он является существенным. Преступления, совершаемые по мотивам личного характера (например, корыстные), могут совершаться и без четко выраженного повода, однако это не изменяет их общей характеристики. Для третьей группы мотивов внешний повод является не только существенным, но и определяющим для волевого акта в целом, а также выступает в качестве непосредственной причины совершения преступления.

Вторая группа мотивов, напротив, характеризуется тем, что при совершении преступлений на их почве повод может отсутствовать вообще либо быть малозначительным, ничтожным, что характерно, в частности, для хулиганства, либо он связан с общественной, служебной или государственной деятельностью потерпевшего. Личные отношения здесь утрачивают свое значение.

Предложенная классификация мотивов является условной. Один и тот же мотив может по-разному осознаваться субъектом, связываться им с различными целями и приводить к различным преступлениям. Например, корысть наиболее часто про-

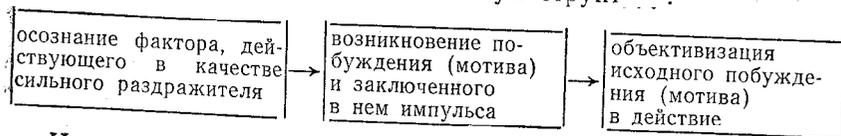
является при совершении преступлений, связанных с посягательством на собственность (социалистическую или личную). Однако по мотивам корысти может быть совершено и особо опасное государственное преступление.

Нередко в одном и том же преступлении проявляется сразу несколько мотивов и побуждений, что затрудняет их распознавание и правовую оценку. Все это требует более предметного рассмотрения содержания мотивации применительно к различным формам ее проявления в преступном поведении, в частности, к зависимости между формой вины, мотивом и целью отдельного преступного акта.

Структура мотивации преступления

В психологии обычно различаются рефлекторные, инстинктивные, импульсивные и волевые действия. Первые два вида осуществляются бессознательно и носят органический характер. Импульсивное и волевое действия находятся под контролем сознания, хотя и на различных его уровнях. Импульсивное действие характеризуется тем, что человек, действуя уже не на уровне инстинктов, утрачивает, хотя и неполностью, самоконтроль за поведением и его избирательностью. Он действует сразу за исходным, ярко выраженным побуждением и становится послушным орудием чувств, эмоций, аффективных переживаний, требующих определенной разрядки. Стадия принятия решения действовать определенным образом здесь «сливается» с исходным побуждением (импульсом), которое стремительно переходит в действие, минуя полный контроль сознания. Импульсивность характерна для преступлений, совершаемых под влиянием аффекта — сильного душевного волнения, вызванного противоправным поведением потерпевшего.

Импульсивное действие имеет такую структуру:

Человек, обладающий сознанием и волей, сохраняет возможность контроля над своим поведением под влиянием аффекта. Он может преодолеть его и в самом начале и на стадии реализации аффекта в действие, хотя контроль сознания здесь значительно ослаблен. Уголовная ответственность за действия, совершенные в состоянии аффекта, обуславливается тем, что субъект все же имеет возможность недопустить аффективной

вспышки вообще, а тем более реализации ее в общественно опасном деянии. Это особое психическое состояние вызывает нарушение сознательного контроля за самим процессом выбора поступка в сложившейся ситуации, но полностью его не ликвидирует²⁵.

Аффект проявляется в довольно узкой сфере преступлений, вызываемых неправомерным поведением потерпевшего²⁶. Возникновение критической ситуации в связи с этими обстоятельствами требует принятия немедленного решения без его обдумывания и надлежащей оценки. Здесь не осознаются до конца ни цель, ни мотив совершения тех или иных действий, ни взаимосвязь между ними. Именно это и порождает неадекватную реакцию индивида в ответ на оскорбление или насилие со стороны потерпевшего в виде совершения преступления в состоянии аффекта.

И. П. Павлов относил аффект к психическим состояниям, наиболее связанным с инстинктивной или безусловно-рефлекторной деятельностью²⁷. В состоянии аффекта, отмечает академик П. К. Анохин, мотив выражает внутреннюю потребность организма к действию²⁸. Целью таких действий, по мнению советских психологов, является устранение негативных раздражителей²⁹.

При совершении преступлений довольно часто встречаются элементы импульсивного действия. Они занимают тем больший удельный вес в поведении индивида, чем меньше у него способности к правильному избирательному поведению. Такое поведение вызывается как дефектом воли, так и ослаблением внут-

²⁵ При отсутствии сознания и воли, вызванного патологическим аффектом, уголовная ответственность, как известно, исключена.

²⁶ Спорными представляются утверждения В. Ткаченко о том, что состояние сильного душевного волнения может быть вызвано не только реальными причинами, а фактом (различными способами: воображаемыми, неправыми истолкованиями либо теми, в отношении которых лицо введено в заблуждение). Во-первых, в таком случае исключительное значение придается субъективному восприятию ситуации самим виновным, тогда как должен учитываться комплекс объективных факторов. Во-вторых, действующее законодательство предусматривает ответственность за преступление, совершенное в состоянии аффекта, если он вызван неправомерным поведением потерпевшего (см.: В. Ткаченко. Поводы возникновения аффекта и их уголовно-правовое значение. — «Советская юстиция», 1972, № 16, с. 21).

²⁷ И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. 3, с. 87.

²⁸ См.: П. К. Анохин. Новое в работе мозга. М., «Наука и человечество», 1965, с. 40.

²⁹ См.: С. Солтысик, Ю. Конорский. Соотношение между классическими и интеллектуальными условными рефлексами. — «Вопросы психологии», 1966, № 3, с. 35.

ренной системы социального контроля, несформированностью способности к надлежащей оценке конфликтной ситуации и возникающей в связи с ней эмоциональной напряженности.

Каждое преступление в той или иной степени сопровождается проявлением чувств, эмоций, волнений и других явлений, связанных с риском разоблачения и наказания за содеянное и с совершением самого преступления. Поэтому особое значение имеет отграничение преступлений, совершенных на почве аффекта, от преступлений, где он лишь придает своеобразную эмоциональную окраску содеянному, не определяя его содержания. Аффект порождается обидой, насилием и стремлением отомстить за унижение, боль. Однако основу самого импульсивного действия все же составляет эмоция гнева. Именно гнев является ведущим побуждением в преступлениях, совершаемых в состоянии аффекта. Во всех других преступлениях это побуждение носит подчиненный характер.

Импульсивные действия — лишь один и далеко не главный вид действий, через которые реализуются мотивы и побуждения. Для человеческого поведения характерны все же действия волевые. Они представляют собой целенаправленные, сознательно регулируемые акты, когда человек «действует именно как человек, а не как машина или животное как раз потому, что он отражает в себе — сознает и направляет свою деятельность, осознает себя как источник, воздействующий на объект и в этом противостоящий объекту»³⁰. Однако волевые действия не так резко отделены от импульсивных. Волевое действие может перейти в импульсивное и наоборот. В своей сущности этот переход детерминирован не столько биологическими, сколько социальными свойствами индивида, хотя здесь определенную роль играют темперамент и другие психофизиологические особенности. Высоконравственная личность вольно или невольно соотносит свои действия и поступки с существующими в обществе моральными, правовыми и иными требованиями, и напротив, степень нравственной запущенности снижает уровень нравственной оценки поведения, открывая все больший простор для ничем не сдерживаемых инстинктивных и импульсивных действий под влиянием непосредственно испытываемых потребностей и интересов, в том числе противоправного характера³¹.

³⁰ А. Д. Александров. Еще раз о деятельной сущности человека. — «Вопросы философии», 1968, № 7, с. 123.

³¹ Исследования показывают, что ситуативность и импульсивность действия характерны для многих преступников из числа молодежи (см.: К. Е. Игошев. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974, с. 75).

Внутреннее побуждение всегда опосредовано нравственным опытом человека, его социальными свойствами и качествами, сформированными задолго до их проявления в конкретном волевом или импульсивном действии. С психологической точки зрения, сущность воли заключается в способности человека управлять своими действиями и поступками в соответствии со стоящими перед ним целями, задачами. Избирательность поведения обусловлена объективными и субъективными факторами, которые складываются для индивида в социальной жизни. Как бы ни были разнообразны ситуации, в которых оказывается человек, он всегда имеет реальную возможность избрать поведение в соответствии с социальными требованиями. Реальность выбора поступка лежит в основе ответственности лица за свое поведение. Субъективно такая возможность определяется тем, что человек соизмеряет каждый значимый для него поступок с уже приобретенным опытом. Сложившаяся ситуация анализируется и сопоставляется с другими явлениями, имевшими место в прошлом, оценивается с точки зрения перспектив и только затем избирается отношение к ней.

Поступок — не просто действие. Фактически это — результат действия, целесообразность которого человек осознает еще до его совершения. Каждый поступок получает определенную оценку не только самой личности, но и остальных людей. В зависимости от соответствия поступка интересам и требованиям общества он либо одобряется, либо порицается.

«Идея детерминизма, — писал В. И. Ленин, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий»³². Зрелость и цельность личности характеризуются тем, что все жизненные вопросы она решает с точки зрения общественных интересов и предъявляемых требований. Воля — практическая сторона сознания. С ее помощью реализуются устремления человека. Волевым является не только действие, но и бездействие, если оно связано с принятием определенного решения. Бездействие в таких случаях можно охарактеризовать «внутренним» действием, находящим объективированное выражение в наступивших последствиях. «В истории общества, — подчеркивал Ф. Энгельс, — действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»³³.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 306.

Любое преступление связано с сознательным выбором поступка и принятием решения действовать именно так, а не иначе. Это — сознательный волевой акт человеческого поведения в подавляющем большинстве случаев. С точки зрения психологии, исходным моментом любого волевого акта является осознание мотива, которое сопровождается постановкой цели. Поставленная индивидом цель служит источником его устремленности и активности. Мотивы и цели тесно связаны между собой и определяют друг друга. Однако вне цели мотив не существует. Это полностью относится и к преступлениям. В цели и намерениях отражается направленность посягательства на определенную систему социалистических общественных отношений (объект преступления). Действие или бездействие без ясно выраженного в нем намерения не может быть предметом ни моральной, ни правовой оценки. Избирая из нескольких (по крайней мере двоякий вариант) единично, представляющий общественную опасность и противоправность, субъект может ставить перед собой самые различные цели и по-разному их осознавать. Даже импульсивное действие не является бесцельным. Цель направляет преступное поведение на достижение того результата, мысленный образ которого заключен в ней.

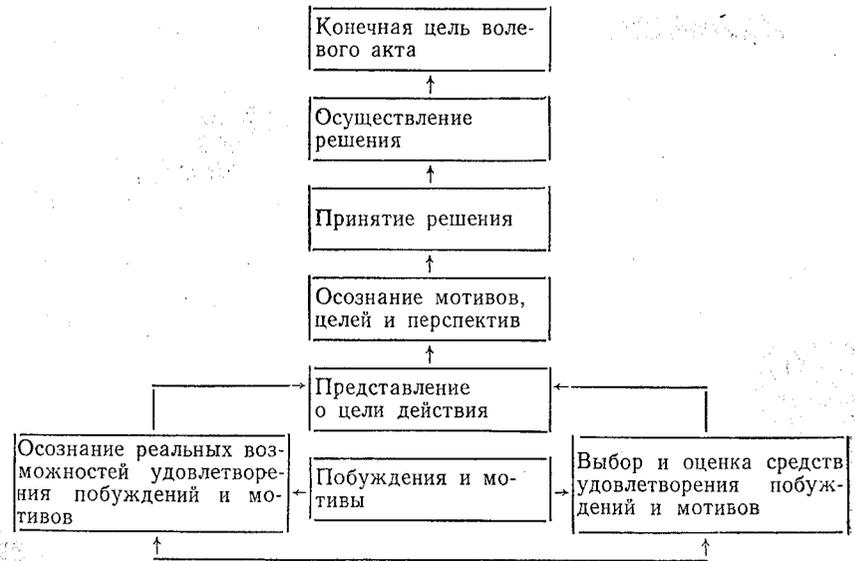
Цели могут быть ближайшими, промежуточными и отдаленными, конкретными и неопределенными. Они могут относиться к различным последствиям и самим действиям. Степень осознания цели, ее предвосхищение могут реально совпадать с фактически наступившими последствиями и резко от них отличаться. Возможность предвидения общественно опасного результата имеется и в тех случаях, когда субъектом не ставится такая цель, а преследуются какие-то иные цели. Это не исключает уголовной ответственности, если лицо могло и должно было предвидеть общественно опасный результат.

При совершении волевого акта достижение цели обычно сопровождается преодолением различных внешних (условий, затрудняющих совершение преступления) и внутренних препятствий (психологических, т. е. собственных раздумий и переживаний, которыми субъект подавляет, если он сталкивается с поставленной им же целью). Это иногда именуется «борьбой мотивов», хотя более правильно говорить о выборе мотивов и избирательности поведения под контролем сознания. Если даже понимать борьбу мотивов как противоборствование долга и противоречащих ему побуждений, то и в этом случае для некоторой категории преступников это не является определяющим в силу укоренившихся антиобщественных свойств и качеств личности. Для них понятие долга — пустой звук. Они не испыты-

вают ни чувства стыда, ни угрызений совести от совершенного преступления. Проблема противоборствования мотивов у них не возникает.

Волевым есть не только действие, но и воздержание от него (проявление внутренней воли). Именно этот компонент характерен для преступного бездействия. Бездействие преступно, если в результате этого наступили общественно опасные последствия, а обязанность действовать вытекала либо из требований закона, либо обязательств, принятых по службе или договору, либо родственных отношений (например, из заботы родителей о детях), либо из предшествующих действий виновного (например, из обязанности лица, согласившегося быть проводником и провести туристов через тайгу).

Общую схему волевого акта можно представить следующим образом:

Предложенная схема является условной. В действительности не каждый волевой акт характеризуется всеми отмеченными признаками и именно в представленной последовательности. Он может осуществляться и при недостаточной осознанности отдельных элементов, предшествующих осуществлению решения. В некоторых случаях субъект недооценивает реальных возможностей выполнения волевого акта, средств его осуществления и т. п. Процесс достижения намерений иногда ускоряет-

ся, объединяя несколько компонентов в единое целое. Мотив и цель совершения волевого акта могут относиться не только к желаемым последствиям, но и к самим действиям. Иногда они меняются местами — сначала осознается цель (или цели), а затем соответствующий мотив, причем волевой акт может вызываться несколькими мотивами и побуждениями одновременно, если они не противоречат поставленной цели и являются совместимыми. Более того, при осуществлении волевого акта содержание мотивов и целей может измениться, что проявляется, в частности, при добровольном отказе от совершения преступления.

Психологический механизм преступления внешне ничем не отличается от любого другого волевого акта, находящегося под контролем сознания. Однако, с точки зрения уголовной ответственности, первостепенное значение имеет осознание виновным общественной опасности содеянного. Такое осознание выражает антисоциальный смысл преступных действий (бездействия), позволяя отличить преступление от любого другого волевого акта. Сознание общественной опасности (либо возможность его) является одним из важнейших элементов мотивации именно преступного, а не иного поведения.

Поскольку преступление — итог волевого акта, его результат, изучение мотивации связано с построением мысленной модели данного явления, в том числе его психологического содержания. Особое значение имеет изменение структуры мотивации в зависимости от формы вины совершенного преступления.

Любое преступление отражает отношение субъекта к другим людям, социальным ценностям (материальным, нравственным, моральным, этическим, правовым), к обществу и государству в целом. Это отношение характеризуется прежде всего антиобщественной или асоциальной направленностью. Наступление или угроза наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда правоохраняемым интересам (объекту посягательства) — неотделимое свойство такого поведения. Общественную опасность могут представлять и сами действия. Однако это вовсе не означает, что в таком случае исчезают последствия в форме посягательства на объект. Эти последствия можно представить лишь мысленно. Субъективное отношение индивида к наступившим в результате его действий (или бездействия) последствиям либо к самим действиям выражается в форме умысла или неосторожности, причем, если для определения деяния как акта человеческого поведения достаточно, чтобы поступок направлялся волей, и не играет роли субъективное отношение к последствиям, то для установления виновности это имеет

решающее значение. Само действие может быть совершено сознательно и под влиянием воли, но без установления субъективного отношения к последствиям невозможно определить форму вины, а следовательно, и степень ответственности субъекта за содеянное.

В связи с этим А. А. Пионтковский подчеркивал: «Характеристика преступления как волевого поведения человека — действия или бездействия — еще не решает вопроса о наличии или отсутствии вины лица и о ее формах. Вопрос о вине решается в зависимости либо от предвидения или возможности предвидения определенных преступных последствий совершенного действия, либо от осознания или возможности осознания таких черт совершенного действия или бездействия, которые образуют объективные признаки того или иного состава преступления. Совершенное сознательно действие может заключать в себе состав неосторожного преступления»³⁴.

Субъективная сторона преступления — это психическая деятельность виновного, непосредственно связанная с совершением преступления и представляющая собой неразрывное единство ее интеллектуальных и волевых процессов³⁵. На этой основе в учебной литературе обычно выделяются интеллектуальные и волевые критерии отдельных форм вины. Интеллектуальный критерий сводится к сознанию общественной опасности деяния и предвидению его общественно опасных последствий или возможности предвидения таких последствий; волевой — к желанию виновного, чтобы наступили общественно опасные последствия, безразличному или легкомысленному отношению к этим последствиям при отсутствии желания их наступления.

Форма вины устанавливается на основе анализа и сопоставления объективных и субъективных признаков состава в их совокупности. Однако первостепенное значение при этом все же принадлежит раскрытию содержания субъективных признаков и особенно мотивации преступления как волевого акта человеческого поведения. Без установления мотива вряд ли можно сделать вывод о том, сознавало ли лицо свои поступки и их последствия, какими факторами эти поступки были вызваны.

В юридической литературе обычно различается два вида мотивов: мотивы совершения преступлений при наличии умысла и мотивы общественно опасного поведения, приведшего к преступлению, относящиеся к неосторожности. Так, И. Г. Филановский пишет: «Мотив преступления свидетельствует о том, что

³⁴ А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, с. 171.

³⁵ См.: Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972, с. 150.

преступник понимал, осознавал, желал наступления того или иного последствия, мотив же поведения говорит только о том, что преступник поступил именно так, а не иначе»³⁶. По мнению И. Г. Филановского, мотивы преступлений играют решающую роль в раскрытии содержания преступного акта и его правовой оценки, тогда как мотивы деяния, хотя и объясняют природу общественного опасного поведения, но их значение в решении вопросов уголовной ответственности невелико. Они важны лишь для профилактической работы³⁷.

Почти такой же точки зрения придерживается Н. Ф. Кузнецова, которая считает, что определение волевого содержания преступной небрежности к общественно опасным последствиям является беспредметным, так как воля без цели не существует. Волевое содержание преступления в этих случаях заключается в самой деятельности человека³⁸. Позже Н. Ф. Кузнецова пришла к выводу, что небрежность, помимо интеллектуальной, имеет волевою сторону³⁹.

Некоторые криминалисты еще более категорично отрицают волевое содержание преступной небрежности в целом, так как, по их мнению, в данном случае виновный не предвидит последствий своих действий или бездействия и не сознает общественной опасности содеянного⁴⁰.

Существует также мнение об отсутствии проявления воли только при преступном бездействии, имеющем место в результате небрежности, и о ее наличии при неосторожном действии⁴¹. Вопрос о волевом содержании неосторожности, хотя и остается дискуссионным, но от этого несколько не утрачивается его практическое значение.

С точки зрения уголовно-правовой оценки преступления, важна прежде всего мотивация самого поступка, а не поведение и деятельность виновного до его совершения. Однако иногда приходится обращаться и к этим моментам, что вызывается необходимостью выяснения содержания мотива непосредственного действия. Признание того, что в неосторожных преступлениях отсутствует мотив действия или бездействия, является

³⁶ И. Г. Филановский. Мотивы и цели преступления. — «Социалистическая законность», 1968, № 2, с. 12.

³⁷ См.: Его же. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, с. 50.

³⁸ См.: Н. Ф. Кузнецова. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958, с. 6—15.

³⁹ См.: Ее же. Преступление и преступность. М., 1969, с. 48.

⁴⁰ См.: Ш. С. Рашковская. Субъективная сторона преступления. М., 1961, с. 24—25.

⁴¹ См.: В. Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. М., 1960, с. 13.

ся отрицанием волевого содержания самих преступных актов, так как воля без мотива не существует. Если же такое поведение не является волевым, то, с точки зрения психологии, оно должно быть рефлекторным, инстинктивным либо импульсивным, так как иных форм человеческого поведения не существует.

Раскрывая специфику волевого содержания преступлений, совершаемых по неосторожности, Б. С. Волков отмечает, что они имеют собственную цель и собственный мотив, которые не распространяются на общественно опасные последствия, а заключены в таких актах, которые не совместимы с обязанностями индивида. При совершении указанных преступлений общественно опасные последствия являются не целью действий, а побочным, вторичным результатом этих действий, последствием второго порядка⁴². Еще более определенно по данному вопросу высказался Я. М. Брайнин, различая мотивы, относящиеся к последствиям при совершении умышленных преступлений, и мотивы к действию или бездействию в преступлениях, совершаемых по неосторожности⁴³.

На наш взгляд, эта точка зрения может быть положена в обоснование мотивации любого преступления, ведь один и тот же мотив может вызывать постановку разнообразных целей и возникновение различных по форме и содержанию волевых актов. Сам по себе мотив не определяет ни формы вины совершенного преступления, ни предметности посягательства. Психологическую сущность содеянного и его действительную направленность в большей степени раскрывает цель действий (бездействия). В связи с этим П. С. Дагель обоснованно отмечает: «Один и тот же мотив может привести к совершению различных преступлений, причем различных даже по форме вины. Так, на практике встречаются случаи совершения из хулиганских побуждений неосторожных убийств, совершения из корыстных побуждений нарушений правил безопасности движения на автотранспорте и т. п.»⁴⁴.

Поскольку любое преступление связано с избирательностью поведения и способностью субъекта к такой избирательности, разрешение вопроса о волевом содержании преступлений, совершаемых умышленно или по неосторожности, и об их мотивах должно базироваться на психологическом основании самого

⁴² См.: Б. С. Волков. Проблема воли и уголовная ответственность, с. 39—40.

⁴³ См.: Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, с. 233.

⁴⁴ П. С. Дагель. Криминологическое значение субъективной стороны преступления. — «Советское государство и право», 1966, № 11, с. 89.

процесса мотивации поступка, которая заключается в принятии решения субъектом о совершении определенных действий или бездействия в сложившейся ситуации. Решение действовать определенным образом связано не только с выбором поступка, но и с формой реализации мотива. В одних случаях он реализуется в наступивших последствиях (совпадение цели и результата), в других — в самих действиях, в третьих он оказывается нереализованным, так как цель и результат не совпадают. Наступившие при этом последствия в какой-то мере могут относиться к удовлетворению мотива и выступать в качестве побочных, не связанных с ним.

Преступления, совершаемые с прямым умыслом, по своей мотивационной структуре наиболее близки к традиционной схеме обычного волевого акта человеческого поведения, находящегося под контролем сознания. Сокращенно эту схему можно представить так:

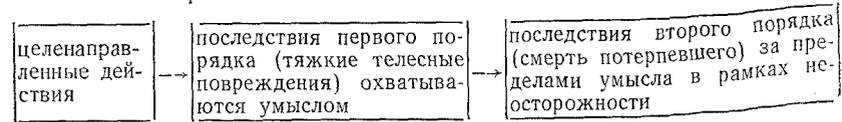
Применительно к отдельным преступлениям схема поведения иногда усложняется в результате различий степени осознанности мотивов, целей и перспектив развития волевого акта к желаемым последствиям. Осознание отдельных компонентов волевого акта может изменяться в широких пределах — от полностью осознанного и глубоко продуманного намерения, направленного на достижение преступной цели, до смутно осознаваемых последствий аффектированного поведения. Даже при осознанности мотивов действия последствия совершаемого преступления (цель) не всегда конкретизируются в сознании субъекта в законченном виде. В качестве цели обычно более четко прослеживается один из возможных результатов волевого акта. Именно на этой основе в уголовно-правовой теории выделяются виды прямого умысла — конкретизированный (простой и альтернативный) и неконкретизированный (неопределенный). Известно, что при альтернативном и неконкретизированном умыслах ответственность наступает по фактическим последствиям, которые предвосхищались субъектом и желались им наряду с другими (выборочно или с принятием любого из них).

Рассмотрение особенностей осуществления волевых актов и их мотивации имеет важное значение для разграничения покушения на преступление от оконченного преступления при реше-

нии вопроса об уголовной ответственности, когда субъект заблуждается по поводу обстоятельств совершаемого им преступления (при фактической ошибке), а также в случаях наступления общественно опасных последствий, выходящих за пределы умысла.

Иногда субъект четко осознает лишь ближайшие последствия преступления, относясь безразлично к более отдаленному результату. Наконец, отдаленные последствия могут им не осознаваться вообще, что, однако, не устраняет ответственности за них, если виновный мог и должен был их предвидеть. Это характерно, в частности, для преступлений, совершаемых со сложной формой вины, когда цель и фактически наступивший результат не совпадают.

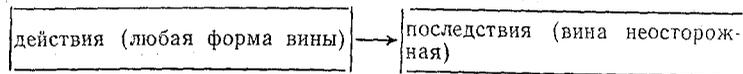
Преступления со сложной формой вины можно подразделить на две категории: во-первых, преступления с двумя следующими друг за другом последствиями при различии психического отношения к ним, когда каждое из последствий представляет общественную опасность и в ином случае рассматривается как самостоятельное преступление; во-вторых, преступления, когда фактически наступившие последствия не охватываются сознанием виновного, но он мог и должен был их предвидеть, совершая умышленно или по неосторожности те или иные действия либо бездействия, не представляющие сами по себе преступления. Типичным преступлением, относящимся к первому варианту, является причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 101 УК УССР), которое схематически выражается так:

Для него характерно наличие умысла (прямого или косвенного) на причинение тяжких телесных повреждений и неосторожности к фактически наступившим последствиям (смерти потерпевшего).

Второй вариант сложной формы вины относится к преступлениям, связанным с нарушением различного рода правил и других подзаконных актов, вызывающих общественно опасные последствия. Эти действия, совершаемые умышленно или по неосторожности, вне последствий, указанных в законе, выступают в роли административных и иных правонарушений, но преступными не являются. К таким преступлениям относятся так называемые транспортные (ст. ст. 77, 215 УК УССР), а также

связанные с нарушением различных правил охраны труда и техники безопасности (ст. ст. 135, 218, 219 УК УССР). Графически эта форма вины выглядит несколько иначе:

О правовой сущности преступлений, совершаемых со сложной формой вины, в юридической литературе высказываются противоречивые суждения. Одни криминалисты считают, что постановка вопроса о такой вине противоречит законодательному определению форм вины, другие ее так или иначе признают. Оба варианта сложной формы вины нередко отождествляются, а иногда распространяются и на преступления, где она отсутствует, в частности на злоупотребления служебным положением, которые относятся к умышленным преступлениям⁴⁵.

Судебная практика вынуждена обращаться к рассматриваемой форме вины, так как в противном случае нередко утрачивается возможность разграничения смежных преступлений. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» подчеркивается: «Судам необходимо ограничивать умышленное убийство от умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, когда отношение виновного к наступлению смерти выражается в неосторожности»⁴⁶.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» разъясняется, что указанные преступления должны рассматриваться «как совершенные по неосторожности, поскольку субъективную сторону этих деяний определяет неосторожное отношение лица к возможности наступления общественно опасных последствий при нарушении им правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств»⁴⁷. По нашему мнению, такое указание Пленума не исключает различий психического отношения виновного к нарушению самих правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, что важно для ограничения рассматриваемого преступления от преступлений против жизни и здоровья

граждан либо от посягательств на социалистическую или личную собственность, а также при назначении меры уголовного наказания виновному.

Решение вопроса о том, умышленным или неосторожным является преступление, совершенное со сложной формой вины, зависит от конструктивных признаков состава конкретного преступления. Но отношение лица к последствиям, которые могут наступить в результате совершения определенных действий, не предопределяет саму форму вины. Например, причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, несмотря на наличие неосторожного отношения к последствиям, является умышленным преступлением. Выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств относится к преступлениям, совершаемым по неосторожности, хотя в законе имеется указание на *заведомость* таких действий, что подчеркивает их умышленность.

Несовпадение цели и результата наблюдается и при совершении целого ряда других преступлений в зависимости от того, являются ли они материальными или формальными. В материальных преступлениях достижение цели по сути и означает достижение результата (ближайшего или отдаленного). В формальных преступлениях наряду с общей целью совершения тех или иных действий, образующих окончанный состав преступления (например, бандитизм), обычно ставятся и более конкретные, частные цели совершения убийств, поджогов и других преступлений, охватываемых основным составом. В этих целях находит конкретизацию и мотив совершения данного преступления. Конкретизированные цели и мотивы, в свою очередь, определяют содержание направленности умысла при совершении отдельных преступных актов бандой. Однако, поскольку сами формальные преступления считаются выполненными в момент совершения действий, совсем не обязательно, чтобы конкретные, частные цели были осуществлены преступниками. Иными словами, структура мотивации в формальных преступлениях переносится на сами действия, представляющие общественную опасность, независимо от наступления каких-либо последствий. Но если формальное преступление фактически повлекло общественно опасные последствия, материализовалось в них, возникает необходимость исследования психического отношения виновного и к этим последствиям.

С этих же позиций должны рассматриваться преступления, совершаемые при сознании неизбежности наступления общественно опасных последствий. Их особенность заключается в том,

⁴⁵ См.: Советское уголовное право. Часть общая, с. 173.

⁴⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 8.

⁴⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973, с. 549.

что субъект под влиянием мотива ставит перед собой какие-то ближайшие цели, сознательно принимая неизбежность наступления более опасных последствий, выступающих как более отдаленный результат. Его интересует ближайший результат, однако он как бы заслоняет действительную значимость социальных общественных отношений, против которых направлено посягательство. Мотив совершенного при этом преступления соотносится с любыми последствиями, осознавшимися в момент принятия решения действовать определенным образом, в том числе и с теми, которые должны были неизбежно наступить. Поскольку принятое решение соотносится с любыми последствиями, которые принимаются субъектом сознательно и под влиянием его воли, рассматриваемая форма вины относится к прямому умыслу.

Сознание неизбежности наступления последствий некоторые криминалисты относят не к прямому, а к косвенному умыслу⁴⁸. В связи с этим А. А. Пионтковский справедливо отмечал: «Сознание неизбежности наступления преступных последствий своих действий несовместимо с их нежеланием и лишь сознательным допущением, что является необходимой принадлежностью эвентуального умысла»⁴⁹. Рассматривая этот же вопрос, В. Н. Курляндский подчеркнул, что «подобное утверждение объясняется смешением таких понятий, как мотив, цель и умысел, а также недостаточно четким различением характеристик прямого и косвенного умысла»⁵⁰. При этом следует добавить, что правильность квалификации зависит не только от установления умысла вообще, но и от выяснения его конкретного содержания, что раскрывается в мотивах и целях совершения тех или иных действий, в структуре мотивации преступления в целом.

При совершении преступлений с косвенным умыслом цель совершаемых действий и фактически наступившие последствия не совпадают. Последние находятся за пределами первоначально поставленной цели. Преследование иной цели, которая не относится к наступившим последствиям, существенно влияет на

⁴⁸ См.: Б. С. Утевский. Вина в советском уголовном праве. М., 1950, с. 255—256; К. Ф. Тихонов. К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве. — «Правоведение», 1963, № 3, с. 83; Комментарий УК РСФСР. М., 1964, с. 19.

⁴⁹ А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, с. 364.

⁵⁰ В. Н. Курляндский. К вопросу об основаниях уголовной ответственности за особо опасные государственные преступления. — В сб.: Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма. Л., 1963, с. 114.

всю структуру мотивации. Соответствующий данной цели мотив переносится на сами действия.

Структуру волевого акта при косвенном умысле схематично можно представить так:

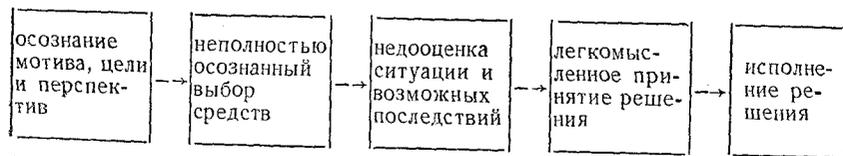

Принятие решения действовать определенным образом здесь обеспечивается осознанием целей и мотивов, характера совершаемых действий и возможных последствий, которые допускаются виновным при осознании причинной связи между действиями и указанными последствиями. Устремленность к самим действиям, представляющим значимость для субъекта в данный момент, и выступает в его сознании как желаемый результат. Фактически наступившие последствия осознаются в виде возможных перспектив развития волевого акта, однако они не интересуют субъекта, и поэтому цель их достижения им не ставится. Происходит разрыв между осознанностью поставленной цели и возможными последствиями, которые желанием субъекта не охватываются. В то же время наступившие последствия не противоречат содержанию осознаваемого мотива самих действий. Если бы такое противоречие имело место, то волевой акт оказался бы невозможным.

Мотивационная структура преступлений, совершаемых с косвенным умыслом, весьма близка к неосторожности в форме преступной самонадеянности, когда цель достижения определенного результата преступником также не ставится, но последствия им все же предвосхищаются. Субъект и в данном случае преследует иные цели, однако в отличие от косвенного умысла проявляет излишнюю, неоправданную на деле самоуверенность в том, что он сможет избежать наступления общественно опасных последствий, которые фактически наступают. Представления субъекта о предотвращении каким-то образом этих последствий получают в его сознании преобладающее значение, укрепляя решимость действовать в избранном направлении и принять соответствующее решение⁵¹.

⁵¹ В юридической литературе представление о ненаступлении результата при преступной самонадеянности иногда считается одним из мотивов самих действий, что не совсем точно, так как мотив — конкретное стремление, а не представление человека о явлении, порожденном указанным стремлением (см.: Б. Г. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957, с. 38).

Преступная самонадеянность — следствие поспешности принятия решения, неоправданного легкомыслия, безответственного отношения к окружающим, к интересам социалистического общества в целом. Однако ошибочное представление субъекта о ненаступлении общественно опасных последствий в данном случае является лишь дополнительным стимулом к принятию неоправданного на деле решения, основанного на более конкретных мотивах совершения неосторожных действий или бездействий. Именно они находят свою конкретизацию в цели совершаемых действий, объективизируются в ней. Под их непосредственным влиянием субъект считает возможным поставить под удар правоохраняемые интересы, нарушить соответствующие правила, не выполнить свой долг, обязанности и т. п. Поскольку такое поведение связано с принятием решения действовать определенным образом, оно считается волевым. Волевое содержание преступной самонадеянности отражается в мотивах и целях совершаемого преступления, которые сами по себе (вне наступления общественно опасных последствий) нередко не являются антиобщественными. Особенность самой мотивации заключается в том, что при осознании целей, мотивов, перспектив волевого акта субъектом недоучитывается действительное содержание различных факторов или оказавшихся в наличии непредвиденных обстоятельств, изменяющих ход развития событий. Избранные им средства осуществления поставленной цели, их оценка оказываются не соответствующими сложившейся ситуации, и общественно опасный результат все же наступает. Структура волевого акта при преступной самонадеянности выглядит так:

С принятием решения связана и неосторожность в форме преступной небрежности, хотя наступившие общественно опасные последствия здесь субъектом вовсе не осознаются. Он не желает и не допускает их наступления. Однако сами действия виновного все же являются целенаправленными и мотивированными, хотя ни цели, ни мотивы здесь не относятся к фактически наступившим последствиям. Эти преступления обычно совершаются при неблагоприятном стечении обстоятельств, затрудняющих предвидение общественно опасных последствий и разрыве причинной связи между совершаемыми действиями (без-

действием) и указанными последствиями. Цепь развития этой связи зачастую осложняется случайными факторами.

Возможность наступления последствий зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов в их совокупности. Интересную мысль в связи с этим высказал Б. Петелин: «Психологический механизм поведения при неосторожном преступлении определяется тем, что в стадии его исполнения происходит прерывание (точнее, искривление) психической причинности внешними обстоятельствами. Это ведет к рассогласованию цели лица с намеченным результатом и наступлению таких побочных результатов, которые не охватывались целью»⁵².

Для решения вопроса об уголовной ответственности важное значение имеет установление степени осознания данным лицом факта нарушения его обязанности действовать более целесообразно в сложившейся ситуации, соблюдая предъявляемые к нему требования. Вне этого нельзя решить вопрос о возможности, должностовании предвидения им общественно опасных последствий, которые наступили.

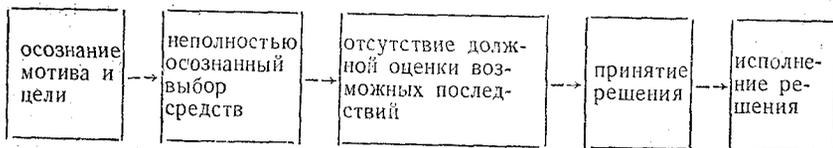
В юридической литературе в связи с этим вводятся объективные и субъективные критерии преступной небрежности, выражающиеся формулой: «мог и должен был предвидеть общественно опасные последствия». Вне этой формулы уголовная ответственность исключена.

Известно, что не всякие изменения во внешнем мире, вызванные действиями конкретной личности, являются непосредственным проявлением ее воли и совсем не обязательно они связаны с постановкой цели достижения этих изменений. Объем результатов поступков человека зачастую оказывается значительно шире. Их содержание не предвосхищается субъектом. Результаты оказываются общественно опасными лишь в конкретный момент. Наступление таких последствий не исключает уголовной ответственности за них, что и характерно для преступлений, совершаемых в результате небрежности. Фактически наступившие последствия здесь не предвидятся субъектом. Они оказываются и по объему и по содержанию шире тех последствий, которые укладываются в непосредственное проявление воли индивида.

Подобно эвентуальному умыслу и преступной самонадеянности преступная небрежность характеризуется тем, что фактически наступившие последствия играют роль вторичных результатов волевой деятельности индивида. Однако осознание

⁵² Б. Петелин. Значение мотива и цели в неосторожных преступлениях. — «Советская юстиция», 1973, № 7, с. 8.

условий их наступления здесь еще более сужено. Лицо не предвидит даже возможности (вероятности) наступления общественно опасных последствий. Нередко при этом полностью не осознается и фактическая сторона совершаемых действий, их целевая направленность и мотивированность. Поэтому ответственность наступает лишь при *реальной* возможности предвидения общественно опасного результата. Поверхностное и невнимательное отношение к выполнению предъявляемых требований, к сложившимся конкретным обстоятельствам, их неверная оценка — внутреннее содержание отношения виновного к происшедшему. Однако для него указанные обстоятельства и объективно и субъективно складываются так, чтобы он действительно мог и должен был предусмотреть возможность наступления общественно опасных последствий в результате его собственных действий или бездействий. Снижение критической оценки сложившейся ситуации зависит не только от социального опыта субъекта, уровня его профессиональной или иной подготовки, но и от эмоционального состояния, собранности, способности к ориентировке в окружающей действительности в данный конкретный момент. Схематично волевой акт при преступной небрежности выглядит так:

Неосторожность в форме преступной небрежности весьма близка к невиновному причинению вреда (казусу), когда сложившаяся ситуация (объективные и субъективные обстоятельства) полностью исключает возможность предвидения субъектом общественно опасных последствий.

Таким образом, не каждое преступление связано с постановкой цели достижения результата, который фактически наступил. Цель и результат совпадают только в прямом умысле. При других формах вины преступник ставит перед собой иные цели, которые оказываются для него наиболее важными в данный момент. Именно в этих целях и опредмечиваются побуждения, становящиеся мотивом.

Постановка любой цели, даже не преступной, в конечном итоге может выразиться в совершении преступления, уголовно-правовой смысл которого определяется не только наступившими последствиями, но и характером совершенных действий (бездействия), психическим отношением к ним.

При совершении преступления субъект может преследовать не одну, а сразу несколько целей. Степень осознания и устремленность к их достижению нередко значительно расходятся. Поскольку каждая из них предвосхищается субъектом, она может быть поставлена ему в вину. Наступление непредвиденных последствий не исключает ответственности за них, если субъект мог и должен был их предусмотреть.

Поскольку любое преступление связано с выбором поступка, сопряжено с активной устремленностью субъекта, определяемой мотивами и целями совершения конкретных действий (бездействия), оно является волевым. Исключения составляют импульсивные действия, где сознание и воля индивида проявляются своеобразно, характеризуя аффект.

Проявление воли при совершении преступления может быть внешним и внутренним. Внешнее проявление воли заключается в активных действиях (умышленных или неосторожных); внутреннее — в умышленном или неосторожном бездействии. В то же время внутренняя воля объективизируется вовне в совершении преступления с причинением вреда правоохраняемым интересам.

Раскрытие психологической структуры мотивации преступления создает дополнительные возможности для более правильной уголовно-правовой оценки совершаемых преступлений, ее необходимой предпосылки.

Рассмотренные вопросы являются отправными для квалификации и разграничения отдельных видов преступлений по их мотивационной структуре.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Общетеоретические предпосылки правовой оценки мотива преступления

Правовая оценка мотива преступления не отделима от квалификации преступления в целом. В уголовно-правовой теории термин «квалификация» употребляется в двух основных значениях: как единовременная правовая оценка содеянного и как процесс, направленный на определение юридической природы совершенного преступления.

Различается официальная и неофициальная (доктринальная или научная) квалификация. Первая связана с правоприменительной деятельностью. Она отражается в различных процессуальных документах, влекущих правовые последствия — в правовых актах судебных, следственных и прокурорских органов. Вторая выражает мнение отдельных ученых и практиков и не имеет какого-либо обязательного значения.

Указанные различия квалификации весьма относительны. В действительности оба вида квалификации тесно связаны между собой и дополняют друг друга. Квалификация по существу обозначает установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой¹. Она обеспечивается полностью исследованием фактической стороны (фактического состава) совершенного преступления и правовой значимостью установленных фактов и обстоятельств (юридического состава).

Процесс квалификации динамичен. Он связан со сбором и исследованием доказательств о совершенном преступлении и их юридической оценкой, с точки зрения наличия совокупности

¹ См.: В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступления. М., 1963, с. 8; Его же. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 7—8.

объективных и субъективных признаков конкретного состава преступления.

Процесс познания юридической значимости содеянного от неполного знания к достоверному на различных этапах исследования собранных по делу доказательств отличается своеобразием. На предварительном следствии, при возбуждении уголовного дела зачастую отсутствуют необходимые данные, позволяющие судить с достаточной достоверностью о совершенном преступлении. Поэтому квалификация здесь имеет предположительный (вероятностный) характер. Но по мере накопления и исследования доказательств этот недостаток необходимо устранить, и к моменту окончательного предъявления обвинения квалификация должна уже отражать то, что произошло в действительности, какое конкретно преступление совершено обвиняемым. Этот вывод затем переносится в резолютивную часть обвинительного заключения и служит предметом рассмотрения дела в суде.

Процесс квалификации не может быть сведен к стадиям уголовного процесса, поскольку она свойственна любой стадии. Однако приговор, вступивший в законную силу, обычно окончательно закрепляет вывод о правовой сущности совершенного преступления и является логическим завершением квалификации².

Квалификация — сложный познавательный процесс, сущность которого состоит в отражении в сознании субъекта объективно существовавших в прошлом событий. Но познать явление еще не означает оценить его, тем более оценить правильно. Юридическая оценка содеянного должна с необходимостью вытекать из достоверно установленных фактов и обстоятельств, подтвержденных соответствующими доказательствами. Материальная сущность преступления (его фактическое содержание) и юридическая форма выражения (состав) неотделимы друг от друга, как неотделимы обычно форма и содержание одного и того же явления. Установление фактических обстоятельств преступления и наличия в действиях (бездействии) виновного юридического состава преступления — такова общая предпосылка квалификации. При этом вывод о юридической оценке совершенного преступления должен быть не только единственно верным, но и обоснованным. Обоснованность квалификации означает не только единственно правильное объяснение юридиче-

² При рассмотрении уголовного дела в порядке надзора процесс квалификации может быть продлен, если дело в кассационном порядке не рассматривалось, либо возобновлен в связи со вновь открывшимися обстоятельствами.

ской природы фактической стороны обвинения, но и аргументацию этого вывода на основании собранных по делу доказательств. Вот почему аргументация представляет собой составную часть получения достоверных выводов, находящихся свое выражение в мотивировке обвинения не только по фактической стороне, но и по квалификации.

В любой правоприменительной деятельности юриста интересуют не сами по себе факты, а прежде всего их юридическая значимость. Фактическая и юридическая оценка — две стороны познания одного и того же социального явления — преступления. Как правильно подчеркивал А. Д. Соловьев, «установление фактических обстоятельств деяния и его юридическая квалификация составляют две взаимообуславливающиеся стороны единого познавательного процесса, посредством раскрытия сущность исследуемого деяния... Уголовно-правовым основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого является наличие в действиях этого лица состава преступления, уголовно-процессуальным основанием — наличие достаточных доказательств, указывающих на совершение преступления определенным лицом»³.

Состав преступления — единственное основание уголовной ответственности по советскому уголовному праву. Это — совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние (действие или бездействие) в качестве преступления, юридическая характеристика преступления, его правовая оболочка. Материальная сущность преступления заключается в его общественной опасности.

Юридическая литература, проводя различие между понятиями «преступление» и «состав преступления», обычно исходит из соотношения общего, особенного и единичного как категорий марксистско-ленинской философии. «Категории общего и единичного неразрывно связаны между собой. Общего без единичного быть не может, как не может быть и единичного без общего. В любой вещи содержится и общее и единичное. Вместе с тем каждая вещь выступает как нечто особенное. Категория особенного выражает диалектическую взаимосвязь общего и единичного»⁴.

В. И. Ленин писал, что «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или

³ А. Д. Соловьев. Процессуальные вопросы установления истины на предварительном следствии. Автореф. докт. дисс. К., 1969, с. 9.

⁴ Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. М., 1967, с. 214.

иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»⁵.

Преступление и состав преступления представляют собой социально-правовые явления и понятия. Как отмечает Н. Ф. Кузнецова, они охватывают, с одной стороны, объективно, независимо от законодательной оценки существующее общественно опасное деяние, а с другой, его оценку в законе. Отсутствие как материальной (социальной), так и правовой стороны в равной степени исключает наличие и преступления и его состава⁶.

Состав преступления — это юридическое понятие о преступлении, отражающее, как уже подчеркивалось, совокупность наиболее существенных объективных и субъективных признаков, достаточных для решения вопроса об уголовной ответственности конкретного лица, совершившего преступление. Именно в этом смысле преступление и состав преступления соотносятся между собой как определяемый предмет и его юридическое определение. При этом следует иметь в виду, что определение никогда не может полностью отразить все содержание определяемого предмета. Наблюдаются различия и между отдельными частями (признаками) предмета юридической оценки — преступления и его юридическим определением — составом. Объем и границы преступного деяния характеризуются не только юридическими признаками, предусмотренными в уголовно-правовой норме, но и социально-психологическими особенностями, свойственными любому человеческому деянию (действию или бездействию), его мотивационной характеристикой. Поэтому некоторые криминалисты справедливо подчеркивают, что определение единства совершенного преступления лишь на основе юридических признаков, предусмотренных в уголовно-правовой норме, без учета социально-психологического содержания соответствующего поведения, привело бы в ряде случаев к формальному решению этого вопроса⁷.

Основным источником, порождающим общественно опасный результат, выступает преступник со всеми своими качествами

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

⁶ См.: Н. Ф. Кузнецова. Преступление и преступность, с. 112—113.

⁷ См.: В. Н. Малков. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. Автореф. докт. дисс. М., 1974, с. 10.

и свойствами. Его субъективное отношение к содеянному, наступившим последствиям, к развитию причинно-следственных связей между явлениями, которые он создал или участником которых стал, способствует установлению виновности или невиновности в совершении конкретного преступления. Подавляющее большинство ошибок в квалификации, допускаемых в следственной и судебной практике, так или иначе связаны с недостаточным выяснением, прежде всего, субъективной стороны преступления и ее признаков.

О совершении преступления чаще всего свидетельствуют общественно опасные последствия. Именно эти факты привлекают внимание, когда преступление совершено и когда возникает вопрос о правовой оценке содеянного. В то же время оценка общественно опасных последствий может оказаться беспредметной, если отсутствует причинная связь между конкретными действиями (бездействием) субъекта и указанными последствиями либо имеет место казус — невиновное причинение вреда, когда сознанием субъекта не охватываются последствия и он не мог и не должен был их предусмотреть. Не менее важное значение имеют другие объективные признаки — характер действия, способ, время, место, обстановка и т. п. Они значительно чаще, чем субъективные, описываются в законе и поэтому не могут не устанавливаться. Субъективные же признаки в законе обычно лишь подразумеваются, а выясняются они на основании объективных признаков.

Поскольку состав преступления — это единство взаимосвязанных элементов, юридическое выражение объективных и субъективных сторон преступления, постольку признаки одного элемента состава в определенной мере характеризуют остальные его элементы. Иными словами, элементы состава преступления не только взаимоопределяемы, но и взаимоустанавливаемы. Наличие общественно опасных последствий при доказанности цели их достижения свидетельствует об объекте преступления⁸. Однако при несовпадении цели и результата совершенных действий возникает необходимость более глубокого рассмотрения субъективной стороны содеянного на основании не только последствий, но и дальнейшей конкретизации отдельных признаков субъективной стороны состава.

Характеристика действий (бездействия), которые привели к общественно опасным последствиям, способ совершения преступления в какой-то степени раскрывают форму вины, мотив

⁸ Это не относится к ошибке в объекте, когда действительные намерения виновного и общественно опасный результат не совпадают.

и цель содеянного. Установление цели дает возможность определить общее содержание мотива. Но с возникновением необходимости в более глубоком раскрытии субъективной стороны состава преступления применительно к конкретному случаю, в выяснении не умысла или неосторожности вообще, а их подлинного содержания юристы вынуждены обращаться к мотивационной сфере содеянного. Более того, анализ мотива непосредственного факта совершения преступления может оказаться недостаточным для его фактической и правовой оценки. Правильность вывода нередко зависит от тщательности исследования мотивации поведения субъекта не только в сложившейся ситуации, но и задолго до совершения преступления и после него. Именно эта сторона вопроса еще не разработана в уголовно-правовой теории и зачастую игнорируется в судебной практике.

Мотив — внутренняя (психологическая) причина преступления. Однако это не означает, что он здесь играет исключительную роль. Действительные причины совершения преступления, несомненно, предшествуют формированию мотива, поэтому их нельзя сводить к обстоятельствам непосредственной мотивации преступления. Один и тот же мотив может порождать отличающиеся друг от друга по форме и содержанию поступки и в зависимости от этого по-разному оцениваться. Непосредственная мотивация поступка обычно раскрывает лишь часть его социально-психологических источников. Например, убийство на почве мести может быть вызвано: озлобленностью из ревности, ненормальными личными взаимоотношениями, сведением личных счетов, недовольством общественной или служебной деятельностью потерпевшего и целым рядом других обстоятельств. Бытовые и иные конфликты, нередко ведущие к преступлениям, чаще всего возникают в результате общей эмоциональной напряженности взаимоотношений между людьми в их повседневной жизни. Такая напряженность может быть вызвана неправильно сложившимися задолго до случившегося взаимоотношениями, а также поводами и обстоятельствами, возникающими непосредственно перед конфликтной ситуацией и даже в момент совершения преступления.

Правовое значение во всех перечисленных случаях приобретает не только сам мотив, но и более отдаленные причины его возникновения. Мотив не раскрывает их действительного содержания. Необходимость проникновения в более отдаленные причины формирования конкретной мотивации преступлений вызывается и тем, что действующее уголовное законодательство для обозначения мотивов и побуждений нередко пользуется весьма

обобщенной терминологией, требующей дополнительного толкования. Так, в законе в качестве мотивов названы «низменные побуждения», «хулиганские побуждения», мотивы «личной заинтересованности» и другие, обозначающие широкий круг действительных побуждений.

Особой конкретизации мотива требуют насильственные преступления, в том числе убийства, совершаемые в ссоре и драке, обычно квалифицируемые по ст. 94 УК УССР. Возникает необходимость выяснения действительных обстоятельств ссоры и драки и причин возникновения конфликта, которые могут свидетельствовать о совершении самых различных преступлений. Сами по себе ссора и драка, предшествующие убийству, могут стать результатом не только неправильно сложившихся личных отношений, но и хулиганства, либо противозаконного поведения самого потерпевшего, вызвавшего состояние сильного душевного волнения и т. п.

В ходе возникшей драки могут быть совершены преступления и по неосторожности. По ст. 94 фактически должны квалифицироваться только те случаи убийств, которые не содержат ни смягчающих (ст. ст. 95, 96, 97, 98 УК УССР), ни отягчающих обстоятельств (ст. 93 УК УССР). Такая квалификация, очевидно, может быть определена в связи с убийством на почве ревности, из мести на бытовой почве, в ссоре и драке, вызванной личными отношениями, но не при любых других обстоятельствах. При этом должна учитываться и возможность изменения мотивации уже в ходе осуществления преступления, что может отразиться на квалификации. Например, по делу Д. Пленум Верховного Суда СССР постановил: «Из материалов дела усматривается, что убийство было совершено по незначительному поводу, под влиянием сильного опьянения, когда действия осужденных перешли границы обоюдной ссоры и приняли характер бесцельной хулиганской расправы. Это обстоятельство дает основания для вывода, что убийство совершено из хулиганских побуждений»⁹.

По другому делу Пленумом Верховного Суда СССР указано: «Противоправные действия, совершенные на почве ссоры, при отсутствии у виновного умысла на грубое нарушение общественного порядка, не могут квалифицироваться как хулиганство»¹⁰. Существо обвинения по нему заключается в следующем. П. на остановке такси уступил свою очередь женщине с

⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1959—1971. М., 1973, с. 36.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 октября 1968 г. — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 6, с. 22—23.

ребенком. Когда подошла следующая машина, стоявший в очереди И. сделал замечание П. о том, что, пропустив женщину вперед, он не имеет права воспользоваться своей очередью. В ответ на это П. ударил И. рукой по лицу, от чего тот упал и, ударившись о бордюр тротуара, получил тяжкие телесные повреждения, от которых скончался. Поскольку сам по себе удар тяжких телесных повреждений не причинил, а материалы дела не дают оснований утверждать, что П. предвидел падение и смерть потерпевшего и желал либо сознательно допускал наступление такого результата, его действия были переквалифицированы на неосторожное убийство (Первоначально П. был осужден за убийство из хулиганских побуждений).

Иную квалификацию Пленум Верховного Суда СССР определил по делу С., отметив при этом: «Хотя происшедшее действительно началось с семейной ссоры С. со своими сестрами, однако дальнейшее поведение осужденного приняло такой характер, что вышло за рамки семейных отношений и стало опасным для окружающих. С. проявил своими действиями явное неуважение к обществу, размахивал ножом, гонялся с ним за гражданами, нанес смертельное ранение К. и не прекращал после этого буйствовать, несмотря на попытки присутствующих призвать его к порядку»¹¹. Результатом хулиганских действий С. явилось убийство К. Потерпевший правомерно выступил в защиту подвергшейся избиению сестры С. и пытался пресечь хулиганство, за что С. ударил его. Подобный удар мог быть нанесен любому другому лицу, которое бы проявило активность в пресечении нарушения порядка. Поэтому содеянное С. не может быть квалифицировано как убийство на почве мести за нанесение ему потерпевшим удара.

Приведенные примеры свидетельствуют о разнообразии ситуаций так называемых ссор и драк и мотивов совершаемых при этом убийств, которые не могут квалифицироваться однозначно независимо от того, совершаются ли они на личной почве или не связаны с личными неприязненными отношениями. Однако выяснение в каждом конкретном случае действительных причин возникновения конфликтной ситуации, оказывающей влияние на формирование мотива или формирующей его непосредственно, создает предпосылки для правильной правовой оценки совершенного преступления. Напротив, игнорирование причин возникновения той или иной мотивации и возможных ее изменений в ходе осуществления преступного акта может привести к ошибочной квалификации.

¹¹ «Социалистическая законность», 1970, № 7, с. 88—89.

Мотив требует конкретизации по любому делу независимо от того, имеет ли он самостоятельное значение для квалификации или нет. Таким же образом необходимо конкретизировать и фактические обстоятельства, относящиеся к причинам возникновения мотива и условиям, способствующим его проявлению в конкретном преступлении.

Действительное содержание мотивации значительно шире, чем указывается законом. Она отражается в формализованной категории состава преступления. Поэтому возникает необходимость установления ее фактического содержания на основе собранных по делу доказательств.

Как уже отмечалось, мотивация поведения охватывает сознание субъекта, его социальные и психофизиологические особенности, определяющие его отношение к объективной действительности, другим людям, к самому себе. Поскольку преступление — сознательный волевой акт человеческого поведения, оно всегда характеризуется конкретными мотивами, вне которых оно не могло бы проявиться, т. е. стать преступным, а следовательно, повлечь уголовную ответственность. Однако мотив в юриспруденции обычно рассматривается применительно к умышленным преступлениям как факультативный признак состава. Из числа субъективных признаков в качестве обязательного называется лишь вина в форме умысла или неосторожности, хотя, с точки зрения социально-психологической сущности, преступление вряд ли может быть определено однозначно лишь понятием «виновность», вне мотива и цели совершаемых при этом действий. Виновность и мотивированность — это два, хотя и взаимосвязанных, но не заменяющих друг друга понятия. Лишь в своей совокупности они раскрывают психическое отношение субъекта к содеянному и поэтому должны устанавливаться независимо от того, совершено ли преступление умышленно или по неосторожности.

Существующие различия между фактическим и юридическим составом преступлений и их отдельными компонентами не играют особой роли. Безусловно, имеется разница между мотивом поступка и юридическим значением данного мотива. Однако последний как внутренняя побудительная сила поступка лишь порождает определенное отношение субъекта к социальным ценностям, а применительно к преступлению это отношение выражается в игнорировании социальных требований при сознании либо возможности осознания общественной опасности преступления. При этом субъект проявляет волевою устремленность к определенной цели вопреки предъявляемым требованиям, выраженным в законе. Мотив отражает сознание и волю

индивида, которые при совершении преступления проявляются в форме своеобразного психического отношения к содеянному — в умысле или неосторожности.

Различия в формах вины совсем не исключают специфического содержания мотивированности самого поступка. Мотивация имеет каждый раз свой социальный смысл и правовое значение. В юридической литературе нередко раскрывается специфический социальный смысл вины, субъективной стороны в целом, тогда как вина в форме умысла или неосторожности сама по себе лишь выражает психическое отношение субъекта к содеянному, а социальный смысл поступка отражается в его мотивации, приведшей к общественно опасному результату.

В. Н. Кудрявцев отмечает, что «в качестве единичного (отдельного) преступления по советскому уголовному праву признаются общественно опасные поступки или комплексы соответствующих поступков, которые имеют характер общественно опасной закономерности, тенденцию к повторяемости и обладают повышенной общественной опасностью в данной форме»¹². При этом каждое единичное преступление независимо от формы вины характеризуется специфичностью мотивации, выраженной в сознании или в возможности и должностовании осознания общественной опасности содеянного, в чем отражается социальный смысл данного явления — его вредоносность.

Независимо от указания в законе любой признак конкретного состава преступления одинаково важен для квалификации. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о значении так называемых основных (обязательных) и дополнительных (факультативных) признаков состава¹³.

Из числа объективных признаков состава к основным, свойственным любому преступлению, относятся объект, действие или бездействие, а из числа субъективных — вина и общие признаки субъекта (возраст и вменяемость). Остальные его признаки — последствия, причинная связь, время, место, способ, обстоятельства, мотив, цель, признаки специального субъекта и т. п. — являются дополнительными или факультативными. Они каждый раз добавляются к основным признакам состава, придавая новые черты отдельным видам преступлений, подчеркивая специфику их элементов. Факультативные признаки мо-

¹² В. Н. Кудрявцев. Общая теория квалификации преступлений, с. 282.

¹³ Иногда признаки общего состава преступления подразделяются на основные (общие, обязательные) и специальные (дополнительные, факультативные), но в эти понятия вкладывается то же содержание (см.: Советское уголовное право. Часть общая, с. 96—97).

гут стать основными, если они указаны в законе, т. е. могут быть связаны с применяемой уголовно-правовой нормой¹⁴.

Критикуя различные мнения об отнесении тех или иных признаков состава к обязательным или факультативным в зависимости от указания в законе, В. Н. Кудрявцев правильно подчеркивает, что в данном случае не проводится различий между составом преступления и диспозицией — текстом уголовно-правовой нормы. Наличие в действиях лица всех основных признаков состава преступления является минимально необходимым и достаточным для уголовной ответственности. Факультативные же признаки его дополнительно отражают характер и степень общественной опасности содеянного. Их особенность состоит в том, что они включены в состав преступления не как обязательные, а лишь как *возможные* признаки. В этом и проявляется их факультативный характер¹⁵.

В. С. Прохоров считает, что признаки состава могут быть подразделены на обязательные и факультативные лишь в рамках общего понятия состава преступления, а применительно к конкретному составу все признаки необходимы¹⁶. При этом уголовно-правовой смысл так называемых факультативных признаков следует связывать не только с их возможным значением для конкретного состава преступления, но и с разграничением преступлений, с необходимостью выяснения причин и условий, способствующих совершению преступления. Это относится прежде всего к таким субъективным признакам состава, как мотив и цель преступления, которые в одних случаях, не будучи указаны в законе, действительно не влияют на квалификацию, в других — ее определяют непосредственно. Если в первом случае проявляется только возможность наличия мотива и цели как признаков состава, в чем прав В. Н. Кудрявцев, то во втором таким понятием ограничиться нельзя. Эти признаки должны быть выяснены в обязательном порядке. Однако даже тогда, когда установление рассматриваемых признаков не оказывает влияния на квалификацию, их значение несколько не уменьшается. Они важны для определения основных признаков состава и мер наказания, а также для решения вопросов, поче-

¹⁴ Впервые эту точку зрения высказал А. Н. Трайнин (см.: А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. М., 1957, с. 190). Длительное время она не подвергалась каким-либо сомнениям, хотя многие криминалисты стали отмечать, что признаки состава, не указанные в законе, все же игнорировать нельзя.

¹⁵ См.: В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 98.

¹⁶ См.: В. С. Прохоров. Состав преступления. — В кн.: Курс советского уголовного права. Часть общая, т. 1. Л., 1968, с. 265.

му и с какой целью совершено то или иное преступление. Поэтому деление признаков состава на обязательные и факультативные в указанном смысле является весьма относительным.

С учетом того, что в конкретном составе преступления все признаки являются обязательными, необходимыми, их следует рассматривать прежде всего как основные и дополнительные. Одни из них относятся к преступлениям определенного рода или вида, другие — только к конкретным составам преступлений. Родовые и межвидовые (групповые) признаки переносятся в отдельные составы преступлений, конкретизируясь в них. Одновременно на их основе можно проводить межродовые и межвидовые разграничения преступлений. При отсутствии родовых или видовых признаков состава отсутствует и конкретный состав преступления¹⁷.

Дополнительные признаки придают совершаемому преступлению индивидуальную окраску. Они конкретизируют отдельные элементы однородных преступлений, отражая характер и степень общественной опасности и особенности совершаемых преступлений определенной группы, и позволяют отграничить данное преступление от других сходных с ним преступлений внутри одной и той же группы. Эти признаки могут утрачивать самостоятельное правовое значение, и только в этом проявляется их факультативность. Однако и в таких случаях их необходимо устанавливать, поскольку с их помощью раскрывается содержание остальных признаков состава конкретного преступления.

В. Н. Кудрявцев отмечает, что признаком состава можно считать такое качество (черту, свойство), которое в совокупности с другими признаками определяет общественную опасность деяния, отличает последнее от других преступлений, прямо указано в законе или вытекает из него при толковании, не является производным от других признаков и присуще всем преступлениям данного вида¹⁸. Однако признаки состава он подразделяет на основные и альтернативные (факультативные). К основным признакам В. Н. Кудрявцев относит те, которые присущи всем преступлениям определенной категории; к альтернативным — такие признаки, которые характеризуют лишь определенную часть преступлений (мотив, цель, способ совершения преступления, а также должностное положение виновно-

¹⁷ В этом смысле особое значение приобретает видовой состав, который частично отражается в общих понятиях отдельных видов преступлений (хищений социалистического имущества, злоупотреблений и т. п.).

¹⁸ См.: В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 92.

го при краже, причинение телесных повреждений при хулиганстве, различные преступные посягательства при бандитизме и т. п.). Альтернативные, или факультативные, признаки имеют важное значение для квалификации преступления. Относясь к любому элементу состава, они не требуют дополнительной квалификации по иной статье уголовного кодекса¹⁹.

Можно согласиться с мнением В. Н. Кудрявцева о том, что некоторые черты, свойства, качества совершаемых преступлений (например, нанесение легких телесных повреждений при хулиганстве, совершение разбойных нападений и убийств при бандитизме и т. п.) не требуют самостоятельной квалификации и охватываются основным составом. Они выступают в качестве дополнительных последствий. Такие последствия не могут быть более тяжкими, чем основные, ибо в противном случае они вышли бы за рамки данной уголовно-правовой нормы и требовали бы самостоятельной квалификации. В этом В. Н. Кудрявцев прав. Однако из указанного совсем не следует, что любые особенности совершаемых преступлений могут рассматриваться как альтернативные (факультативные) признаки состава. Усматривая факультативность признаков в том, что они включены в состав преступления не как обязательные, а лишь как возможные признаки, В. Н. Кудрявцев неосновательно относит к ним и такие свойства и качества, которые в действительности признаками состава не являются. Они не имеют никакого значения для уголовно-правовой оценки совершаемых преступлений и лишь учитываются при назначении наказания виновному. Лишь отдельные из них играют роль квалифицирующих признаков.

Факультативность отдельных признаков состава преступления проявляется в том, что в определенных случаях они утрачивают самостоятельное правовое значение. Такими и являются перечисленные дополнительные признаки. Однако это несколько не умаляет их юридического значения.

Среди дополнительных признаков состава преступления особое место принадлежит мотиву и цели.

В связи с этим заслуживает внимания вопрос о месте мотива и цели в общем учении о составе преступления. В теории уголовного права мотив и цель иногда выводятся за пределы общего состава преступления и учения о преступлении. Так, А. А. Пионтковский утверждает: «Поскольку мотив не является необходимым признаком состава каждого преступления, а яв-

¹⁹ См.: В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 96—98.

ляется элементом состава некоторых конкретных преступных деяний, рассмотрение его не входит в общее учение о составе преступления, а относится к анализу конкретных преступлений, даваемому в Особенной части курса»²⁰. В то же время он подчеркивает значение мотива для разрешения любого уголовного дела, поскольку он «является весьма важным обстоятельством, характеризующим как степень общественной опасности преступного деяния, так и характер и степень общественной опасности лица, его совершившего»²¹. А. А. Пионтковский приходит к выводу, что вопрос о мотиве относится к учению о наказании.

С таким мнением вряд ли можно согласиться не только потому, что значение мотива и цели выходит далеко за пределы назначения наказания. Любое преступление имеет свою мотивационную характеристику. Поскольку состав в конечном итоге является юридическим выражением факта совершения преступления, за его пределами мотив и цель могут оказаться лишь в смысле своей правовой самостоятельности. Они могут не иметь значения для квалификации, но это совсем не означает, что мотив и цель отсутствуют в самом составе.

Иное понимание данного вопроса нарушает основные принципы соотношения общего, особенного и единичного. Мотив в равной степени относится к конкретному составу преступления, группе сходных составов (специальному составу) и к общему составу преступления. В то же время значение мотива в определении самой уголовной ответственности нельзя переоценивать²². Он характеризует только одну сторону преступления — его психологическую природу. Если же связь объективных и субъективных признаков содеянного отсутствует, вопрос об уголовной ответственности может оказаться беспредметным. Эта связь и выражается в составе преступления — юридической форме выражения преступления.

Зависимость и обусловленность объективных и субъективных признаков преступления еще больше проявляются, если их рассматривать в более широком плане социально-психологического содержания, определяемого мотивационной сферой деятельности конкретного лица, вставшего на преступный путь. Ведь характеристика субъективной стороны состава только как

²⁰ А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, с. 343.

²¹ Там же.

²² Такую ошибку допускает, в частности, Б. С. Волков, утверждая, что мотиву принадлежит решающее значение в определении уголовной ответственности (см.: Б. С. Волков. Проблема воли и уголовная ответственность, с. 50).

психического отношения виновного к содеянному в форме умысла и неосторожности, мотива и цели тех или иных действий (бездействия) полностью не раскрывает всей сущности преступления как волевого акта. Его содержание определяется не только сознанием и волей индивида, но и направленностью личности, ее социальной ориентацией, взглядами, привычками и другими качествами. При юридическом анализе субъективной стороны состава преступления затушевывается антиобщественная сущность самой личности преступника — деятеля, без которого преступление не могло бы произойти. Не помогают раскрыть преступление и формализованные законом признаки субъекта как физического, вменяемого лица, достигшего определенного возраста.

Юридические признаки субъекта, хотя и необходимы для определения *возможности* наступления уголовной ответственности, все же являются ограниченными. Если речь идет о самой ответственности, тем более *фактическом* привлечении к уголовной ответственности, возникает необходимость в изучении самой личности преступника со всеми его качествами и свойствами. Лицо подлежит уголовной ответственности за свои действия только в том случае, если оно способно сознательно регулировать свое поведение и быть при этом избирательным. Основы вменяемости, вытекаемые из содержания закона (ст. 11 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) заключаются прежде всего в способности лица сознавать свойства и социальную значимость совершаемых действий, присущие любой другой волевой деятельности. Это и выражается в осознании общественной опасности содеянного. Одновременно признак сознания общественной опасности содеянного должен дополняться волевым компонентом — способностью лица руководить своими действиями. При отсутствии волевого признака лицо также не подлежит уголовной ответственности²³. Интеллектуальные и волевые признаки, характеризующие субъект преступления с точки зрения его вменяемости, объединяют его с формой вины конкретного состава и внешним проявлением преступления. Существует также связь между сознанием и волей лица, совершившего преступление, и мотивацией такого преступления.

²³ Лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно совершит общественно опасное действие или бездействие под влиянием *неодолимой* силы или физического принуждения, ликвидирующих его волю. В то же время психическое принуждение не исключает ни сознания, ни воли. Как отмечает Т. В. Церетели, «психическое принуждение не уничтожает самого действия, а лишь создает сильнейший мотив в пользу действия» (Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963, с. 14).

При рассмотрении социально-психологической природы преступного поведения обнаруживается, что именно мотив является связывающим звеном между сознанием и волей индивида. Более того, именно он связывает все объективные и субъективные признаки состава в единое целое. И это не случайно. Мотив, аккумулируя в себе внутренние качества совершаемого преступления, определяет в конечном итоге не только направленность действий и их характер, но и выражает социальные свойства самого субъекта. Несомненно, он связан прежде всего с целью совершаемых действий.

С психологической точки зрения мотив и цель не только сопутствуют, но и определяют друг друга. Волевая деятельность, как уже отмечалось, не только вызывается определенными мотивами, но и носит целеустремленный характер. Мотив и цель имеют много общего, но именно через цель происходит определенность мотивации поступка. Вряд ли можно раскрыть действительное содержание совершенного преступления, характер вины, направленность тех или иных действий, а следовательно, и объект преступления, не пользуясь при этом категорией цели. Однако, с точки зрения уголовно-правовой оценки, цель, как и мотив, приобретает значение лишь с наступлением общественно опасных последствий — причинения или угрозы причинения вреда правоохраняемым интересам (объекту преступления) — социалистическим общественным отношениям. Вне посягательства на объект нет и не может быть преступления, какие бы цели не ставились преступником и какие бы низменные побуждения не испытывались им.

Цель и результат преступных действий могут совпадать друг с другом и существенно различаться. Преступник может ставить перед собой и несколько целей одновременно. Они могут различаться между собой не только по степени осознанности, но и по возможности их осуществления как в данный момент, так и в будущем. С целями соотносятся и мотивы поведения. Являясь внутренним содержанием «помыслов личности», мотив находит свое объективированное выражение в действиях личности, направленных на определенный объект — социалистические общественные отношения.

Связь мотива со всеми другими признаками состава и его исключительность определяются также тем, что ему присущи специфические качества, относящиеся к интеллектуальной и волевой сфере человеческой активности. Как уже отмечалось, побуждения только тогда становятся мотивами, когда они осознаются субъектом и являются выражением активной целеустремленности, т. е. опредмечиваются в какой-то цели, натал-

кивая на совершение конкретных действий либо, напротив, на бездействие в определенной ситуации. Активная устремленность личности к той или иной форме деятельности является проявлением воли. Иными словами, мотив уже сам по себе содержит определенные интеллектуальные и волевые компоненты, которые затем выражаются в совершении конкретного волевого акта на его почве. Интеллектуальные компоненты мотива заключаются в осознании побуждения, волевые — в активной устремленности к их удовлетворению. Выделение обоих видов компонентов позволяет глубже проникнуть в связь между всеми элементами состава преступления и более предметно рассмотреть вопрос о социально-психологической сущности преступления и его уголовно-правовой оценке.

Структура мотивации преступления как волевого акта позволяет установить подлинное содержание правовой формы психического отношения субъекта к содеянному. Не определив точную структуру мотивации конкретного преступления, по существу трудно сделать вывод и о его квалификации.

Однако каждое преступление отличается предметным содержанием взаимосвязи составляющих его элементов и признаков.

При квалификации каждый признак состава нуждается в конкретизации. Выяснение вопроса о том, в связи с какими отношениями возникла конфликтная ситуация, которая привела к совершению преступления, или в связи с какими интересами оно совершено, нередко осуществляется с помощью раскрытия сущности мотива преступления. С помощью мотива зачастую можно установить и другие элементы состава преступления. Поскольку мотивация связана с выбором поступка и принятием решения действовать определенным образом, включая оценку сложившейся ситуации, внешних поводов и собственных побуждений, средств и возможностей достижения цели, возникает необходимость установления ее предметности применительно к отдельным видам преступлений.

Особенности установления и оценки мотивов конкретных преступлений

Правильность квалификации содеянного по мотиву в значительной степени зависит от всесторонности и полноты установления фактических обстоятельств, позволяющих раскрыть его подлинное содержание. За последнее время внимание криминалистов все чаще привлекают вопросы методики установления

состава преступления и его отдельных компонентов на основании собранных по делу доказательств²⁴.

Однако в целом эта проблема, имеющая непосредственное отношение к квалификации, до конца еще не разработана. Одним из существенных направлений такого рода исследования является проникновение в психологические процессы мотивации отдельных видов преступлений, а также раскрытие взаимозависимостей между мотивом и другими элементами и признаками состава конкретных преступлений на основе фактических обстоятельств совершения преступления, с помощью которых они устанавливаются и доказываются.

Изучение судебной практики показывает, что при установлении мотивационной сферы совершаемых преступлений следствие и суд нередко испытывают значительные затруднения. По данным И. Л. Петрухина, из 1800 ошибок, выявленных им при изучении 853 уголовных дел, 48,8% составляли ошибки, связанные с неустановлением или неправильным установлением вины, мотивов и цели преступления, а 12% — способов совершения преступления²⁵. Из тысячи изученных уголовных дел мотив и цель преступного поведения не были установлены в 43% дел об умышленных убийствах и в 58% дел о тяжких телесных повреждениях²⁶.

Установление субъективной стороны состава преступления и особенно мотива осложняется многими факторами, но прежде всего тем, что субъективное не только скрыто от внешнего восприятия, но и нередко маскируется преступником, а в некоторых случаях даже им самим до конца не осознается. Основной причиной ошибок в установлении мотивации преступления является недостаточно полное исследование фактических обстоя-

²⁴ См.: С. В. Бородин. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах. М., 1964; Н. И. Стручков. Установление судом субъективной стороны состава преступления. — «Советская юстиция», 1963, № 20; П. С. Дагель. Установление умышленной вины. Владивосток, 1965; Б. А. Куринов. Установление субъективной стороны преступления при посягательстве на жизнь и здоровье человека. — «Советское государство и право», 1967, № 6; П. С. Дагель, Р. И. Михеев. Установление субъективной стороны преступления. Владивосток, 1972.

²⁵ См.: И. Л. Петрухин. Причины судебных ошибок. — «Советское государство и право», 1970, № 5, с. 102.

²⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 2, с. 42. Аналогичные данные приводятся и другими авторами. Например, Р. И. Михеев пишет, что более 1/3 всех судебных ошибок, повлекших отмену и изменение приговоров (определений) судов первой инстанции, связаны с неправильным установлением субъективной стороны преступления и ее признаков (см.: Р. И. Михеев. Установление субъективной стороны умышленных преступлений. Автореф. канд. дисс. Иркутск, 1972, с. 7).

тельств дела, свидетельствующих о взаимосвязи личности, мотивации и деяния. При этом тщательно не анализируется взаимосвязь и зависимость объективных и субъективных признаков совершенного преступления в их совокупности, а также отдельных психологических компонентов субъективной стороны состава конкретного преступления — сознания, воли, цели, эмоций, мотивов и т. п. в их проявлении применительно к данному случаю. Не уделяется внимание исследованию процессов, связанных с динамичностью и изменчивостью мотивации в ходе осуществления преступления.

Второй основной причиной таких ошибок есть неправильное применение закона, что выражается, во-первых, в неустановлении всего объема нормативного материала, относящегося к данному факту проявления мотивации (круг уголовно-правовых норм, на основании которых следует решать данное дело, неоправданно сужается); во-вторых, в ошибочном истолковании отдельных правовых актов, относящихся к мотивации, при достаточно полном установлении нормативного материала; в-третьих, в недостаточно четком решении вопросов, касающихся различных видов конкуренции уголовно-правовых норм, связанных с мотивацией преступления²⁷.

Ошибки, вызванные неполнотой установления фактических обстоятельств деяния, свидетельствующих о содержании мотивации, можно подразделить на три основные группы: на связанные с недостаточностью выяснения обстоятельств, характеризующих само деяние, а также условий и обстоятельств его совершения; возникшие в связи с неполнотой установления обстоятельств, характеризующих свойства и качества личности виновного, проявляющихся в мотивационной стороне преступления; на связанные с недооценкой возможностей установления мотива по источникам и условиям его формирования.

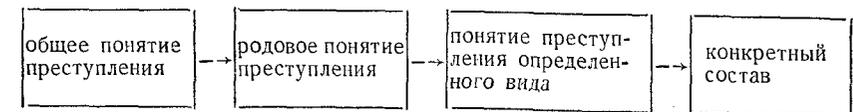
Методологической основой решения вопроса о содержании мотивационной структуры преступления являются марксистско-ленинское учение о детерминированности человеческого поведения, свободе воли и ответственности, а также принципиальное положение материалистической психологии о познаваемости человеческой психики на основе ее проявления в конкретных видах деятельности. Единство сознания и деятельности (суб-

²⁷ При достаточной полноте установления фактических обстоятельств и нормативного материала нередко отмечается немотивированность принятого решения о правовой оценке содеянного либо противоречивость такой оценки. Однако, поскольку эти вопросы носят процессуальный характер, они в данной работе не рассматриваются.

ективного и объективного) — основа подлинно научного познания рассматриваемых явлений.

Познаваемость психических процессов на основе анализа поведения человека неоднократно подчеркивали основоположники марксизма-ленинизма. К. Маркс писал: «Какое же объективное мерло можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?»²⁸. В. И. Ленин, развивая эту мысль, указывал: «По каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты»²⁹.

Ошибки в квалификации, вызванные неполнотой выяснения фактических обстоятельств совершения преступления, связаны прежде всего с неверной оценкой достаточности собранных по делу доказательств. Многие криминалисты считают, что определить заранее круг доказательственных фактов по конкретному делу невозможно. Такое мнение лишь частично справедливо. Действительно, каждое преступление характеризуется только ему присущими неповторимыми индивидуальными особенностями. В то же время отдельные виды преступлений всегда имеют общие черты, относящиеся к понятию преступления данного вида. Это и позволяет наметить основной круг доказательственных фактов, подлежащих установлению по уголовному делу. Схематически это можно представить так:

По конкретному уголовному делу круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, то сужается, то расширяется, но в любом случае прослеживаются обобщенные признаки, характеризующие данный вид преступления. Эти признаки проявляются позже в составе отдельного преступления, приобретая конкретизацию и индивидуальную окраску. Например, для всех должностных преступлений присуще наличие специального субъекта (должностного лица) и причинение существенного вреда охраняемым интересам учреждений, предприятий, организаций или отдельным гражданам. Однако из должностных

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 122.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423—424.

преступлений можно выделить различные виды злоупотреблений служебным положением, которые характеризуются, помимо отмеченных признаков, корыстной и иной личной заинтересованностью. В преступлениях против личности имеются различные виды насильственного причинения смерти, разновидности причинения вреда здоровью и т. п., обладающие только им свойственной спецификой различных признаков, в том числе относящихся к мотивационной стороне содеянного. Одновременно вся группа рассматриваемых преступлений имеет и общие черты, характеризующие насильственным причинением вреда личности (родовой состав)³⁰. Мотивационная структура видов преступлений никогда не совпадает. Они различаются и по степени причинения вреда правоохраняемым интересам.

Определяя цель своих действий, субъект, хотя бы в общих чертах, представляет себе пути и средства ее достижения. Каждой цели (а через нее и мотиву) фактически соответствует свой способ действия. Поэтому на основе анализа признаков объективной стороны совершенного преступления и особенно способа действий можно сделать определенные выводы и о мотивации содеянного.

Следует отметить, что способ совершения преступления в уголовном праве относится к числу необязательных (факультативных) признаков объективной стороны состава преступления. Как и мотив, он может быть основным признаком состава преступления лишь при условии, когда он характеризует особенности преступного деяния либо имеет самостоятельное значение для определения наличия общественной опасности или дифференциации ее степени. В то же время само преступное деяние, составной частью которого и есть действия по совершению преступления, тесно переплетается со способом его совершения.

Существуют определенные зависимости между способом совершения преступления и другими объективными признаками состава — местом, временем, обстоятельствами совершения преступления, причем они проявляются применительно к отдельным видам преступлений. Избрание способа совершения преступления зависит также от непосредственно сложившейся ситуации, способствующей или препятствующей совершению преступления либо нейтральной, от особенностей побуждений и мотивов, вызывающих преступный акт. Любое действие или бездействие, в том числе преступление, связано со способом его совершения, как содержание с формой. Способ показывает, ка-

³⁰ В теории обычно выделяются общий, родовой и непосредственный составы преступления, что нарушает единство логического соотношения между этими понятиями и ведет к отождествлению рода и вида.

ким образом совершено преступление. Форма — это внешняя сторона волевого преступного акта. В то же время выявление способа позволяет установить, почему преступник действовал так, а не иначе, т. е. определить мотив, которым он руководствовался, и цели, которые преследовал. По существу способ и мотив отражают разные стороны преступления. Способ раскрывает качественную сторону действия или бездействия, мотив — их внутреннюю природу. В уголовно-правовой литературе способ обычно определяется как образ действий, который проявляется в выполнении (или невыполнении при бездействии) преступником в определенной последовательности движений, приемов³¹. Процессуалисты под способом понимают комплекс совершаемых в определенной последовательности действий, которые приводят к преступному результату³².

Более широкое понимание способа совершения преступления употребляется криминалистами. Одни из них включают в это понятие действия не только по совершению преступления, но и по его сокрытию³³. Другие относят к способу также действия, направленные на подготовку к совершению преступления³⁴. Иногда способ рассматривается как система взаимообусловленных, подвижно детерминированных действий, направленных не только на подготовку и совершение преступления, но и его сокрытие. В качестве способа в данном значении выступают действия, связанные с использованием орудий и средств совершения преступления, времени, места и других обстоятельств³⁵. Такое понимание способа по существу объединяет отдельные волевые акты, зачастую имеющие самостоятельное правовое значение, что вряд ли является оправданным.

Особенность преступления заключается в том, что оно, как правило, не соответствует понятию единичного человеческого действия, а состоит из ряда отдельных, связанных между собой действий. Но из этого совсем не следует, что отдельные этапы развития преступления и его сокрытие должны рассматриваться

³¹ См.: В. Н. Кудрявцев. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. — «Советское государство и право», 1957, № 8, с. 60; Его же. Объективная сторона преступления. М., 1960, с. 71.

³² См.: Г. М. Миньковский. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. — В кн.: Теория доказательства в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 169.

³³ См.: А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, И. А. Якубович. Планирование расследования преступления. М., 1957, с. 66.

³⁴ См.: А. Н. Колесниченко, В. Н. Савченко. К вопросу о понятии способа совершения преступления в криминалистике. — В сб.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1962, с. 62.

³⁵ См.: Г. Г. Зуйков. Установление способа совершения преступления. М., 1970, с. 15—16.

как единое целое в виде одного способа совершения преступления. Последовательное осуществление отдельных актов в равной степени относится и к подготовке, и к совершению, и к сокрытию преступления, которые могут по-разному протекать и по-разному квалифицироваться, имея свои способы. Более правильным является мнение о том, что способ — это составная часть каждого действия или бездействия, направленного на совершение преступления. Если учесть, что преступление может быть совершено как одним действием, так и несколькими, следующими друг за другом, а одно действие может содержать признаки нескольких преступлений (идеальная совокупность преступлений), то рассмотрение способа в его более широком значении может затруднить вычленение из цепи совершенных действий элементов и признаков конкретного состава преступления.

Способ совершения преступления отвечает на вопрос, каким образом, с помощью каких средств преступник добивается поставленной цели либо почему те или иные его действия привели к общественно опасному результату. Он характеризует не только преступное действие, но и бездействие. Поскольку последнее — негативная форма поведения, заключающаяся в том, что лицо не совершает тех действий, которые оно могло и должно было совершить, способ здесь отличается своеобразием. Он указывает, какие конкретно действия не совершены виновным и какие при этом силы и закономерности им использованы.

Однако было бы большой ошибкой считать, что только на основании способа самого деяния можно во всех случаях определить его внутреннюю природу. Напротив, содержание субъективной стороны преступления обычно не раскрывается непосредственно характером действий субъекта. Один и тот же результат может иметь различное содержание по мотивации не только в зависимости от способа и ситуации совершения преступления, но и от особенностей самой личности виновного.

С. Л. Рубинштейн отмечал: «Ничего не поймет в поведении человека тот, кто не сумеет за внешним поведением вскрыть свойства личности, ее направленность и мотивы, из которых исходит ее поведение... Раскрытие психологического содержания результата, исходящего из внешних данных, его расшифровка и правильная интерпретация требуют обязательного учета, а значит, и изучения конкретной личности в конкретной ситуации... Отдельный, изолированно взятый, как выхваченный из контекста, акт поведения обычно допускает самое различное истолкование. Его внутреннее содержание и подлинный смысл обычно раскрываются лишь на основе более или менее обшир-

ного контекста жизни и деятельности человека — также, как смысл фразы часто раскрывается из контекста речи, а не определяется однозначно лишь словарным значением составляющих ее слов»³⁶.

Человеческие поступки причинно обусловлены (детерминированы) как внешней средой, так и сформированными в результате ее воздействия социальными свойствами и качествами личности на биологической основе. Единство социального и биологического в человеческой сущности проявляется в любых поступках и деятельности личности. Но это вовсе не означает, что биологическое и социальное в равной степени оказывает влияние на поведение, на его содержательную сторону. И. М. Сеченов по этому поводу подчеркивал, что психическое содержание деятельности человека на 0,999 определяется воспитанием в широком смысле слова, но на 0,001 оно зависит и от особенностей нервного аппарата человека³⁷.

Однако это совсем не означает, что биологические свойства и такие особенности психики, как легкая возбудимость, неустойчивость либо, напротив, инертность, заторможенность и т. п., могут привести к совершению преступлений по таким мотивам, по которым психически полноценный человек всегда поступает верно — в соответствии с требованиями закона. Содержательную сторону поведения они не определяют и не могут определить по той причине, что социальное человек приобретает лишь через обучение и воспитание. Иногда этот вопрос осложняется постановкой проблемы о генетическом кодировании некоторых человеческих свойств и качеств в виде альтруизма, групповой взаимопомощи и т. п. Однако это не имеет отношения к содержанию отклоняющегося поведения конкретной личности, с чем прежде всего имеет дело юриспруденция и юридическая наука.

Очевидно, более правильно рассматривать биологические свойства через призму социальных. Необходимо решить вопросы о том, например, как те или иные аномалии психики затрудняют социализацию, усвоение социальных норм и правил поведения; в какой степени излишняя возбудимость, интеллектуальная неполноценность способствуют формированию искаженного миропонимания, пробельности правосознания, оказывают влияние на социальное общение индивида и т. п., в какой форме эти свойства и качества влияют на осуществление самих волевых актов, в том числе антиобщественного содержания.

Не вызывает также сомнения тот факт, что пограничные сферы человеческой психики, не исключая вменяемости, в

³⁶ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, с. 34.

³⁷ См.: И. М. Сеченов. Рефлексы головного мозга. М., 1961, с. 78—94.

том числе и такие, как извращенная сексуальность, злоупотребление алкоголем или наркотиками, могут облегчить реализацию преступного акта, выступая в качестве условия, благоприятствующего его совершению. Именно в этом плане они должны учитываться при решении вопроса о действительном содержании мотивов отдельных видов преступной деятельности. Известно, что мотивы совершения преступлений невозможно рассматривать вне самого деятеля — преступника, обладающего определенными свойствами и качествами, отличающими его от законопослушных граждан, хотя какой-то особой полярности между преступником и не преступником может и не быть. Для одних из них совершенное преступление — случайное явление, для других — привычная форма поведения. Существуют различия между лицами, вставшими на преступный путь умышленно или по неосторожности. Эти различия отражаются и на мотивационной сфере совершаемых преступлений.

Преступление — результат сложного взаимодействия личности с окружающей средой. И поскольку это взаимодействие отражает специфику определенных отношений личности к социальным ценностям, предъявляемым требованиям, другим людям, к обществу в целом, очевидно, можно проникнуть в содержание мотивации через различные формы ее проявления в комплексе объективных и субъективных факторов, ее породивших. Здесь нет необходимости в подробном рассмотрении вопроса о причинах становления конкретной личности на преступный путь (криминологический аспект требует отдельного исследования), но применительно к уголовно-правовой оценке личности и содеянного весьма важно проникнуть в условия формирования самой мотивации, а это вне личности преступника осуществить невозможно. Видный криминалист прошлого С. В. Познышев справедливо подчеркивал: «Ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности. Нарисуйте какую угодно цепь внешних событий; все равно для того, чтобы под давлением их произошло преступление, необходимо прибавить к ним известный склад личности. Личность иного склада, в тех же условиях, или совершит иное преступление, или вовсе не совершит преступлений, а найдет иной выход из своего положения, — может быть, кончит самоубийством, пойдет просить милостыню...»³⁸

Влияние среды в ее широком понимании преломляется через сознание индивида, его интеллект и волю. Для того, чтобы воз-

³⁸ С. В. Познышев. Криминальная психология (Преступные типы), Л., 1926, с. 6.

ник мотив волевого акта, разнообразные факторы внешнего порядка, его вызывающие, должны быть осознаны личностью, имеющей сложную структуру. Поскольку возникновение любого мотива связано с переживанием чего-то значущего для субъекта (в чем заключается смысл действий), особая роль принадлежит социальным свойствам индивида³⁹.

Социальные свойства и качества личности оказывают непосредственное влияние на решение вопроса о значимости конкретных действий и поступков в сложившейся ситуации, на внутренний отбор мотивов и способов их удовлетворения, на избирательность поведения в целом. Иными словами, они служат регулятором сознательной человеческой активности, а именно эта сторона имеет прямое отношение к решению вопроса об уголовной ответственности конкретного лица за совершенное им преступление. Все остальные свойства и качества личности носят подчиненный характер, отражаясь лишь на форме протекания тех или иных действий и поступков человека, на их формальной стороне независимо от содержания и направленности. Ущербность социальных свойств создает предпосылки для избрания преступной формы удовлетворения потребностей и интересов либо является непосредственной причиной мотивации такого поведения.

Нравственно психологическая характеристика личности, определяющая в конечном итоге мотивацию поведения, выражается в способности к *правильному* избирательному поведению. Альтернатива выбора поступка для подавляющего большинства советских граждан не возникает вообще либо решается в пользу несовершения преступления. Существует множество факторов объективного и субъективного характера, препятствующих принятию противоположного решения. Однако первое место среди них принадлежит высокому уровню сознания, нравственным, моральным качествам советского человека — труженика, создателя материальных благ. Напротив, недостатки нравственного формирования личности в различных градациях так или иначе сказываются на выборе поступка и избирательности поведения в целом. Предпочтение отдается преступному перед не преступным, причем по мере укрепления и углубления анти-

³⁹ В советской психологии личность и поведение рассматриваются с двух сторон — формальной и содержательной. Формальная сторона определяется врожденными свойствами и качествами, социальная — формируется прижизненно; именно она определяет содержание поведения. К социальным свойствам личности относятся: направленность (взгляды, идеалы, убеждения и принципы), ценностная ориентация (система ценностей, принятая индивидом), социальная установка (стереотипность поведения определенного вида), мотивы основной деятельности.

общественных свойств и качеств личности такой выбор проводится все чаще. Антиобщественное поведение в конечном итоге становится все более привычным. Наиболее устойчивые мотивы его переходят в свойства и качества личности в виде генерализованных мотивов основной деятельности (они замещают мотивы социально-полезной активности индивида), антиобщественное поведение становится привычным, что характерно, в частности, для преступников-рецидивистов.

Избирательность поведения непосредственно связана с сознанием общественной опасности содеянного. Предвидение или возможность и должествование предвидения общественно опасного характера действий (бездействия) и последствий совершения преступления — один из основных признаков преступления⁴⁰. Сознание общественной опасности содеянного в различных модификациях применительно к формам вины составляет основу мотивации именно преступного, а не иного поведения.

Важное значение имеет также связь избирательности поведения с действительными возможностями субъекта осознавать противоправность своего поступка. Противоправность, как известно, выступает в качестве второго обязательного признака преступления. В то же время уголовная ответственность конкретного лица не ставится в зависимость от знания или незнания уголовного закона. Юридическая ошибка в виде заблуждения по поводу формы и размера ответственности не освобождает лицо от самой уголовной ответственности. Вместе с тем, многие криминалисты в качестве одной из причин совершения конкретного преступления называют пробельность правового сознания⁴¹. Такая точка зрения является односторонней и по этой причине подвергается справедливой критике. Однако при этом недооценивается уголовно-правовой аспект рассматриваемого вопроса, тесно связанный с криминологическим.

Уровень правосознания проявляется в процессе мотивации, когда определяются цели волевого акта и избираются пути и средства их достижения, удовлетворения мотивов и т. п. Пробелы правового сознания могут иметь различный характер и проявляться по-разному: в виде правового инфантилизма (правового безразличия), правового негативизма (активного отрицательного отношения к праву) и недооценки правовой значи-

⁴⁰ В уголовно-правовом смысле в одних случаях имеет значение сознание общественно опасных последствий (материальные составы преступления), в других — самих действий (формальные составы).

⁴¹ См.: И. И. Карпец, А. Р. Ратинов. Правосознание и причины преступности. — «Советское государство и право», 1968, № 12, с. 47—54.

мости поступков в результате снижения уровня правового сознания или его недоразвитости.

Для решения вопросов уголовной ответственности немаловажное значение имеет не сама по себе пробельность правового сознания, а непосредственно связанные с ней явления сокращения возможности осознания и правильной оценки социальной значимости совершаемых действий и поступков. Применительно к преступному поведению это относится к сознанию общественной опасности содеянного. Способность к избирательности поведения определяется различными сторонами сознания, в том числе уровнем правосознания. В связи с этим возможность осознания социальной значимости поступка, а следовательно, и его общественной опасности, определяемая как правосубъектность, должна рассматриваться на основании не только формальных признаков (возраст, вменяемость и т. п.), но и фактической способности конкретного лица к избирательности поведения. Такая способность связана с достижением субъектом определенного уровня социализации и степени сформированности социальных свойств и качеств личности, ответственных, как уже отмечалось, за содержательную сторону поведения.

Необходимость такого подхода к разрешению вопросов уголовной ответственности вызывается и тем, что само достижение возраста уголовной ответственности и наличие вменяемости не исключают встречающихся фактов разрыва между возрастом и фактическим уровнем умственного развития⁴². Кроме того, между мотивом и подлинным содержанием поступка иногда наблюдаются несовпадения, обусловленные различного рода психическими заболеваниями, не исключающими вменяемости (пограничные состояния человеческой психики), а также несформированностью социальных свойств личности несовершеннолетних. Выяснение указанных обстоятельств связано с применением медицинских или воспитательных мер.

Процесс возникновения мотива преступления никогда не бывает однозначным. В одних случаях на первое место выдвигаются внешние поводы и обстоятельства, в которых оказался субъект, в других — его собственные социально-психологические свойства и качества, получившие искаженную направленность. Возникновение мотива преступления обычно связано с длительным деформирующим воздействием на личность различных неблагоприятных факторов, как бы подводящих к совершению преступления, когда поводы служат лишь последним стимулом

⁴² Речь идет о так называемых «задержках» умственного развития, не исключая вменяемости в ее обычном понимании.

для их проявления. Однако преступление может быть совершенно и по самым незначительным поводам и даже при их отсутствии, когда на первое место выдвигаются антиобщественные свойства и качества личности, проявляющиеся в преступном акте непосредственно. Это совсем не означает, что существует жесткая двузначная схема возникновения мотива. Но в обоих случаях наблюдается взаимосвязь указанных обстоятельств, их регулятивное и определяющее значение. Нередко возникает необходимость выяснения условий и источников формирования мотивов задолго до их проявления в преступном акте. С. Л. Рубинштейн по этому поводу писал: «Внутреннее психологическое содержание действия раскрывается обычно не из изолированно взятого акта, не из отдельного фрагмента, а из системы деятельности. Лишь учитывая деятельность индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт и соотнося ее с теми конкретными условиями, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть то внутреннее психологическое содержание действий и поступков, которое может быть высказано и может быть угадено в высказываниях человека, но обнаруживается в его действиях»⁴³.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» не случайно подчеркивается: «Решая вопрос о содержании умысла виновного, суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств совершенного преступления и учитывать, в частности, способы и орудия преступления, количество, характер и локализацию ранений и иных телесных повреждений (например, в жизненно важные органы человека), причины прекращения преступных действий виновного и т. п., а также предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения»⁴⁴.

Между действительными причинами возникновения мотива и выполнением преступного акта на его почве иногда проходит длительный период времени. Действительные причины возникновения мотива обычно имеют свою криминологическую характеристику, которая отражается на мотивационной сфере преступного акта. Поэтому раскрытие уголовно-правового содержания мотивации неотделимо от тщательного выяснения причин и условий, способствующих совершению конкретных преступлений. Это тем более необходимо еще потому, что в ряде случаев одинаковые по наименованию мотивы составляют психологиче-

скую основу различных преступлений и, напротив, один и тот же мотив в зависимости от причин его возникновения может расцениваться в уголовно-правовом смысле по-разному. Например, ревность можно характеризовать как чувство, породившее гнев и аффектированное поведение на его почве, и можно говорить о мотиве совершения преступления на почве ревности. Месть как мотив может быть вызвана неправильно сложившимися личными взаимоотношениями с потерпевшим, ревностью и другими обстоятельствами.

Для правильной квалификации один лишь факт совершения преступления на почве мести оказывается недостаточным. Появляется необходимость более тщательного выяснения действительных причин возникновения мести и ее подлинного содержания. Особое значение в связи с этим приобретает установление не только условий неблагоприятного нравственного формирования личности, но и повода к совершению преступления, конкретной жизненной ситуации, в которой субъект оказался непосредственно перед совершением преступления.

Обстоятельства, характеризующие конкретную ситуацию совершения преступления, имеют исключительно важное значение для установления мотива. В одних случаях субъект использует благоприятно сложившуюся для него ситуацию для совершения преступления, в других — он создает ее сам либо упорно преодолевает различного рода препятствия для достижения намеченной цели. Ситуация может наталкивать на совершение преступления и, напротив, препятствовать осуществлению преступником его намерений.

Соотносимость мотива и повода к совершению преступления открывает дополнительные возможности установления содержания мотивации поступка. Повод в отличие от мотива — объективный фактор. Это — случай, предлог, обстоятельство, которое можно использовать с какой-нибудь целью. Поводом для возникновения мотива преступления могут служить различные обстоятельства, вызванные прежде всего взаимоотношениями людей в их повседневном или случайном общении между собой. В качестве повода к совершению преступления обычно выступают оскорбление, ссора, побои, обида и другие явления, затрагивающие в той или иной мере интересы людей, их чувства и желания, потребности и устремления. По времени возникновения повод всегда предшествует мотиву. Но в одних случаях он вызывает мотив тут же, немедленно, что, в частности, характерно для преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, при случайно сложившихся неблагоприятных обстоятельствах, в других — между ними существует значительный разрыв во

⁴³ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, с. 29.

⁴⁴ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 8.

времени. Причинная зависимость между поводом и мотивом конкретного преступления нередко осложняется целым рядом приводящих обстоятельств, воздействующих на личность. Несколько поводов могут сливаться вместе, порождая один мотив или укрепляя решимость совершить преступление на его почве. Повод, как и мотив, осознается субъектом, хотя степень его осознания колеблется в довольно широких пределах. Осознанность его зависит от конкретной жизненной ситуации, в которой субъект оказался, от содержания и значимости самого повода для субъекта, от особенностей совершаемого преступления. В ряде случаев повод к совершению преступления может отсутствовать вообще, что иногда приводит к ошибочным суждениям о безмотивности отдельных преступлений. В связи с этим заслуживает внимания рассмотрение криминологами значения повода в этиологии преступного поведения.

В соответствии с общепринятой в советской криминологии концепцией повод к совершению преступления, или конкретная жизненная ситуация, предшествующая совершению преступления, является обстоятельством, порождающим конкретное преступление. Криминологи в причинную зависимость между действиями и последствиями включают повод наряду с нравственным формированием личности и условиями, способствующими достижению преступного результата. Исследователи причин совершения преступлений отмечают, что неблагоприятное нравственное формирование личности как бы подготавливает совершение преступления данным лицом. Повод служит непосредственным стимулом к его совершению. Причинная зависимость между этими явлениями развивается в определенных условиях, способствующих совершению преступления. Но именно повод, или конкретная жизненная ситуация, отражаясь в сознании субъекта и вызывая к жизни конкретные мотивы, определяет реакцию индивида на внешние обстоятельства в виде совершения конкретных общественно опасных действий либо бездействия.

Повод к совершению преступления может быть существенным, затрагивающим интересы личности, и малозначительным, даже ничтожным. Вызванные им мотивы и соответствующие цели и намерения субъекта в одних случаях соответствуют поводу, в других — противоречат ему, т. е. вызываемая поводом реакция может быть адекватной ситуации и не соответствовать ей. Однако реакция индивида на сложившуюся критическую ситуацию фатально не предопределена. В каждом конкретном случае сохраняется возможность воздержаться от совершения преступления и избрать иное поведение, соответствующее

предъявляемым требованиям. Выбор варианта поведения зависит от целого ряда обстоятельств, но прежде всего от степени сформированности антиобщественных свойств и качеств личности, взаимодействующих с окружающей средой и ею формируемых.

Взаимодействие объективных и субъективных факторов, выражаемых формулой ситуация (повод) — личность — деяние, при совершении конкретных преступлений выступает в различных сочетаниях: личность, обладающая слабо выраженной антиобщественной направленностью — ситуация, провоцирующая преступление; личность с относительно устойчивой антиобщественной направленностью — ситуация, способствующая совершению преступления или нейтральная; личность с ярко выраженной антиобщественной направленностью — ситуация, не имеющая существенного значения для преступного поведения (она может быть любой).

Степень сформированности антиобщественных свойств и качеств личности и ее реакция на конкретно сложившуюся ситуацию наиболее четко проявляются в мотивации. Именно этим определяются различные уровни последней: во-первых, устойчивая мотивация, обусловленная относительно стойкими антиобщественными свойствами и качествами личности, когда ситуация преступления не оказывает какого-либо существенного воздействия на возникновение самого мотива, сформировавшегося заранее, нередко задолго до совершения самого преступного акта; во-вторых, ситуационная мотивация, обусловленная прежде всего влиянием внешних факторов, когда процесс формирования мотива и его реализация совпадают во времени, а сама ситуация выступает в качестве непосредственного фактора, вызывающего мотив, и является условием его реализации.

Повод к совершению преступления применительно к мотиву может выступать в двух основных значениях: возбуждать стремление к совершению конкретного волевого акта непосредственно, вызывая мотив, служить стимулятором к возникновению мотива и его внешнему проявлению в конкретном волевым акте, когда мотив уже сформировался. Иными словами, он включается в причинную зависимость и как причина конкретного преступления и как условие, способствующее его совершению. Обе функции повода имеют непосредственное отношение к мотивации преступления и поэтому должны учитываться при квалификации. Особую остроту приобретают те случаи, когда повод к совершению преступления является непосредственной причиной преступления. Осложнения в квалификации возник-

кают в связи с тем, что внешняя характеристика повода при совершении разнородных преступлений иногда совпадает. Это отмечается, в частности, при совершении преступлений, связанных с противоправным поведением потерпевшего. В таких случаях в качестве критерия разграничения преступлений наряду с другими признаками выступает мотивация.

Зависимость между ситуацией (поводом) и мотивом своеобразно отражается также применительно к различным формам вины содеянного. Например, при совершении преступлений по неосторожности в качестве повода выступают внешние неблагоприятно сложившиеся для субъекта обстоятельства, в которых он оказался случайно. Совершаемое при этом преступление нередко противоречит предшествующему нравственному формированию личности и в отличие от преступления, совершаемого умышленно, характеризуется асоциальной (социально нейтральной) направленностью. Такая направленность не обеспечивает должной предусмотрительности при совершении тех или иных действий, которые оказываются общественно опасными объективно и субъективно.

При совершении же умышленных преступлений, связанных прежде всего с антиобщественной направленностью личности виновного, ситуация будущего действия в какой-то форме предвосхищается субъектом. Повод к совершению преступления выступает в своем значении при формировании мотива или его проявлении в конкретном преступном волевом акте.

Между поводом к совершению преступления, возникшем на его основе мотивом и его реализацией в конкретном волевом акте иногда существует разрыв во времени, что затрудняет правовую оценку на основе исследования ситуации, непосредственно предшествующей волевому акту. При раскрытии действительных причин возникновения так называемых «отсроченных» мотивов (не реализованных в момент возникновения) возникает необходимость учета не только социальных свойств и качеств индивида, но и его психофизиологических особенностей, отражающихся на протекании психических процессов, связанных с эмоциональной сферой. Определение психических особенностей причинителя создает дополнительные возможности для правильной оценки преступлений, совершаемых по так называемым эмоциональным мотивам, при отграничении их от тех преступлений, где эмоции, не имея самостоятельного правового значения, придают содеянному своеобразную окраску. В сущности ни одно преступление не обходится без эмоциональных переживаний, но из этого совсем не следует, что им можно придавать какую-то исключительность.

Особые затруднения в судебной практике при квалификации вызывают случаи, когда между мотивом и поводом совершения преступления наблюдается явная несоразмерность, когда само преступление кажется каким-то бесцельным, безмотивным актом, необъяснимым, с точки зрения обычного человеческого поведения. В действительности здесь проявляется отклоняющаяся от нормы так называемая непривычная мотивация. Неадекватность мотива действий внешнему поводу может свидетельствовать, во-первых, о невменяемости действующего лица в связи с психическим заболеванием; во-вторых, о расстройстве его психической деятельности, близкой к норме (не исключающей вменяемости); в-третьих, о наличии весьма устойчивой антиобщественной направленности личности, проявляющейся в совершении тяжких, главным образом насильственных преступлений, характеризуемых внешней «безмотивностью», о постепенном накоплении травмирующих ситуаций (например, систематических оскорблений), ведущих в конечном итоге к «срыву» в поведении лица, даже не обладающего антиобщественной направленностью.

Поскольку вопрос о невменяемости не имеет прямого отношения к рассматриваемой теме, остановимся только на психологических зависимостях между мотивом и поводом при их неадекватности применительно к преступному поведению.

Неадекватная мотивация тесно связана с эмоциональной сферой индивида и проявлением гнева, ярости, агрессивности без видимых причин. Такую мотивацию иногда отождествляют с эмоциональной, хотя ее основу составляют прежде всего прочно укоренившиеся антиобщественные свойства и качества личности, тогда как преступления, совершаемые на эмоциональной почве (при адекватности повода и мотива), обычно этим не характеризуются.

В качестве предпосылок, определяющих содержание неадекватных мотивов (их антиобщественный смысл) и форму удовлетворения в виде, например, «бессмысленных» или «бесцельных» преступлений, и выступают антиобщественные свойства и качества личности, сформировавшиеся задолго до совершения преступления. Наиболее часто это проявляется в стремлении к самоутверждению в собственном мнении или перед окружающими путем насилия. Доказывая свое «мнимое превосходство», «правоту», преступник, обладающий устойчивой антиобщественной направленностью, иногда прибегает к насилию «просто так», «без всякой цели» либо по незначительным поводам (в ответ на замечание о надлежащем поведении в общественном месте, при невыполнении его прихотей и т. п.). Содеянное при

этом нередко характеризуется бесчеловечностью и необъяснимой жестокостью. «Безмотивность» преступления здесь связана не с сущностью данного явления, поскольку безмотивных преступлений не существует, а с нетипичностью мотивации, не свойственной обычным представлениям и наиболее часто встречающимся жизненным ситуациям⁴⁵. Непонятность и атипичность рассматриваемых мотивов может затруднить и правовую оценку преступлений, совершаемых на их почве.

Неадекватность мотивации может быть вызвана и другими обстоятельствами, в частности известными в психологии явлениями «замещения действия» и «фрустрации». Первое характеризуется тем, что субъект, не имея возможности достичь какой-либо цели для удовлетворения мотива, чаще всего эмоционального, вынашивает его и через некоторое время переносит свои действия на другой объект, не имеющий непосредственного отношения к действительным причинам его возникновения. Реализация «замещающего действия» через преступление обычно связана с незащищенностью жертвы фактического насилия и представлением преступника о безнаказанности причиняемого им зла. Такое представление дополнительно укрепляет решимость действовать в избранном направлении. Совершаемые при этом преступления обычно выражаются в насилии над близкими родственниками или знакомыми лица, вызвавшего недовольство, и реже — над посторонними, которые оказались случайно в поле зрения виновного, «попались ему под руку». Находясь в напряженном состоянии, он вымещает зло на любом человеке, не способном в силу разных причин оказать противодействие.

Иную психологическую характеристику имеет явление «фрустрации», также относящееся к «немотивированным» преступлениям. Фрустрация определяется психологами как особое психическое состояние, вызываемое эмоциональной перенапряженностью в результате неудовлетворенности мотива, «отсроченного» в данный момент. Совершаемые на почве этого явления преступления характеризуются, во-первых, разрывом во времени между возникновением мотива и действиями, совершаемыми на его основе; во-вторых, эмоциональной напряженностью психики и неожиданной разрядкой мотивации под влиянием случайно сложившейся ситуации, которая сама по себе не объясняет содержания поступка и в какой-то мере даже противоречит обычным представлениям о мотиве и способе его удовлетво-

⁴⁵ Аналогичное мнение высказал В. Петелин (см.: В. Петелин. Безмотивных преступлений не бывает. — «Советская юстиция», 1973, № 26, с. 14—15).

рения. Сформировавшийся в прошлом мотив, будучи неудовлетворенным, как бы «ищет» своей реализации и лишь под влиянием какого-то незначительного повода актуализируется, переходя из только осознаваемого мотива в действующий мотив преступления. В отличие от «замещения действия» здесь не подменяется направленность совершаемых преступлений, их определенность.

Неадекватность мотива и повода к совершению преступления иногда также вызывается постепенным накоплением отрицательных эмоций, чувств, обиды, ненависти и других переживаний в результате систематических оскорблений, издевательств самого потерпевшего. Испытываемые переживания возникают как своеобразная защитительная реакция в ответ на постепенное накопление различных травмирующих ситуаций. Повод, непосредственно предшествующий совершению преступления и оказавшийся взрывным, по сути есть последняя капля, переполнившая чашу терпения. Такой повод, естественно, сам по себе не раскрывает подлинного содержания мотивации, возникшей в результате накопления чувств гнева, озлобленности, выразившихся в совершении преступления на их почве.

Неадекватность мотива и повода к совершению преступления нередко наблюдается также в преступлениях, совершаемых несовершеннолетними по так называемым «детским» мотивам, обусловленным возрастными особенностями и псевдоустойчивой социализацией.

Многочисленность причин несовпадения повода и мотива совершения преступления совсем не означает, что их можно объяснить каким-то одним качеством личности, например, агрессивностью⁴⁶. Во-первых, вряд ли верно обозначать мотивы, не подпадающие ни под одно из известных общежитейских понятий, каким-то одним обобщенным термином, тем более таким расплывчатым, как агрессивность. Во-вторых, так называемые «безмотивные» насильственные преступления, как можно было убедиться, нередко противоречат агрессивности и по существу. В-третьих, за «безмотивностью» нередко скрыты недостатки расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, в частности неполнота исследования фактических обстоятельств, относящихся к мотивации преступления и ее правовой оценке.

Не менее распространены при квалификации также ошибки, связанные с неправильным толкованием закона применительно к мотивационной стороне совершаемых преступлений. Они вы-

⁴⁶ Именно такое стремление проявляется в буржуазной криминологии, стоящей на позиции фрейдизма. Как известно, З. Фрейд в качестве одной из причин преступности называл врожденную агрессивность.

зываются, во-первых, неправильным пониманием установленных законом признаков, относящихся к субъективной стороне состава преступления в целом и ее отдельным компонентам, раскрывающим мотивационную структуру преступления; во-вторых, ошибочным истолкованием мотивационной стороны особых форм преступной деятельности (приготовления, покушения, соучастия, прикосновенности и т. п.)⁴⁷.

Изучение судебной практики показывает, что в связи с неправильным толкованием и применением закона отменяется около 30% приговоров⁴⁸.

Неправильное применение уголовного закона на предварительном следствии и в суде отличается некоторым своеобразием. Для предварительного следствия прежде всего характерна квалификация «с запасом». Это проявляется в стремлении застраховать себя от возможного возвращения судом не до конца расследованного дела путем предъявления обвинения по закону, предусматривающему более строгую ответственность⁴⁹. Такие ошибки особенно часто встречаются при расследовании дел об убийствах из хулиганских побуждений. Затрудняясь в установлении действительных мотивов преступления, некоторые практические работники находят выход в том, что расценивают убийство как беспричинное и, следовательно, совершенное из хулиганских побуждений. Квалификация «с запасом» менее характерна для судов, хотя иногда проявляется и здесь.

Наиболее типичной судебной ошибкой является недооценка конкретизации установленных обстоятельств, свидетельствующих о мотивационной стороне и форме вины совершенного преступления. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» отметил, что во многих случаях недостаточно исследуются содержание и направленность умысла, цели и мотивы совершения преступления, не проводится необходимое различие между преступлениями, совершенными умышленно и по неосторожности, а иногда допускается не свойственное советскому праву объективное вменение⁵⁰.

Поскольку действующее законодательство, называя мотив, обычно пользуется обобщенной терминологией, которую следует

⁴⁷ Подробно о мотивационной стороне особых форм преступной деятельности см.: С. А. Тарарухин. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., Госюриздат, 1974.

⁴⁸ См.: В. Алексеев, А. Бойков. Изучение и предотвращение судебных ошибок. — «Советская юстиция», 1968, № 12, с. 10—12.

⁴⁹ См.: «Социалистическая законность», 1968, № 3, с. 6.

⁵⁰ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973, с. 280.

конкретизировать применительно к отдельным видам преступлений, представляется необходимым более подробно рассмотреть некоторые особенности установления и правовой оценки мотивации четырех групп преступлений: совершаемых по мотивам личного порядка; совершаемых по мотивам, не имеющим личного смысла и значения; обусловленных так называемыми вынужденными мотивами действий; совершаемых при наличии смешанных мотивов⁵¹.

Преступления, совершаемые по мотивам личного порядка. Наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми на почве личных интересов, являются корыстные преступления. В действующем законодательстве о корыстном мотиве упоминается только дважды (ст. ст. 93 и 259 УК УССР). Однако по мотивам корысти совершается подавляющее большинство имущественных преступлений — хищений государственного, общественного и личного имущества в различных формах, целый ряд должностных, хозяйственных и других преступлений. Иногда в законе указывается на корыстную заинтересованность виновного (ст. ст. 165 и 172 УК УССР), отражающую несколько иные побуждения, близкие к личной заинтересованности. Эти побуждения расцениваются законодателем обычно равнозначно (оба термина употребляются законодателем вместе).

Несмотря на различия составов корыстных преступлений, для них характерна своеобразная направленность умысла виновного на извлечение имущественной выгоды, на нетрудовое обогащение. Такая устремленность определяет специфику мотивационной структуры совершаемых преступлений, характеризующей прежде всего корыстной целью. Для достижения этой цели преступник избирает различные формы, средства, способы, нередко представляющие значительную общественную опасность. В одних случаях корыстная цель достигается за счет изъятия имущества из социалистических фондов, в других — путем завладения личным имуществом граждан. Совершение преступления нередко облегчается тем, что субъект имеет непосредственное отношение к расхищаемому имуществу, являясь материально ответственным лицом либо распорядившись им по занимаемой должности, что, в частности, характерно для присвоения, растраты и хищения путем злоупотребления служебным положением, ответственность за которые предусмотрена

⁵¹ Первые три группы преступлений выделены по источникам образования мотивации и ее значимости для субъекта, в соответствии с принятой автором классификацией мотивов. Четвертая группа является производной. Она имеет самостоятельное значение и поэтому рассматривается нами более подробно.

ст. 84 УК УССР. При совершении других преступлений, не имея отношения к расхищаемому имуществу, преступник вынужден преодолевать различные препятствия, зачастую не останавливаясь и перед применением насилия для достижения корыстной цели.

При совершении корыстных преступлений виновным могут быть поставлены и другие цели, не противоречащие общей корыстной направленности совершаемых действий, что обуславливается избранными средствами ее достижения.

Под корыстью принято понимать извлечение любой материальной выгоды, пользы, наживы. В судебной практике к корыстным преступлениям относятся и те, которые связаны с намерением избавиться от материальных затрат (уплаты долга, алиментов и т. п.)⁵². В то же время корысть нельзя понимать слишком широко. Так, по делу М., осужденного по п. «а» ст. 88 УК Молдавской ССР за умышленное убийство из корыстных побуждений, Верховный Суд СССР подчеркивал: «Суд без достаточных к тому оснований признал М. виновным в убийстве по мотивам корыстных побуждений. При этом суд не указал, в чем же конкретно проявились корыстные побуждения.... Убийство потерпевшего произошло на почве ссоры, возникшей в результате азартной картежной игры»⁵³.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР по делу указала: «Присвоение осужденным принадлежащего К. ружья и денег после убийства не дает оснований для квалификации преступления по п. «а» ст. 102 УК РСФСР. Корыстная цель, предусмотренная этим пунктом, должна являться мотивом убийства. Если же умысел на завладение имуществом убитого возник после убийства, то это обстоятельство не влечет за собой квалификацию действий виновного по п. «а» ст. 102 УК. В данном случае присвоение ружья и денег, принадлежащих убитому, следует квалифицировать как кражу по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР»⁵⁴.

Приговором Черкасского областного суда осуждены Г. по п. «б» ст. 93 и ч. 2 ст. 142 и Ж. по п. «б» ст. 19—93 и ч. 2 ст. 142 УК УССР. Будучи в нетрезвом состоянии, они на автобусной станции г. Звенигородка Черкасской области из хулиганских побуждений беспричинно пристали к гр-ну К., требуя закурить. Когда К. отказался удовлетворить их вымогательства,

осужденный Г. стал его избивать доской, выломанной из забора. При этом Ж. держал потерпевшего за одежду. В результате причинения множественных телесных повреждений К. скончался на месте. Убедившись, что потерпевший мертв, осужденные забрали у него наручные часы и два рубля денег.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР переквалифицировала действия осужденных с ч. 2 ст. 142 на ч. 2 ст. 140, оставив приговор в остальной части без изменений, поскольку в момент нападения на потерпевшего корыстной цели они не преследовали. Цель завладения имуществом К. у них появилась после того, как он был убит⁵⁵.

Изучение судебной практики показывает, что корыстные убийства, в отношении которых не требуется применения законодательства, устанавливающего ответственность за кражи или разбой, делятся на совершенные с целью завладения общим (совместно нажитым) имуществом; для получения наследства; уклонения от возвращения долга или вещей; совершенные в защиту собственности от посягательства, которое не представляет общественной опасности; совершенные за плату; с целью приобретения права на жилплощадь, уклонения от уплаты алиментов или иных платежей; с целью получения страховой суммы.

В. Н. Кудрявцев обоснованно подчеркивает, что корыстный мотив означает стремление удовлетворить потребность (действительную или мнимую) в материальных благах⁵⁶. В то же время фактическое получение материальной выгоды возможно и при совершении преступлений по мотивам, лишенным корысти. Но это совсем не означает, что такие преступления можно отнести к числу корыстных, что характерно, например, для некоторых злоупотреблений служебным положением, совершаемых по мотивам иной личной заинтересованности.

Особенностью корыстных преступлений по их мотивации является тот факт, что они характеризуются прежде всего корыстной целью совершаемых действий. Именно цель составляет основу отграничения указанных преступлений от других смежных преступлений. В судебной практике нередко встречаются ошибки в квалификации, вызываемые смешением значения мотива и цели применительно к отдельным видам преступлений. Например, не всегда учитывается, что в качестве единственного

⁵² См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июля 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 9.

⁵³ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 3, с. 18—19.

⁵⁴ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 5, с. 7—8.

⁵⁵ Первоначальная квалификация противоречила принципам совместности мотивов в одних и тех же действиях, выраженных в нападении (см.: Архив Верховного Суда УССР, дело № 05—323к72).

⁵⁶ См.: В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 134.

критерия отграничения хищения, совершенного путем злоупотребления служебным положением (ст. 84 УК УССР), от корыстного злоупотребления (ст. 165 УК УССР) наряду с объектом посягательства выступает корыстная цель, а не мотив. Именно цель определяет не только направленность умысла, но и объект посягательства. Если лицо, злоупотребляя служебным положением, преследует цель изъять имущество из социалистических фондов и обратить его в пользу свою или другого лица, то оно совершает хищение. При отсутствии такой цели нет и хищения. Наличие или отсутствие корыстного мотива не имеет значения для квалификации, так как передача имущества в пользу другого лица возможна и по другим мотивам (из родственных чувств, альтруизма и т. д.).

Извлечение материальной выгоды при злоупотреблении в отличие от хищения выражается в недодаче в фонды государства материальных ценностей (в так называемой упущенной выгоде), временном заимствовании имущества, в неоправданном получении надбавки к заработной плате и т. п.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» подчеркивается основной критерий отграничения хищения от злоупотребления служебным положением, заключающийся в специфике цели: «От состава этого преступления суды должны отличать такое злоупотребление служебным положением, которое, хотя и было совершено по корыстным мотивам и причинило материальный ущерб государству или общественной организации, однако не связано с безвозмездным обращением социалистического имущества в свою собственность или собственность других лиц (например, сокрытие путем запутывания учета недостачи, образовавшейся в результате халатности; временное пользование имуществом без намерения обратить его в личную собственность или собственность других лиц)»⁵⁷.

Для состава злоупотребления властью или служебным положением необходимо установить, что совершенные действия были связаны с использованием возможностей, вытекающих из служебной компетенции должностного лица, его полномочиями или обязанностями по службе и с причинением существенного вреда государственным, общественным или личным интересам отдельных граждан.

В судебной практике встречаются факты неосновательного

⁵⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 446.

осуждения граждан за злоупотребление служебным положением вследствие неустановления действительного мотива преступления либо его неверной оценки. Так, Л., работая на протяжении ряда лет директором школы, ненадлежащим образом израсходовал 1136 руб. 64 коп. со счета всеобуча, получая их по фиктивным документам. Не согласовав с родительским комитетом, он выдавал школьникам бесплатные туристские путевки, приобретенные городским отделом народного образования на средства всеобуча. Полученные от реализации этих путевок деньги он без документального оформления истратил на нужды туристских групп. Для снятия денег со спецсчета всеобуча Л. составлял фиктивные документы, учинял в них дописки, а в одном случае поставил свою подпись в ведомости, вместо лица, получившего денежную сумму.

Приговором народного суда г. Ровеньки Ворошиловградской области Л. был осужден по ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 165 и ст. 172 УК УССР. Определением Ворошиловградского областного суда приговор в отношении осужденного изменен — обвинение в хищении переквалифицировано с ч. 2 ст. 84 на ч. 1 ст. 165.

По протесту заместителя председателя Верховного Суда УССР судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР приговор и определение областного суда по данному делу отменила и дело производством прекратила за отсутствием в действиях Л. состава преступления, указав, что необходимыми признаками преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 165 и 172 УК УССР, является совершение этих преступлений из корыстных мотивов или иной личной заинтересованности с причинением существенного вреда правоохраняемым интересам. Эти признаки в деле отсутствуют, и суд не сослался на них в приговоре. Подавляющее большинство затрат, произведенных Л. путем составления фиктивных документов, он мог бы оформить и в законном порядке. Допущенные им нарушения финансовой дисциплины представляют собой дисциплинарный проступок⁵⁸.

Не меньшую распространенность имеют преступления, совершаемые по мотивам иной личной заинтересованности (ст. ст. 165, 172, 174, 176, 193 и 254 УК УССР). В ст. ст. 124 и 133 УК УССР в качестве мотивов названы личные побуждения.

В широком смысле к мотивам личной заинтересованности относятся и корыстные побуждения. Однако под личной заинтересованностью принято понимать получение или осознанное

⁵⁸ См.: Архив Верховного Суда УССР, дело № 05—149п70.

стремление получить какую-либо выгоду, пользу неимущественного характера для себя лично или близких лиц (например, занять должность, получить награду, устроить родственника на работу, причинить вред другому лицу и т. п.). К личным мотивам относятся также месть (на бытовой почве), ревность, стремление оказать услугу вопреки интересам службы или из ложно понятых интересов, противопоставление личных интересов общественным, неприязнь, связанная с личными взаимоотношениями и т. п. Установление не каждого из указанных мотивов вызывает затруднения в судебной практике, поэтому необходимо более подробно рассмотреть только некоторые из них, в частности месть.

Мель — это намеренное причинение зла, неприятностей за прошлое с целью отплатить за оскорбление, обиду, страдания⁵⁹. По существу мель — действие, рассматриваемое как возмездие «за причиненное зло». Внешним поводом к ее возникновению могут быть самые разнообразные поступки людей, вызывающие акт мести. По мотивам мести на бытовой почве совершается значительное количество преступлений, в том числе умышленных убийств, ответственность за которые предусмотрена ст. 94 УК УССР.

Преступления, совершаемые по мотивам, не имеющим личного смысла и значения. В отличие от рассмотренных личных мотивов эти мотивы не связаны с получением какой-либо выгоды в широком смысле слова. Их проявление обусловлено нарушениями собственных интересов виновного. Преступления на их основе являются следствием прежде всего разнузданного эгоизма, неуважения к окружающим независимо от характера отношений с ними, грубого, ничем не прикрытого игнорирования предъявляемых общепринятых нравственных и моральных требований.

Из числа рассматриваемых мотивов первое место занимает хулиганский мотив, по существу обозначающий осознанное стремление проявить неуважение к обществу путем совершения различного рода циничных и дерзких действий, грубо нарушающих общественный порядок. Такие стремления включают целый комплекс низменных побуждений в виде разнузданного эгоизма, пренебрежения к окружающим, мнимого превосходства над ними, стремления показать свою силу и «превосходство», проявить озорство, пьяную удаль и бесчинство и т. п. Все они имеют свои особенности и специфические формы проявления.

⁵⁹ См.: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 1933, с. 193, 194.

отражая в комплексе многозначность хулиганского мотива, его многоликость⁶⁰.

В постановлениях Пленума Верховного Суда СССР о борьбе с хулиганством и в определениях по конкретным уголовным делам этой категории неоднократно подчеркивается необходимость тщательного выяснения направленности умысла виновного, мотивов, целей и обстоятельств совершения преступления, имеющих важное значение для квалификации. Однако в теории и в судебной практике нередко признается возможность квалификации преступных действий как хулиганских, совершенных не только по хулиганским, но и по мотивам личного характера, если при этом «они одновременно были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу»⁶¹.

Однако из этого совсем не следует, что определяющее значение в подобных случаях должны иметь мотивы личного порядка. Преступление на личной почве здесь перерастает в хулиганство, причем виновный понимает неизбежность нарушения общественного порядка, т. е. его сознанием охватываются и указанные обстоятельства. Создавшаяся ситуация совершения преступления и принятие решения действовать в избранном направлении позволяют в данном случае говорить о том, что хулиганские побуждения в виде грубого, очевидного для всех, в том числе для самого виновного, пренебрежения окружающими заменяют личные побуждения, отодвигая их на второй план. Личный мотив при этом замещается хулиганскими побуждениями, определяющими квалификацию содеянного в целом. Поэтому в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» неслучайно подчеркивается: «Умышленное убийство, совершенное из ревности, мести и других побуждений, возникших на почве личных отношений независимо от места его совершения, не должно квалифицироваться по п. «б» ст. 102 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»⁶².

Мотивационная структура преступления совсем не обязательно имеет неизменяемый характер. С точки зрения квали-

⁶⁰ На эту особенность хулиганских мотивов указывает также И. Н. Данышин. См.: И. Н. Данышин. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Харьков, 1971, с. 891.

⁶¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 543.

⁶² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 9.

фикации, мотив преступления обычно рассматривается в снятом виде, по фактически содеянному. При этом в судебной практике иногда отмечается перенесение первичного, только осознаваемого мотива на конечный результат без учета динамики его развития, изменяющей содержание совершенного в действительности преступления.

Хулиганству, как правило, не свойственны такие мотивы, в основе которых первоначально лежат личные отношения виновного с потерпевшим. Даже в тех случаях, когда оно проявляется в отношении лиц, с которыми субъект связан какими-то личными отношениями, мотив совершаемых при этом действий обусловлен осознанным стремлением проявить неуважение к обществу, общественному порядку, к человеку вообще, а не к данному конкретному лицу, причем в нарочито вызывающей, грубой форме.

Любые личные интересы при совершении хулиганства отодвигаются на второй план. Направленность умысла отражает сознательное пренебрежение общепринятыми правилами и нормами социалистического общежития и по отношению к формально близким хулигану лицам (родственникам, знакомым и т. п.). Личностные связи и отношения при этом игнорируются. Они не служат сдерживающим началом эгоистических, безнравственных устремлений личности. Это отмечается даже тогда, когда личные мотивы сопутствуют основному хулиганскому мотиву, побуждая к определенным действиям, направленным против конкретного лица и одновременно против общественного порядка в целом. Своеобразие личных мотивов (например, ревности), сопровождающих хулиганство, характеризуется тем, что они, как правило, для своего возникновения не имеют оснований, беспочвенны, абсурдны. Такие мотивы обычно вызываются болезненным воображением на почве пьянства и собственным аморальным, безнравственным поведением виновного. Иными словами, личные неправильно сложившиеся отношения выступают лишь в качестве придирки, воображаемого повода к развязыванию хулиганских действий, которые фактически обусловлены низменными побуждениями в их крайнем выражении.

О наличии хулиганских мотивов свидетельствует вздорность притязаний виновного к окружающим, обусловленных прежде всего антиобщественными свойствами и качествами личности и социальной деградацией в связи с злоупотреблением спиртными напитками. Возникающие на этой почве ненормальные взаимоотношения с окружающими составляют лишь внешний фон для хулиганства. Основой такого рода отношений, их первоприни-

ной является собственное поведение виновного, его нравственное и моральное убожество.

Характеризуя хулиганские побуждения, И. Н. Даньшин отмечает, что для их проявления характерна скоротечность, ничтожность, легковесность мотивации и наглядность⁶³. При этом следует подчеркнуть, что скоротечность возникновения неадекватной реакции на сложившуюся ситуацию во всех случаях сопровождается неуважением к человеческому достоинству, безжалостностью и бессердечием к потерпевшему. Указанные мотивы лежат в основе причинения телесных повреждений различной тяжести и одного из наиболее опасных преступлений — убийства при отягчающих обстоятельствах, ответственность за которое предусмотрена п. «б» ст. 93 УК УССР.

Причинение телесных повреждений различной тяжести и даже убийство потерпевшего могут явиться средством и формой непосредственного выражения хулиганских устремлений личности и как бы сопровождать хулиганство либо явиться заключительным этапом хулиганских действий. Иными словами, хулиганство в одних случаях перерастает в более тяжкое преступление, в других — хулиганские побуждения сами по себе выражаются в их совершении.

Любое преступление, в том числе хулиганство, может выступать в роли формы, способа или средства совершения другого более тяжкого преступления только в тех случаях, когда их мотивационная сторона совпадает. Хулиганство само по себе охватывает довольно широкий круг побочных, утрачивающих самостоятельное значение преступлений. Простое хулиганство (ч. 1 ст. 206 УК УССР) поглощает оскорбление (ст. 126); нанесение удара, побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль (ч. 1 ст. 107); причинение легких телесных повреждений без расстройства здоровья или кратковременной утраты трудоспособности (ч. 2 ст. 106). Квалифицированное хулиганство (ч. 2 ст. 206 УК УССР) охватывает истязание (ч. 2 ст. 107); умышленное телесное повреждение, повлекшее кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности (ч. 1 ст. 106); умышленное средней тяжести телесное повреждение (ст. 102); ряд преступлений против порядка управления (ст. ст. 188, 188¹, 189, 189¹).

⁶³ См.: И. Н. Даньшин. О мотивах хулиганства. — «Правоведение», 1965, № 2, с. 174. Аналогичные особенности хулиганских побуждений отмечаются и другими авторами (см.: Б. С. Волков. Мотив и квалификация преступлений, с. 146).

Причинение телесных повреждений различной тяжести при хулиганстве является свидетельством особой дерзости. Однако в данном случае оно обусловлено только хулиганскими мотивами. Несколько более сложной есть мотивационная сторона преступлений, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 206 УК УССР, если они сопровождаются оскорблением представителей власти, в том числе работников милиции, представителей общественности, охраняющих общественный порядок, сопротивлением указанным лицам и т. п. Эти преступления имеют свою мотивационно-целевую характеристику, обусловленную стремлением противодействовать законной деятельности лиц, выполняющих свой служебный или общественный долг, в том числе работников милиции, народных дружинников или отдельных граждан по охране общественного порядка⁶⁴. Преступники при этом ставят перед собой различные цели, соответствующие указанным мотивам: изменить, прекратить, предотвратить законную деятельность таких лиц в целом либо их конкретные действия по выполнению служебного или общественного долга в виде пресечения преступления, в том числе хулиганства, задержания преступника и т. п. Такая направленность совершаемых действий, их специфическая мотивация придают хулиганству еще более общественно опасный характер, что отражается на квалификации (простое хулиганство в связи с этим перерастает в злостное или особо злостное хулиганство и должно квалифицироваться по ч. 2 или ч. 3 ст. 206 УК УССР).

Стремление противодействовать законной деятельности лиц, охраняющих общественный порядок, обычно возникает вслед за уже совершенным хулиганством. Именно в этом смысле действующее законодательство, характеризуя квалифицированное хулиганство, гласит, что такие действия «сопряжены» с хулиганством, т. е. сопровождают его. Тем самым подчеркивается их побочный характер. Квалификация не изменяется и тогда, когда хулиганство направлено непосредственно против указанных лиц. В этом случае хулиганство означает и противодействие их деятельности по охране общественного порядка. Такая особенность проявления хулиганских мотивов не всегда правильно оценивается в судебной практике. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» отмечается: «Сопро-

⁶⁴ В юридической литературе указанные мотивы иногда неправильно отождествляются с хулиганскими побуждениями (см.: Г. Ф. Поленов. Преступления против порядка управления. М., 1966, с. 50; Г. Левицкий. Ответственность за посягательство на жизнь работников милиции и народных дружинников. — «Советская юстиция», 1963, № 4, с. 18).

тивление, оказанное лицу, пресекающему хулиганские действия, не охватывается составом хулиганства лишь в случаях, когда в результате примененного при этом насилия виновным совершается еще и другое более тяжкое преступление. Сопротивление, оказанное после прекращения хулиганских действий, в частности в связи с последующим задержанием виновного, не должно рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство хулиганства и подлежит квалификации по совокупности с последним»⁶⁵.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о мотивационной стороне преступлений, совершаемых в связи с мезтью, обусловленной государственной, служебной или общественной деятельностью потерпевшего. Этот мотив подобно хулиганству не имеет личного смысла и значения. В отличие от мести на почве личных отношений он обычно не связан с ущемлением каких-то законных интересов виновного, хотя это и не исключено. Чаще совершаются преступления, вызываемые рассматриваемым мотивом, когда в его основе лежит противоправное поведение самого виновного в прошлом, его неосновательные требования или претензии к лицу, выполняющему свой служебный или общественный долг и т. п.

Одним из наиболее опасных преступлений, совершаемых на почве мести в связи со служебной или общественной деятельностью потерпевшего, является убийство (п. «в» ст. 93 УК УССР). Его разновидностью (специальным составом), обусловленной таким же мотивом, выступает посягательство на жизнь работников милиции или народных дружинников в связи с их деятельностью по охране общественного порядка (ст. 190¹ УК УССР). Указанные преступления совпадают между собой почти по всем основным признакам и различаются, помимо объекта, лишь по характеристике потерпевшего и специфике конструктивных признаков состава преступления, включающего не только умышленное убийство, но и покушение на него. Они соотносятся между собой при их конкуренции по объему как общий (п. «в» ст. 93 УК УССР) и специальные составы (ст. 190¹).

Мотивация данных преступлений, обусловливаемая спецификой цели, подобна уже рассматривавшейся мотивации преступлений, совершаемых в связи с противодействием законной деятельности потерпевшего. Это прежде всего стремление к изменению, прекращению или предотвращению в будущем общественно полезной деятельности потерпевшего в целом либо

⁶⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 540.

изменение характера его конкретных действий при выполнении им служебного или общественного долга в данный момент. Вполне понятно, что мотив мести относится к деятельности потерпевшего в прошлом. В то же время стремление воспрепятствовать выполнению им служебного или общественного долга и в будущем этим понятием не охватывается. В некоторых случаях преступник вообще может не ставить цели изменения или предотвращения общественно полезной деятельности потерпевшего, посягая на него с целью создать условия для совершения нового преступления (например, завладения оружием для последующих разбойных нападений или бандитизма), избежать задержания и т. п. Мотивы преступления, предусмотренного ст. 190¹ УК УССР, заключаются в стремлении противодействовать законной деятельности работников милиции или народных дружинников по охране общественного порядка или отомстить за такую деятельность. Таким образом, рассматриваемые мотивы не укладываются в рамки обычной мести, отличаясь своеобразием, обусловленным специфической деятельностью потерпевшего.

Указанные мотивы нередко сочетаются с хулиганскими побуждениями в одном и том же преступлении. Это наблюдается в том случае, когда хулиганство направлено непосредственно против указанных лиц. Однако такие мотивы здесь становятся основными, замещая хулиганские побуждения. Последние выступают в роли побочных, сопутствующих мотивов. В тех же случаях, когда требования о прекращении хулиганских действий вызывают ответную реакцию противодействия в виде убийства лиц, не являющихся работниками милиции и народными дружинниками, но пресекающих хулиганство, имеет место совокупность преступлений. Квалификация таких убийств только по п. «б» или «в» ст. 93 УК УССР (убийство в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга) не отражает полностью общественную опасность содеянного, так как, совершая убийство указанных лиц из хулиганских побуждений, виновный выражает и стремление противодействовать их деятельности по выполнению служебного или общественного долга в данный момент. Он осознает и принимает все общественно опасные последствия, касающиеся различных общественных отношений, которые затрагиваются и претерпевают изменения в результате совершаемых им действий⁶⁶.

⁶⁶ Верховный Суд СССР признал наличие состава рассматриваемого преступления в действиях Л., совершившего умышленное убийство гражданина, пресекающего хулиганские действия (см.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, с. 32).

Возможность сочетания хулиганских мотивов с другими мотивами, относящимися к одной и той же группе, еще больше проявляется при посягательстве на жизнь работников милиции и народных дружинников в связи с их деятельностью по охране общественного порядка. Мотивы указанного преступления несколько уже от рассмотренных, относящихся к п. «в» ст. 93 УК УССР. Они сочетаются с хулиганскими мотивами в двух вариантах: при перерастании хулиганства в посягательство на жизнь работников милиции или народных дружинников в связи с пресечением хулиганских действий и когда хулиганство направлено непосредственно против этих лиц. В первом варианте хулиганские мотивы наталкивают виновного на совершение лишь первоначальных хулиганских действий, а затем они замещаются другими мотивами — стремлением противодействовать законной деятельности работников милиции или народных дружинников по поддержанию общественного порядка. Однако ко времени такого замещения оказывается уже выполненным состав хулиганства и совершается новое, более опасное преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 190¹ УК УССР, т. е. имеет место реальная совокупность преступлений. Во втором варианте действия виновного определяются как теми, так и другими мотивами одновременно.

Хулиганские побуждения находятся в неразрывной связи с посягательством на жизнь работников милиции и народных дружинников, что обусловлено противодействием их деятельности по поддержанию общественного порядка. Однако совокупность преступлений здесь исключается из-за конкуренции указанных мотивов. Хулиганские побуждения не могут изменить сущности более опасного посягательства на жизнь работников милиции или народных дружинников как выражения крайнего пренебрежения интересами окружающих и предъявляемыми требованиями о надлежащем поведении. Хулиганские побуждения в данном случае переходят в новое качество, характеризующее большей наглядностью, чем обычное хулиганство.

Преступник осознает, что его действия направлены против работников милиции или народных дружинников, охраняющих общественный порядок. Содеянное при этом полностью охватывается ст. 190¹ УК УССР, не требуя дополнительной квалификации по п. «б» ст. 93 или по ст. 206 вследствие конкуренции указанных статей. Такая квалификация с надлежащей полнотой отражает содеянное.

Преступления, совершаемые по вынужденным мотивам. Вынужденная мотивация свойственна довольно широкой группе

преступлений, вызываемых противоправным поведением потерпевшего (при превышении пределов необходимой обороны, нарушении условий крайней необходимости, в состоянии сильного душевного волнения и т. п.). Вся рассматриваемая группа преступлений обусловлена нарушением определенных условий, при соблюдении которых уголовная ответственность исключается. Одни из этих условий относятся к обстоятельствам, исключающим общественную опасность деяния (необходимая оборона, правомерное задержание преступника и крайняя необходимость), другие — к иным обстоятельствам, свидетельствующим о правомерности действий, регламентированных другими отраслями права (государственным, административным, гражданским)⁶⁷.

Для вынужденных мотивов преступных действий характерна прежде всего их ситуационность. Они возникают и исчезают вместе с возникновением и исчезновением критической ситуации, в которой оказывается субъект случайно. Однако критическая ситуация может быть создана и предшествующим поведением самого виновного, например, при выполнении профессиональных функций, производственном риске, что все же является исключением и не снимает вопроса о вынужденности самих преступных действий, обусловленных соответствующими мотивами. Совершенное преступление вступает в противоречие с положительными в целом свойствами и качествами личности либо отражает ее асоциальность (социальное безразличие и нейтральность). Субъект считает возможным поставить под угрозу причинения вреда правоохраняемые интересы. При этом он не обязательно руководствуется низменными побуждениями. Для одних преступлений рассматриваемой категории (при превышении пределов необходимой обороны, в том числе при нарушении условий задержания преступника) характерны мотивы общественно полезной направленности; другие могут быть вызваны как положительными, так и отрицательными мотивами (нарушение условий крайней необходимости, производственный и иной риск, выполнение профессиональных функций), третьи — связаны с недооценкой сложившейся ситуации, трусостью, малодушием, безразличием к общественным интересам и т. п. (со-

вершение преступления под принуждением, в силу исполнения приказа)⁶⁸.

Среди преступлений, совершаемых на почве мотивов вынужденных действий общественно полезной направленности, первое место занимают убийство и причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны (ст. ст. 97 и 104 УК УССР). Поскольку указанные преступления различаются между собой лишь по тяжести фактически наступивших последствий, представляется необходимым рассмотреть их общие признаки, в том числе мотивационную структуру, применительно к отграничению эксцесса обороны в целом от смежных преступлений.

Несмотря на многочисленность литературы о превышении пределов необходимой обороны, ряд общетеоретических проблем до сих пор остаются спорными или недостаточно разработанными. Это — вопросы о субъективной стороне эксцесса обороны (формах вины, мотивах и цели совершаемых при этом преступлений), о возможности превышения пределов необходимой обороны во времени в виде преждевременной и запоздалой обороны и о принципах разграничения преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, и преступлений, не связанных с посягательствами на правоохраняемые интересы. От их правильного решения зависит правовая оценка различных преступлений при сходственности их объективных признаков. Особую сложность представляют вопросы отграничения эксцесса обороны от преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения.

В обоих случаях непосредственным поводом к совершению преступления являются неправомерные действия потерпевшего. Эти преступления совпадают и по некоторым другим признакам. Общественно опасный вред причиняется непосредственно источнику возникновения критической ситуации. Между неправомерными действиями потерпевшего и ответной реакцией отсутствует значительный разрыв во времени⁶⁹. Совершаемое преступление сопровождается определенным волнением, хотя при совершении преступлений в состоянии сильного душевного волнения именно аффект определяет поступок и его правовую

⁶⁷ Некоторые криминалисты все перечисленные обстоятельства, а также исполнение закона, осуществление своего права, согласие потерпевшего, выполнение профессиональных функций относят к обстоятельствам, исключающим общественную опасность деяния (см.: А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, с. 411; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968, с. 464—465).

⁶⁸ Учитывая тот факт, что преступления, совершаемые по принуждению, при нарушении условий крайней необходимости в судебной практике наблюдаются крайне редко, они в данной работе не рассматриваются.

⁶⁹ При совершении преступлений в состоянии сильного душевного волнения возможно постепенное накопление эмоционального напряжения, но и в этих случаях можно обнаружить непосредственный повод к совершению преступления. Эмоциональная напряженность и разрядка могут возникнуть почти одновременно.

оценку в целом, тогда как при защите от общественно опасного посягательства с превышением ее пределов аффект проявляется лишь в отдельных случаях, а в остальных — волнение не достигает особой силы и напряженности. Состояние волнения (тем более аффектированного) не является обязательным признаком составов преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, и поэтому никакого значения для квалификации не имеет. Возникновение аффекта здесь возможно в виде вспышки в момент отражения нападения и в виде постепенного нарастания эмоционального напряжения с его разрядкой в ходе выполнения преступного акта.

При почти полном совпадении объективных признаков указанные преступления различаются между собой прежде всего по субъективным признакам: направленности умысла, мотивам и целям конкретных действий, вызванных насилием со стороны потерпевшего. Преступления, совершаемые при эксцессе обороны, характеризуются наличием умысла, направленного на отражение общественно опасного, реально существующего посягательства на правоохраняемые интересы. Жизнь и здоровье обороняющегося или другого лица ставятся под непосредственную опасность⁷⁰. Это и служит поводом к возникновению специфических мотивов защиты. В качестве цели совершаемых при этом действий выступают стремления отразить общественно опасное посягательство, защитить свои интересы или интересы других лиц, устранить угрозу правоохраняемым интересам, пресечь преступную деятельность, задержать преступника. Эти цели являются социально полезными. Соответствующие им мотивы обусловлены нападением на правоохраняемые интересы, неправомерными действиями посягающего, которые представляют значительную общественную опасность. В случае отсутствия нападения эти мотивы могут не проявиться. Их содержание многообразно (альтруизм, осознанное стремление выполнить свой долг перед обществом и государством, защитить какие-то важные интересы и т. п.). Поэтому в обобщенном виде их можно охарактеризовать как мотивы вынужденного действия, направленного на защиту от общественно опасного посягательства. Вне этих мотивов отпадает вопрос и о необходимой обороне и о ее превышении.

Ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает лишь потому, что защита оказывается опаснее

⁷⁰ Поскольку анализируемые преступления соприкасаются между собой при посягательстве на личность, вопросы превышения пределов необходимой обороны при защите других правоохраняемых интересов в данном случае не рассматриваются.

посягательства. Если бы общественно опасные последствия в виде причинения смерти или тяжких телесных повреждений посягающему при нарушении условий необходимой обороны отсутствовали, уголовная ответственность была бы исключена⁷¹. Примененные средства и методы защиты при эксцессе обороны не соответствуют характеру нападения и реально сложившейся обстановке. Нападающему без необходимости причиняется явно несоразмерный посягательству вред, причем обороняющийся не считается с характером причиняемого вреда нападавшему. Для него становится более важным отразить посягательство во что бы то ни стало.

Превышение пределов необходимой обороны возможно в нескольких формах: при перерастании необходимой обороны в ее превышение, при избрании явно несоразмерных средств защиты в момент нападения, в виде преждевременной или запоздалой защиты и комплексного превышения (во времени и по интенсивности)⁷². В зависимости от формы такого превышения изменяется структура осуществления волевого акта и его мотивация, связанная с принятием решения действовать определенным образом (отразить или пресечь нападение, парализовать активные действия посягающего, не дав ему возможности причинить вред, или вступить с ним в единоборство, ликвидировать угрозу за счет применения насилия и т. п.).

Принятие конкретного решения и форма отражения посягательства, а следовательно, и превышения пределов необходимой обороны зависят от многих обстоятельств объективного и субъективного характера, прежде всего от оценки сложившейся ситуации самим обороняющимся. Весьма важной является оценка обороняющимся реальности посягательства и своих возможностей для его отражения. Однако она должна сочетаться с установлением объективных факторов, действительно свидетельствующих о реальной опасности, а также о соответствии предпринятых мер защиты характеру и опасности посягательства, силам и возможностям обороняющегося отразить нападение и т. п. При этом надо иметь в виду, что внезапность нападения значительно снижает возможность правильной оценки угрожаемой опасности, своих сил и возможностей для ее устранения.

⁷¹ Действующее законодательство не предусматривает уголовной ответственности, если при эксцессе обороны посягающему причинен иной вред, причем никаких дополнительных условий для этого не требуется.

⁷² В теории иногда отрицается возможность превышения пределов необходимой обороны во времени на том основании, что если отсутствует нападение, то отсутствует и право на оборону. Однако при этом не учитывается субъективный фактор — возможность ошибочного восприятия обороняющимся начала и окончания нападения.

Превышение пределов необходимой обороны и обуславливается в значительной степени ошибочной оценкой ситуации, сложившейся в момент нападения. Существенную роль здесь играют не только социально-психологические свойства и качества личности, подвергшейся нападению, но и ее переживания, эмоции, вызванные этим обстоятельством. Эмоциональная сфера поведения лица, подвергшегося нападению или вставшего на защиту каких-то интересов, не менее сложна, чем мотивационная. Однако вряд ли можно сделать правильные выводы о юридической природе совершенного преступления, не проникнув в ее сущность.

Стремление к защите от общественно опасного посягательства может сопровождаться озлоблением, ненавистью, гневом, страхом, различного рода опасениями, отчаянием, растерянностью, досадой, недоумением и т. п. Эмоции и переживания придают своеобразную окраску основному мотиву совершаемых при этом действий, выступая в роли дополнительных стимуляторов поступка в целом. Они не заслоняют мотива, а лишь сопутствуют ему. Их превалирование над мотивом защиты может изменить направленность совершаемых действий в довольно широком диапазоне — от самоchinной расправы над посягающим на почве мести, вызванной злобой и ненавистью к нему, до совершения преступления в состоянии сильного душевного волнения. Однако в любом случае при отражении посягательства волнения, чувства, обусловленные эмоциональными переживаниями, только снижают ориентировку в сложившейся ситуации и социальный контроль за поведением, не определяя сущности волевого акта.

В юридической литературе нередко высказывается мнение о том, что мотивом преступлений, совершаемых при превышении мер необходимой обороны, является не только стремление к защите, но и месть. Например, И. Портнов пишет: «Когда лицо сознает, что его защита явно превышает пределы необходимой обороны, не соответствует характеру и опасности посягательства, не исключено, что в содержании побудительных действий этого лица имеется не только мотив защиты, но и мотив мести»⁷³. Такое мнение представляется ошибочным. В процессе отражения нападения общественно полезные мотивы защиты действительно могут замениться иными мотивами, в том числе мести, стремлением расправиться над посягающим и т. п. Однако они свидетельствуют о совершении других умышленных

⁷³ И. Портнов. Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 104, 105, 110, 111 УК РСФСР. — «Советская юстиция», 1972, № 2, с. 28.

преступлений. Мотив мести определяет самоchinную расправу над потерпевшим, если нападение было окончено, а для обороняющегося был ясен момент окончания нападения. Он не является определяющим и для преступлений, совершаемых в состоянии сильного душевного волнения, характеризуемых аффектом. Месть — стремление причинить зло обидчику за что-то, имевшее место в прошлом, а не в данный момент. Это не характерно для аффекта.

В отличие от преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, преступления, совершаемые в состоянии аффекта, характеризуются тем, что эмоции, чувства превалируют над сознанием. В этих случаях, как правильно подчеркивает Я. М. Брайнин, мотив как стремление сливается с эмоцией⁷⁴. В качестве стимула к действию выступают неполностью осознанные побуждения, основу которых составляет прежде всего чувство гнева. При этом возможно проявление и других чувств: ненависти, злобы, отчаяния, страха и т. п. Однако определяющим, основным побуждением к действию является гнев. Именно под его воздействием возникает и непосредственная цель действий в виде причинения вреда в ответ на насилие или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего. Такая цель резко отличается от цели защиты правоохраняемых интересов. Здесь отсутствует и такой необходимый признак необходимой обороны, как нападение или угроза нападения, представляющие общественную опасность.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» указано, что «для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны»⁷⁵.

В отличие от преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, насилие или тяжкое оскорбление, способные вызвать состояние сильного душевного волнения, к моменту ответной реакции обычно заканчиваются. При превышении пределов необходимой обороны субъект отражает посягательство на правоохраняемые интересы во время причинения вреда или его непосредственной угрозы. Если нападение окончено, а для обороняющегося ясен момент окончания нападения и все же он причиняет потерпевшему вред, речь идет о

⁷⁴ См.: Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, с. 231.

⁷⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973, с. 363.

самочинной расправе на почве мести. В качестве поводов к возникновению аффекта в данном случае выступают неправомерные действия потерпевшего, не ставящие под непосредственную угрозу жизнь и здоровье лица, которое подверглось насилию. Поэтому такие поводы не могут вызвать мотивацию защиты и превышения пределов необходимой обороны. Совершаемые при этом преступления (убийство и причинение тяжких и средней тяжести телесных повреждений) расцениваются законодателем как представляющие более значительную общественную опасность по сравнению с преступлениями, совершаемыми при превышении пределов необходимой обороны, что видно из сопоставления санкций применяемых норм⁷⁶.

Следует отметить, что характер и сила эмоций, определяющих реакцию на ситуативные, случайно сложившиеся обстоятельства, зависят от социально-психологических факторов, относящихся к личности (опыта, уровня культуры, моральных принципов, воспитанности, умения владеть собой и т. п.), а также от индивидуальных психических особенностей (воли, характера, темперамента). Несмотря на то, что эмоциональная сфера в целом определяется психофизическими качествами индивида, выбор поступка и его мотивация зависят от социальных свойств. Нравственно воспитанная личность способна не только правильно оценить сложившуюся ситуацию, но и подавить в себе мимолетные влечения и эмоции, ведущие к совершению преступления в состоянии сильного душевного волнения. Основой разграничения преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны и в состоянии сильного душевного волнения, является прежде всего характеристика повода к возникновению конфликтной ситуации (степень и характер насилия, особенности провоцирующей обстановки) и мотивационная структура совершаемых преступлений.

Второй группой преступлений, совершаемых по мотивам вынужденного характера, являются те, которые связаны с неоправданным риском, научным экспериментом, нарушением условий выполнения профессиональных функций и обязанностей.

⁷⁶ По законодательству УССР убийство в состоянии сильного душевного волнения (ст. 95 УК УССР) наказывается лишением свободы на срок до пяти лет, умышленное тяжкое или средней тяжести телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения, — лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года. Санкция ст. 97 УК УССР (убийство при превышении пределов необходимой обороны) — это лишение свободы до трех лет или исправительные работы на срок до одного года, а ст. 104 (причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны) — лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок.

Эти обстоятельства характеризуются возможностью (вероятностью) наступления или ненаступления общественно опасных последствий. Осознание (учет) степени возможности наступления нежелательных последствий в общем виде характеризует оправданный и неоправданный риск, научный эксперимент либо надлежащее или ненадлежащее выполнение различных профессиональных функций, связанных с причинением вреда охраняемым интересам. Там, где заведомо известна неизбежность наступления отрицательных последствий, отсутствует риск и оправданный научный эксперимент, как и в том случае, когда опасность не предусматривалась вообще. Риск по существу означает возможную (вероятную) опасность. Сознвая возможность наступления нежелательных последствий, лицо рассчитывает их избежать, хотя полностью в этом не уверено.

Элементы риска встречаются довольно часто. Они возможны при проведении научного эксперимента, при выполнении профессиональных обязанностей и т. п., но в любом случае риск должен характеризоваться общественно полезной направленностью. Между риском, научным экспериментом, выполнением профессиональных функций по их мотивации нет существенных различий, если они являются социально полезными. Указанные обстоятельства незначительно отличаются друг от друга и по условиям, исключающим уголовную ответственность.

Риск признается оправданным, несмотря на возможные или фактически наступившие последствия, при наличии следующих условий: во-первых, если при совершении тех или иных действий преследовались общественно полезные цели; во-вторых, когда риск — единственное средство достижения общественно полезного результата; в-третьих, если риск основан на тщательном и всестороннем учете достижений современной науки, объективных закономерностей и условий осуществления, позволяющих рассчитывать на успех; в-четвертых, когда вероятность нежелательных последствий предпринимаемых действий несравненно меньше вероятности достижения общественно полезной цели; в-пятых, если степень риска соразмерна важности желаемого общественно полезного результата. При отсутствии любого из перечисленных условий риск не может быть признан оправданным.

Правомерный риск весьма близок к крайней необходимости, исключаящей общественную опасность и противоправность деяния. В отличие от нее он зачастую не связан с грозящей опасностью, а вызывается необходимостью испытать новую технику, освоить прежде не применяемые технологические процессы, их эффективность и т. п. Необходимость риска может возникнуть и для предотвращения создавшейся в процессе производства

опасности причинения вреда каким-то значительным социально полезным интересам. При этом ставятся под угрозу другие правоохраняемые интересы с расчетом избежать вредных последствий, хотя полной уверенности в этом нет. Необычность и сложность обстоятельств, при которых допускается риск и вероятность наступления вредных последствий, создают менее жесткие условия для признания деяния правомерным. Наступившие последствия при этом могут быть и более опасными (при крайней необходимости это не допускается).

Мотивационная сторона оправданного риска определяется социально значимой целью. Для достижения последней в исключительных случаях допускается даже возможность подвергать опасности жизнь и здоровье отдельных людей при условии, если они не только осведомлены об этом, но и согласны или обязаны по роду службы подвергнуться опасности. В большинстве случаев мотивы риска характеризуются общественно полезной направленностью, хотя это не исключает и таких мотивов, как корысть, получение какой-то личной выгоды, стремление выслужиться и т. п., имеющих, однако, подчиненный характер. Эти мотивы не могут быть основными для оправданного риска, поскольку они противоречат его социально полезной направленности — его цели. В то же время личные мотивы, не противоречащие данной цели, могут быть как основными, так и сопутствующими. Но в любом случае личные интересы не могут быть поставлены выше общественных, вызывающих необходимость обращения к риску. Такая мотивация в общем виде более характерна для неоправданного риска в виде нарушения одного из его важных условий — социально значимой целенаправленности. Наступление уголовной ответственности за необоснованный риск возможно и в тех случаях, когда его основу составляет общественно полезная мотивация при нарушении иных условий риска, относящихся к объективным факторам.

Нарушение условий риска возможно лишь в результате неосторожности — преступной самонадеянности и грубой небрежности. При преступной самонадеянности, как известно, лицо осознает возможность наступления общественно опасных последствий, неосновательно надеясь на их предотвращение. Для преступной небрежности характерно непредвидение указанных последствий, когда лицо могло и должно было их предусмотреть. В то же время применительно к эксцессу риска (нарушению его необходимых условий) неосторожность проявляется своеобразно. В основе поведения лежит риск результатом. Сознательное стремление к достижению поставленной цели через риск несколько отличается психическое отношение к содеянному

от обычной неосторожности. В то же время предвидение *реальной* возможности вредного последствия отражает одну из сторон преступной самонадеянности. Достижение цели не может быть оправдано любыми средствами, влекущими общественно опасный результат, какими бы мотивами не руководствовало лицо, ставя под угрозу причинения вреда правоохраняемые интересы, в том числе нарушая условия риска. Предвидение возможности наступления вредных последствий, относящихся к риску, совсем не означает, что форма вины совершаемых при этом преступлений характеризуется только преступной самонадеянностью⁷⁷.

Неуместный риск нередко является свидетельством халатности и безответственного отношения к выполнению служебного или профессионального долга. Это — в определенных случаях результат и преступной небрежности. Для оценки содеянного должны учитываться как объективные, так и субъективные факторы осуществления риска, в том числе действительные возможности субъекта к надлежащей оценке, к выбору наименьшего зла в сложившейся критической ситуации. Если обстановка стабильна и позволяет сделать выбор, важно применять наименьший риск. При динамических условиях возможность выбора осложняется, поэтому правомерным может считаться и менее выгодный вариант. Альтернатива обратиться к риску или согласиться с наступлением ожидаемого вреда характеризуется осложненностью не только ситуации, но и мотивов, сопровождающих принятие решения. Содержание мотивации здесь невозможно раскрыть на основании оценки конечных результатов. Мотив не имеет отношения к ним, поскольку речь идет о преступлениях, совершаемых по неосторожности. В то же время без выяснения содержания мотивов риска вряд ли можно сделать вывод о правовой оценке происшедшего. Важно установить исходную правомерность предпринятого риска, а это раскрывается в мотиве и цели, вызвавших у лица решимость действовать именно так, а не иначе.

«При объяснении любого человеческого поступка, — писал С. Л. Рубинштейн, — надо учитывать побуждения разного уровня и плана в их реальном сплетении и сложной взаимосвязи. Мыслить здесь однопланово, искать мотивы только на одном уровне, в одной плоскости — значит заведомо лишиться возможности понять психологию людей и объяснить их поведение»⁷⁸.

⁷⁷ См.: М. С. Гринберг. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963, с. 113—114.

⁷⁸ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, с. 261.

В данном случае не может быть однозначной формулы — тот, кто предвидит, что в результате его действий наступят вредные последствия, должен отказаться от такого поведения и избрать иное, вне причинения вреда. При такой формуле риск вообще исключен. Если лицо действовало с сознанием ответственности, знанием дела, соблюдало все необходимые условия риска, то это не означает, что такого рода действия всегда должны быть эффективно полезными в действительности и что в противном случае обязательно наступит уголовная ответственность.

Деятельность человека нередко связана с источниками повышенной опасности, использованием различной техники и механизмов, изобретательством и новаторством, научными экспериментами и творчеством, соприкасающимися в той или иной степени с различными формами риска. Риск применяется для достижения социально значимой цели, если эта цель не может быть достигнута при создавшихся обстоятельствах, иным путем. Однако это предполагает не только соответствующий уровень научных и технических достижений, способных парализовать вредные и разрушительные проявления источников повышенной опасности, используемой техники и т. п., но и надлежащее поведение соответствующих лиц. В связи с этим проблема границ, отделяющих правомерный риск от преступной и уголовно наказуемой неосторожности различных видов составов преступлений, является актуальной.

М. С. Гринберг, исследовавший проблему производственного риска, отмечает, что практически возможны четыре комбинации такого риска: цель рискованного действия достигнута и потеря от риска не последовало; цель достигнута, но имеют место и потери; цели риска достичь не удалось, но не последовало и потерь; результат не достигнут, а потери реализовались. Правомерный и неправомерный риск может наблюдаться в каждом из этих вариантов, причем ответственность может наступить не только в связи с нежелательными, общественно опасными последствиями, но и с угрозой их наступления⁷⁹.

В юридической литературе высказано мнение, что «цель, преследуемая лицом, не может увеличивать или уменьшать опасность совершаемого им действия», что понятие опасности отражает объективные свойства деяния независимо от того, с какой целью оно совершается⁸⁰. Критикуя эту точку зрения,

М. С. Гринберг правильно отметил, что здесь несколько преувеличивается роль и значение объективной стороны состава. Мотив и цель совершаемого преступления в ряде случаев определяют большую или меньшую опасность правонарушения. Если при этом преследуются правомерные цели, то опасность действия, как правило, снижается, а в тех случаях, когда полезность действия выше возможной опасности, она совершенно исключает ее⁸¹. Однако особенности мотивации указанных обстоятельств М. С. Гринберг не рассматривает.

Неправомерный риск связан с совершением таких преступлений, как транспортные (ст. ст. 77 и 215 УК УССР), неосторожное уничтожение либо повреждение государственного или общественного имущества (ст. 90), халатность (ст. 167), нарушение различного рода правил охраны труда и техники безопасности (ст. ст. 135, 218, 219 и 220), а также правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ (ст. 221); убийство и причинение тяжких или средней тяжести телесных повреждений по неосторожности (ст. ст. 98 и 105), и с другими. Мотивация рассматриваемых преступлений, если они связаны с риском, характеризуется вынужденностью действий, обусловленных собственным неправомерным поведением самого виновного (например, созданием аварийной обстановки), действиями других лиц (в том числе потерпевшего), случайно сложившейся ситуацией, осложненной факторами объективного или субъективного характера, не исключающими возможности предвидения общественно опасного результата.

Некоторые из указанных преступлений совершаются и при ненадлежащем выполнении профессиональных функций, регламентируемых законом и другими нормативными актами. Например, врачебная деятельность нередко связана с причинением вынужденного вреда для сохранения более ценного блага, обеспечения результатов сложного диагностирования и т. п. Перед врачом возникает альтернатива — причинить или не причинить вред и какой именно для спасения жизни больного в условиях крайней необходимости, применить или не применить новые, но еще не допущенные для всеобщего применения методы диагностики и лечения, лекарственные средства и т. п. Может создаться также необходимость в проведении медицинского научного эксперимента. Такого рода деятельность является общественно полезной, если она обусловлена социально значимой целью и

⁷⁹ См.: М. С. Гринберг. Проблема производственного риска в уголовном праве, с. 73—74.

⁸⁰ См.: В. Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления, с. 114.

⁸¹ См.: М. С. Гринберг. Проблема производственного риска в уголовном праве, с. 83—84.

проводится в рамках правил, установленных для данного вида деятельности.

Применительно к врачебной практике такие правила содержатся прежде всего в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении, принятых Верховным Советом СССР 19 декабря 1969 г. В ст. 34 Основ, в частности, регламентируется порядок применения методов диагностики, лечения и лекарственных средств, в том числе новых, научно обоснованных, но еще не допущенных к всеобщему применению, если действия врача направлены в интересах излечения больного и имеется согласие последнего (или лиц, которые по закону обладают таким правом), а само применение указанных методов осуществляется в порядке, установленном Министерством здравоохранения СССР. В ст. 35 подчеркивается, что если врачу в интересах больного необходимо прибегнуть к хирургическому вмешательству или применить сложные методы диагностики, то он должен получить на это его согласие. Если больной не достиг 16 лет или является душевнобольным, при этом требуется согласие родителей, опекунов или попечителей. Неотложные хирургические операции и применение сложных методов диагностики допускаются и без согласия больного, его родственников, опекунов или попечителей, но только в исключительных случаях, когда промедление угрожает жизни больного, а получить согласие указанных лиц не представляется возможным. Согласно ст. 37 врач или другой медицинский работник в случаях, угрожающих жизни больного, может бесплатно использовать любой из имеющихся в данной обстановке видов транспорта для проезда к месту нахождения больного или для его транспортировки в ближайшее лечебно-профилактическое учреждение.

В Уголовном кодексе УССР предусмотрена ответственность медицинских работников за следующие профессиональные правонарушения: незаконное производство аборта (ст. 109), неоказание помощи больному лицом медицинского персонала (ст. 113), незаконное врачевание (ст. 226), нарушение правил борьбы с эпидемиями (ст. 227). В некоторых случаях на этих лиц распространяется и общеуголовная ответственность (ст. ст. 165, 167, 178 и 179), не относящаяся только к медицинской деятельности.

Вопросы медицинской деонтологии⁸² и ответственности за ненадлежащее выполнение обязанностей медицинскими работниками отличаются спецификой и поэтому заслуживают особого

⁸² Деонтология — учение о должном.

рассмотрения⁸³, тем более, что мотивация выполнения долга, обязанностей, профессиональных функций и т. п. в любом случае определяется социальной значимой целью и по своей структуре незначительно отличается от уже рассмотренных отдельных форм проявления общественно полезной и противоправной (при нарушении обязательных условий) деятельности.

Квалификация преступления при совместимости и конкуренции мотивов

Проблема совместимости и конкуренции мотивов еще не получила надлежащей разработки в теории, хотя ее важность является несомненной. Правовая оценка содеянного осложняется, если виновный, совершая преступление, руководствуется не одним, а несколькими мотивами одновременно. В одних случаях значение для квалификации приобретает какой-то один мотив, в других — каждый из мотивов, побуждающих субъекта действовать в избранном направлении, может иметь самостоятельное значение. Это явление в судебной практике наблюдается довольно часто. Затруднения в правовой оценке содеянного возникают при наличии нескольких квалифицирующих признаков по мотивам в единичном преступлении, при сочетании в одном и том же преступлении отягчающих и смягчающих обстоятельств, при разграничении единичного преступления и совокупности преступлений (главным образом идеальной) и т. п.

Особую сложность представляет квалификация преступления, когда оно вызывается несколькими мотивами, имеющими самостоятельное правовое значение, так как при этом возникает сомнение, какому из них отдать предпочтение. Трудности в данном случае могут быть преодолены в основном путем анализа психологической совместимости мотивов при совершении единичного волевого акта.

Как уже подчеркивалось, при наличии нескольких мотивов основное содержание волевого акта всегда определяется каким-то одним доминирующим (ведущим) мотивом. В этом заключается внутренний отбор мотивов и сущность избирательности поведения в целом. Остальные мотивы и побуждения выступают

⁸³ По данному вопросу более подробно см.: А. П. Громов. Врачебная деонтология и ответственность медицинских работников. М., 1969; С. С. Вайль. Некоторые вопросы врачебной деонтологии. М., 1969; И. Ф. Огарков. Профессиональные правонарушения врачей и уголовная ответственность за них. Л., 1961; Ф. Ю. Бердичевский. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970; И. А. Концевич. Судебно-медицинские аспекты врачебной практики. К., 1974.

в роли побочных, стимулируя или затрудняя принятие решения и его выполнение — реализацию. В ходе развития волевого акта основные и побочные мотивы могут меняться местами и замещаться новыми, но в конечном итоге выбор одного ведущего мотива стабилизируется, что соответствует общей направленности поведения и принятию решения действовать определенным образом. При отсутствии стабилизации ведущего мотива принятие решения о выполнении волевого акта затруднено. Наступает замешательство, и решение откладывается либо не принимается совсем. Соотношение мотивов и целей, их конкретизация осуществляется под контролем сознания. Сам по себе мотив не раскрывает предметность волевого акта. Она определяется целью. Именно цель придает волевому акту конкретный смысл и значимость. Иными словами, предметность поведения в конечном итоге определяется целью действий — стремлением к достижению какого-то результата. Однако это не означает, как уже подчеркивалось, что цель и результат совершения преступления всегда совпадают, но цель в сознании индивида всегда выступает как желаемое будущее, которого он хотел бы достичь.

Эффект совместимости мотивов в единичном преступлении, с психологической точки зрения, определяется их однородным содержанием и направленностью, спецификой отношений и интересов, которые в них отражаются. На основе этих общих принципов, например, личные и хулиганские мотивы в качестве ведущих должны исключать друг друга. В связи с этим С. В. Бородин пишет: «Для признания убийства, совершенного из хулиганских побуждений, необходимо исключить другие мотивы, определяющие поведение виновного... в тех случаях, когда действия виновного определялись мстью, равно как и другими мотивами, признание убийства совершенным из хулиганских побуждений исключается»⁸⁴. Его точка зрения почти полностью согласуется с принципами совместимости мотивов с той лишь оговоркой, что сами по себе хулиганские побуждения не исключают в сознании виновного других мотивов, но последние замещаются хулиганскими мотивами, имеют подчиненный характер. В то же время вряд ли возможна иная ситуация, когда хулиганские побуждения являются подчиненными, а иные мотивы — определяющими. Это обуславливается спецификой хулиганских побуждений, охватывающих широкий круг осознанных стремлений виновного нарушить общественный порядок и

проявить в нарочито вызывающей форме неуважение к обществу в целом, к любому лицу, в том числе к тем, с кем виновный находится в личных отношениях (к родственникам, знакомым и другим).

Основные и побочные мотивы, в каких бы соотношениях они не находились, не могут противоречить друг другу и цели совершения тех или иных действий. Если рассматривать содержание волевого акта с этих позиций, то несколько вызывающих его мотивов и побуждений, очевидно, должны быть не только однородными, но и иметь единые источники образования. Поскольку мотивы отражают специфику конкретного волевого акта (в сочетании с целью), а также тех человеческих отношений, в связи с которыми они возникают, раскрытие причин появления мотивов и дает возможность более предметно подойти к разрешению проблемы их совместимости.

Мотивы, относящиеся к различным классификационным группам (личные, не имеющие личного смысла и значения, вынужденные), не могут сочетаться в качестве ведущих в одном и том же преступлении, а также определять один и тот же волевой акт, поскольку они имеют различные источники образования и отражают разные плоскости человеческих отношений. Не возможно представить ситуацию, когда лицо, вставшее на защиту правоохраняемых интересов, одновременно с этим руководствуется хулиганскими побуждениями или совершает хулиганство, испытывая при этом корыстные побуждения. Совместное проявление таких мотивов в едином преступном акте в качестве ведущих исключено.

Рассматривая вопрос о квалификации преступления при наличии нескольких мотивов, Б. С. Волков высказал мнение, что мотивы, с которыми закон связывает квалификацию преступления, по своему содержанию всегда различаются (относятся к разным плоскостям человеческих отношений) и поэтому в качестве основных не могут быть соединены в одном преступлении. Основываясь на такой в целом правильной позиции, он отрицает возможность квалификации содеянного по разным пунктам ст. 102 УК РСФСР (ст. 93 УК УССР) и в других случаях, когда преступление вызывается смешанными мотивами. Внутренний отбор доминирующего мотива Б. С. Волков называет конкуренцией, под которой фактически понимает борьбу мотивов, их сличение, оценку и выбор цели⁸⁵.

Иную точку зрения по данному вопросу высказал И. Г. Филиановский, который считает, что термин «конкуренция», упо-

⁸⁴ С. В. Бородин. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966, с. 55, 68.

⁸⁵ См.: Б. С. Волков. Мотив и квалификация преступления, с. 27—29.

требляемый Б. С. Волковым для характеристики нескольких мотивов, побуждающих субъекта совершить преступление, не удачен. В подобных случаях, по его мнению, необходимо учитывать возможность параллельного существования в сознании субъекта нескольких мотивов (их совокупности), руководствуясь которыми он совершает одно или несколько преступлений. Каждый из мотивов, если он указан в законе, должен получить уголовно-правовую оценку⁸⁶.

На наш взгляд, перенесение в область мотивационной сферы человеческого поведения уголовно-правовых понятий конкуренции и совокупности в изложенном смысле вряд ли оправдано. Поскольку в конечном итоге речь идет о правовой оценке содеянного, то совокупность, очевидно, следует употреблять при квалификации тех или иных действий, содержащих признаки двух и более преступлений (т. е. в общепотребительном смысле), а вопрос об оценке конкуренции мотивов рассматривать как часть более общей проблемы конкуренции составов преступлений⁸⁷.

Конкуренция мотивов может проявиться по-разному, а именно: несколько мотивов вызывают одно последствие, представляющее собой единичное простое преступление; несколько мотивов вызывают несколько последствий, представляющих собой также единичное, но сложное преступление; несколько мотивов вызывают несколько последствий, имеющих самостоятельное значение, но охватываемых одной нормой на основе принципов поглощения; несколько мотивов самостоятельно отражают наличие отягчающих и смягчающих обстоятельств в одном и том же преступлении.

Конкуренция мотивации вызывает наибольшие затруднения при квалификации преступлений против жизни и здоровья личности, т. е. в тех преступлениях, где она чаще встречается. При квалификации умышленных убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах по нескольким мотивам одновременно, в судебной практике нередко встречаются факты указания на мотивы и цели, исключаящие друг друга в результате их несовместимости в единичном волевом акте. Так, Кемеровским областным судом был осужден Ш. по ст. 15 и п. п. «а» и «б»

⁸⁶ См.: И. Г. Филановский. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, с. 93—96.

⁸⁷ В. Н. Кудрявцев относит конкуренцию мотивов к конкуренции норм, как часть к целому. Однако этот вид конкуренции он подробно не рассматривает (см.: В. Н. Кудрявцев. Общая теория квалификации преступлений, с. 264), соглашаясь с мнением Б. С. Волкова и С. В. Бородина о том, что квалификация определяется мотивом, в пользу которого избран волевой акт и принято решение.

ст. 102 УК РСФСР (убийство из корыстных и хулиганских побуждений, не доведенное до конца по причинам, не зависящим от воли виновного). В 1961 г. Ш. прекратил супружеские отношения со своей женой К. и уехал от нее в другой город. В письмах к бывшей жене он требовал уплатить ему 200 руб. за произведенные в ее доме работы, угрожая в противном случае убийством. Возвратившись к К. в дом, Ш. вновь потребовал уплатить деньги и, когда она отказалась, пытался убить ее.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассматривавшая дело по кассационной жалобе осужденного, оставила приговор без изменения. Президиум Верховного Суда РСФСР исключил из приговора ссылку на п. «б» ст. 102 УК РСФСР. Пленум Верховного Суда СССР, рассматривавший дело по протесту Председателя Верховного Суда СССР, исключил из приговора также ссылку на п. «а» указанной статьи, переквалифицировав действия осужденного на ст. 103 и признав, что он совершил покушение на убийство на почве личных неприязненных отношений, из мести⁸⁸.

По обстоятельствам дела в действиях осужденного действительно не усматривается ни хулиганских побуждений, ни корысти. Данное дело могло сразу получить более правильную оценку, если бы суд первой инстанции принял во внимание основные положения о совместимости мотивов в одном и том же преступлении.

Рассматривая психологическую сторону конкуренции, Б. С. Волков отмечает, что разные мотивы не могут быть соединены в одном преступлении и что содеянное следует квалифицировать по статье, предусматривающей тот мотив, «в пользу которого избран волевой акт и который положен в основу решения»⁸⁹. Однако из этого совсем не следует, что несколько мотивов, имеющих самостоятельное правовое значение, не могут быть соединены в одном преступлении или что каждый из мотивов, если он указан в законе, должен найти отражение при квалификации, чем и руководствовался виновный. Это, в частности, и проявляется в квалификации умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах. В ст. 102 УК РСФСР (как и в ст. 93 УК УССР) в числе квалифицирующих признаков названы не только совместимые, но и исключаящие друг друга мотивы.

Отмеченные конструктивные особенности данного состава и вызывают споры в теории. Однако совершенное убийство может

⁸⁸ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 6, с. 25—27.

⁸⁹ Б. С. Волков. Мотив и квалификация преступлений, с. 29. Такое же мнение высказал С. В. Бородин в статье «Вопросы квалификации убийства из хулиганских побуждений» («Советская юстиция», 1971, № 23, с. 18—19).

подпадать под несколько пунктов указанной статьи не только в связи с мотивами, но и по другим основаниям. Указанные здесь отягчающие обстоятельства характеризуют различные объективные и субъективные элементы и признаки состава — способ посягательства, субъект и т. п.⁹⁰. При этом обстоятельства объективного и субъективного характера, свидетельствующие о квалифицированном убийстве, могут проявляться в различных сочетаниях, что, несомненно, должно отражаться при квалификации. В то же время в связи с наличием квалифицирующих признаков убийства ведущий мотив, определяющий психологическое содержание преступления, его источник, в некоторых случаях может утрачивать самостоятельное значение и не отражаться при квалификации. Например, при сочетании таких мотивов, как месть на бытовой почве, ревность и т. п., подразумеваемых в ст. 94 УК УССР, и различных квалифицирующих признаков, указанных в ст. 93, правовое значение приобретают именно последние, а не мотив. Мотив указывает лишь на внутренние (психологические) причины убийства, играя роль ориентирующего признака в процессе квалификации, при выборе уголовно-правовой нормы.

Отягчающие обстоятельства умышленного убийства должны охватываться сознанием виновного, приниматься в расчет — желаться или сознательно допускаться. Именно на это обращено внимание в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»: «Умышленное убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных в двух и более пунктах ст. 102 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, должно квалифицироваться по всем этим пунктам. Наказание же в таких случаях не должно назначаться по каждому пункту в отдельности, однако при назначении его необходимо учитывать наличие нескольких отягчающих обстоятельств»⁹¹.

Следует также отметить, что даже в ходе осуществления волевого акта его содержание может измениться, приобретая новые черты, оказывающие нередко влияние на окончательную правовую оценку содеянного. Уже в ходе осуществления преступления субъект может, например, избрать способ убийства,

⁹⁰ Отнесение тех или иных пунктов ст. 93 УК УССР к отдельным элементам состава весьма условно, поскольку речь идет о совершении одного преступления — убийства. Однако в плане квалификации такое подразделение квалифицирующих признаков рассматриваемого преступления вполне оправдано.

⁹¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 11.

опасный для жизни многих лиц, причинить особые мучения и страдания потерпевшему и т. п., причем в одних случаях мотивы его поведения остаются прежними, в других — они заменяются иными, что, в частности, характерно для перерастания одного преступления в другое. Так, ссора на бытовой почве, обычно свидетельствующая о совершении так называемого «простого убийства» (ст. 94 УК УССР), при незначительности повода к совершению преступления может закончиться убийством из хулиганских побуждений, а при других условиях — совершением убийства в состоянии сильного душевного волнения. В качестве первичного мотива здесь может выступать один и тот же мотив (например, ревность). Однако этот мотив уже в ходе осуществления преступления отодвигается на второй план, замещается другим — хулиганским мотивом либо гневом, вызывающим сильное душевное волнение. При изменении мотивации могут утратить значение и отдельные квалифицирующие признаки умышленного убийства. Например, убийство с причинением множества ранений, внешне свидетельствующих об особой жестокости, не должно квалифицироваться по п. «е» ст. 93 УК УССР, если оно совершено в состоянии сильного душевного волнения⁹².

Иным представляется сочетание хулиганских мотивов с другими мотивами, относящимися к одной и той же группе (например, с мотивами противодействия законной деятельности лиц, выполняющих свой служебный или общественный долг). Прежде всего отметим, что законодатель сам учел возможность сочетания указанных мотивов в одном и том же преступлении, в частности, в совершении хулиганства при отягчающих обстоятельствах. В ч. 2 ст. 206 УК УССР в числе квалифицирующих признаков названо и хулиганство, связанное с сопротавлением представителю власти или общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или отдельным гражданам, пресекающим хулиганские действия. В качестве основных мотивов в данном случае выступают хулиганские побуждения, а все другие мотивы являются побочными. Они вызываются скорее стремлением избежать ответственности за хулиганство и лишь в каких-то исключительных случаях находятся в неразрывной связи с самими хулиганскими действиями. Наиболее четко это прослеживается при совершении хулиганства, направленного непосредственно против представителей власти и общественности, выполняющих свой служебный или общественный долг.

⁹² См.: С. В. Бородин. Квалификация убийства по действующему законодательству, с. 138.

Совместимость указанных мотивов не исключается и при совершении умышленных убийств в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. Мотивы таких убийств, как и хулиганские мотивы, многозначны, но они так или иначе вызываются общественно полезной деятельностью потерпевшего в целом или его отдельными действиями. Это — месть, боязнь разоблачения или задержания, опасение, что выполнение потерпевшим своего долга затруднит совершение преступления в будущем, противодействие законным требованиям о прекращении преступной деятельности в данный момент и т. п. Сочетание их с хулиганскими мотивами чаще всего наблюдается тогда, когда на этой почве осуществляется посягательство на лиц, выполняющих свой служебный или общественный долг, либо когда требования последних о прекращении хулиганских действий вызывают ответную реакцию противодействия в виде убийства. Избрав в качестве объекта хулиганских действий лиц, выполняющих служебный или общественный долг, или не подчиняясь их требованиям о прекращении хулиганства, виновный выражает и стремление противодействовать их деятельности в данный момент. Он осознает также и принимает все общественно опасные последствия своих действий. Квалификация таких убийств только по п. «б» или «в» ст. 93 не отражает содеянного полностью. Возникает необходимость квалификации содеянного по двум пунктам указанной статьи одновременно.

Возможность сочетания хулиганских мотивов с другими, относящимися к данной группе, еще более наглядно проявляется при посягательстве на жизнь работников милиции и народных дружинников в связи с их деятельностью по охране общественного порядка (ст. 190¹ УК УССР). Мотивы рассматриваемого преступления в виде осознанного стремления противодействовать законной деятельности работников милиции или народных дружинников либо отомстить за такую деятельность несколько уже по содержанию от мотивов, относящихся к п. «в» ст. 93 УК УССР. Их сочетание с хулиганскими мотивами возможно в двух вариантах: при перерастании хулиганства в посягательство на жизнь работников милиции или народных дружинников в связи с пресечением хулиганских действий, а также когда хулиганство направлено непосредственно против таких лиц. В первом варианте хулиганские мотивы наталкивают виновного на совершение лишь первоначальных хулиганских действий, а затем они замещаются другими мотивами — противодействием законной деятельности работников милиции или народных дружинников по поддержанию общественного порядка. Однако ко

времени замещения мотивов оказывается уже выполненным состав хулиганства, а затем совершается новое, более опасное преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 190¹ УК УССР (реальная совокупность преступлений). Во втором варианте действия виновного определяются как теми, так и другими мотивами одновременно.

Хулиганские побуждения неразрывно связаны с посягательством на жизнь работников милиции или народных дружинников, обусловленным противодействием их законной деятельности по поддержанию общественного порядка. Но совокупность преступлений здесь исключается из-за конкуренции указанных мотивов, отражающих по существу психологическую сторону конкуренции составов рассматриваемых преступлений. Хулиганские побуждения не могут изменить сущность более опасного посягательства на жизнь работников милиции или народных дружинников как выражения крайнего пренебрежения к интересам окружающих и предъявляемым требованиям надлежащего поведения. Они в данном случае по существу переходят в новое качество, определяемое сознанием, что преступление направлено против работников милиции или народных дружинников, охраняющих общественный порядок. Содеянное полностью охватывается ст. 190¹ УК УССР, не требуя дополнительной квалификации по п. «б» ст. 93 или ст. 206. Такая квалификация отражает своеобразие конкуренции мотивов в конкуренции общей и специальной нормы. В содеянном с формальной стороны содержатся признаки не только ст. 190¹ УК УССР, но и п. «в» ст. 93 (убийство в связи со служебной или общественной деятельностью потерпевшего). Однако эта общая норма уступает место специальной норме — ст. 190¹ УК УССР, которая полнее охватывает содеянное не только по объективным признакам, но и по мотивации, уточняя ее, конкретизируя цель и направленность умысла виновного.

Сливаясь в сознании субъекта в единое целое, несколько основных совместимых мотивов учитываются преступником в равной степени. В то же время конкурирующие мотивы всегда отличаются по степени вредоносности⁹³. Они соотносятся в со-

⁹³ В этом смысле вряд ли прав В. Н. Кудрявцев, что действующий закон ни одному из мотивов не придает преобладающего значения (см.: В. Н. Кудрявцев. Общая теория квалификации преступлений, с. 264). Закон в обобщенном виде указывает на общественную опасность конкретной мотивации либо на ее общественную полезность (необходимая оборона, крайняя необходимость и т. п.). В то же время В. Н. Кудрявцев прав в том, что до установления фактических обстоятельств дела решить проблему конкуренции норм по мотиву преступления невозможно.

знании субъекта с различными целями, представляющими для него большую или меньшую значимость. Поскольку преступник ими руководствуется одновременно, им сознательно принимаются и те общественно опасные последствия, которые вызываются такими мотивами, в том числе представляющие наибольшую опасность. Более тяжкие последствия, с точки зрения социальной оценки, более значимую цель и объект посягательства охватывает содеянное с наибольшей полнотой, включая и все другие цели: ближайшую, промежуточную или отдаленную, поставленную преступником. Поскольку каждая из них охватывается его сознанием и предвосхищается им, любая может быть поставлена ему в вину. Решение этого вопроса зависит от того, желались ли субъектом все цели или некоторые из них только допускались. Предпочтение должно быть отдано желаемой цели. Если же их было несколько, первостепенное значение должно быть придано наиболее опасной цели, а также соответствующему ей мотиву. При этом необходимо учитывать, является ли мотив обязательным признаком состава. Приоритет, естественно, принадлежит мотиву, имеющему самостоятельное уголовно-правовое значение. Цель и мотив преступления, а также действия, которые совершаются на их почве, в свою очередь, указывают на объект посягательства, определяя квалификацию.

В судебной практике нередко встречаются факты указания на мотивы и цели, исключаящие друг друга. Не всегда последовательно решаются эти вопросы и Верховным Судом СССР. Так, Верховным Судом Грузинской ССР 8 мая 1963 г. был осужден П. по ч. 2 ст. 288 УК Грузинской ССР (злостное хулиганство) и по п. 2 ст. 104 (убийство из хулиганских побуждений) за то, что он 13 февраля 1963 г. из хулиганских побуждений приставал к ехавшей в автобусе ученице 11 класса С., оскорблял ее, а затем схватил за волосы и угрожал ножом. Когда С. вышла из автобуса, он преследовал ее, ругаясь нецензурными словами. Его товарищи А. и Ц. пытались удержать хулигана, и когда Ц. загородил ему дорогу в подъезд дома, куда скрылась С., он выхватил нож и убил его.

Судебная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело в порядке надзора, переквалифицировала действия осужденного с п. 2 ст. 104 УК Грузинской ССР на ст. 105 (убийство без отягчающих обстоятельств). Считая такую переквалификацию неправильной, Пленум Верховного Суда СССР, рассматривавший дело по протесту Генерального прокурора СССР, указанное определение отменил, указав, что все действия П. были обусловлены хулиганскими побуждениями. Поэтому вывод суда

первой инстанции о совершении П. убийства из хулиганских побуждений является правильным.

Одновременно в постановлении Пленума по данному делу подчеркивается, что когда Ц. пытался воспрепятствовать дальнейшим хулиганским действиям осужденного, тот нанес ему ранение, оказавшееся смертельным. Единственным поводом к убийству явился тот факт, что «потерпевший Ц. стремился пресечь хулиганство. Это обстоятельство свидетельствует о том, что мотивы действий осужденного П. оставались прежними и при убийстве, что не было учтено судебной коллегией Верховного Суда СССР. Вывод о том, что все предшествующие действия П. совершил из хулиганских побуждений, а убийство — по каким-то иным соображениям, основано на искусственном разделении мотивов, по которым действовал осужденный при совершении преступных действий, в то время как обстоятельства дела не давали оснований для подобного разделения»⁹⁴.

Таким образом, Верховный Суд СССР, с одной стороны, признал, что, помимо хулиганских побуждений, П. руководствовался мотивами иного порядка, поскольку потерпевший, пытаясь пресечь хулиганские действия, выполнял свой общественный долг. С другой стороны, суд пришел к выводу, что этот мотив не имеет значения для квалификации. Между тем, оба мотива не противоречат друг другу и являются совместимыми, поскольку относятся к одной и той же группе. Они должны были найти отражение при квалификации.

Не менее актуален вопрос о совместимости мотивов при квалификации не одного, а нескольких преступлений одновременно (при их совокупности). В теории уголовного права различается два вида совокупности — реальная (совершение одним лицом нескольких преступлений в разное время) и идеальная — совершение нескольких преступлений одним действием. Поскольку при реальной совокупности совершаются два и более единичных преступления, мотивация поведения виновного по существу ничем не отличается от только что рассмотренной. Более сложной представляется совместимость мотивов при идеальной совокупности преступлений. Решение вопроса о том, представляет ли содеянное одно или несколько преступлений, нередко вызывает осложнения в судебной практике и ошибки при квалификации.

Для того, чтобы образовать идеальную совокупность, составы соответствующих преступлений должны быть таковы, чтобы

⁹⁴ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 1, с. 21.

они совершались одним действием (совместимость действий), когда одно и то же действие является необходимым элементом двух преступлений⁹⁵. В результате осуществления такого действия наступают последствия, причиняющие вред двум непосредственным объектам преступления, ни один из которых не подчинен другому и не является его частью. Иными словами, одно волевое действие вызывает разьединенные последствия, имеющие самостоятельное уголовно-правовое значение. Различие объектов определяется спецификой целей виновного. От характера цели зависит не только вид деятельности, но и, как уже отмечалось, способ, средство достижения ее. Действия могут выражать стремление к достижению одной цели, либо субъект ставит перед собой сразу несколько целей, указывающих на вполне различные последствия, которые относятся к различным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом — объектам посягательства.

Поскольку цель, с одной стороны, связана с объектом посягательства (по характеру цели устанавливается непосредственный объект), а с другой — с мотивацией единого волевого акта, определяющим компонентом здесь вновь выступает совместимость мотивов и целей совершаемых преступлений. При идеальной совокупности способ совершения преступлений должен быть таков, чтобы одно и то же действие могло привести к наступлению различных последствий, а средства достижения целей могли породить такие последствия. Эти последствия не должны укладываться в рамки одного состава преступления и в то же время должны характеризоваться определенной общностью, поскольку они достигаются одним действием. Основу последнего составляет своеобразное психическое отношение субъекта к совершаемому преступлению.

По форме вины преступления, входящие в идеальную совокупность, обязательно должны совпадать, а их мотивы — вызывать не одно, а несколько последствий, так как в противном случае исключается возможность совершения нескольких преступлений одним действием. Эти условия имеются только тогда, когда мотивы совершаемых преступлений являются совместимыми.

Именно в таком смысле идеальную совокупность преступлений можно характеризовать как совершение лицом одного во-

⁹⁵ См.: А. М. Яковлев. Совокупность преступлений. М., 1960, с. 8—14. В. Н. Кудрявцев подчеркивает полную или частичную идентичность действий, входящих в объективную сторону преступлений при их идеальной совокупности (см.: В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 289).

левого акта, вызванного совместимыми мотивами и целями при единой форме вины. Совместимость мотивов проявляется в существующей в действительности типичности связей преступлений, которые могут образовать идеальную совокупность. Несмотря на разнообразие форм преступной деятельности, сочетание преступлений, вызываемых совместимыми мотивами, имеет определенные закономерности. Руководствуясь такими мотивами, преступник стремится к достижению одной или нескольких целей, избирая для этого определенную форму и средства их достижения, которые приводят к одновременному совершению нескольких преступлений.

Известно, что явления объективной действительности могут соотноситься между собой как форма и содержание, цель и средство ее достижения, как действие и последствие. Эти компоненты присущи и такому социальному явлению, как преступление. Нередко преступление, обладая собственной юридической формой, выраженной в составе преступления, может быть средством или способом совершения другого преступления. Это и проявляется в идеальной совокупности преступлений. Например, получение взятки за счет государственного или общественного имущества при осведомленности виновного об этом есть одновременно и средство совершения хищения этого имущества путем злоупотребления служебным положением, что представляет собой идеальную совокупность двух преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 168 и 84 УК УССР. Рассматриваемые преступления по своему содержанию являются корыстными, и их соединение в одном и том же волевом акте оказывается возможным в результате совместимости не только действий, но и мотивов.

Такое совмещение наблюдается и в других случаях. Учинение служебного подлога (ст. 172 УК УССР) может стать средством присвоения или растраты вверенных или находящихся в ведении виновного материальных средств (ст. 84), хотя самого учинения подлога не достаточно для совершения хищения. Необходимы еще и другие действия, обеспечивающие изъятие социалистического имущества из фондов государства или общественного предприятия (организации) и обращение его в пользу своего или иного лица. Специфика такой цели создает возможности для отграничения хищения от других смежных преступлений. Ей характерны и своеобразные мотивы совершаемого преступления, заключающиеся чаще всего в корысти⁹⁶.

⁹⁶ При совершении хищений в пользу другого лица может проявиться иная личная заинтересованность. Корысть может отсутствовать и при совершении хищений в соучастии.

Цель действий, направленных на хищение и сопряженных с подлогом документов, имеет одну общую мотивационную структуру, причем посягательство на один правоохраняемый объект (отношения собственности) касается и другого, имеющего самостоятельное правовое значение (правильная деятельность государственной, общественной организации). Затрагиваемые объекты, как в данном случае, совсем не обязательно должны иметь равную социальную значимость. Важен другой факт, что они расположены в различных плоскостях общественных отношений, охраняемых уголовным законом, не подчинены друг другу, а достижение поставленной цели неминуемо ставит их под угрозу причинения вреда.

Ни один из затрагиваемых объектов не является частью другого, наступившие последствия не поглощают друг друга. Ни одна из норм не охватывает содеянного с надлежащей полнотой. Отсюда и возникает необходимость в квалификации по нескольким статьям одновременно, т. е. по совокупности преступлений (в данном случае по ст. ст. 84 и 172 УК УССР). При этом мотивы совершаемых преступлений вновь оказываются совместимыми по содержанию и источникам возникновения.

Совместимость мотивов проявляется и при совершении таких преступлений, как разбой, сопровождающийся убийством потерпевшего (ч. 3 ст. 142, п. «а» ст. 93 УК УССР). Необходимость квалификации содеянного по двум статьям в данном случае вызывается тем, что при совместности действий, форм вины и мотивов (корысть) здесь вновь четко различаются общественно опасные последствия в виде посягательства на два самостоятельных объекта — жизнь и личную собственность. Различие указанных объектов, защищаемых уголовным законом самостоятельно, ведет к необходимости квалификации содеянного по совокупности. За пределами корыстного убийства остается посягательство на личную собственность, за пределами разбойного нападения — жизнь потерпевшего. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» в связи с этим подчеркивается: «Если умышленное убийство совершено при разбойном нападении, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений, поскольку разбой не охватывается диспозицией п. «а» ст. 102 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик»⁹⁷.

Изучение судебной практики показывает, что неправильная квалификация по совокупности преступлений чаще всего встре-

чается в таких сочетаниях преступлений: убийство из хулиганских побуждений и хулиганство; изнасилование и причинение средней тяжести и тяжких телесных повреждений; изнасилование и развращение несовершеннолетней; изнасилование и половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости; хищение государственного и общественного имущества путем злоупотребления служебным положением и злоупотребление служебным положением; хулиганство и посягательство на честь и достоинство работников милиции и народных дружинников.

Причиной этих ошибок является то, что совокупность преступлений усматривается там, где состав одного преступления охватывает элементы других преступлений, когда типичность связей объективных и субъективных признаков совершенного деяния уже учтена самим законодателем в конкретной норме, охватывающей содеянное полностью (учтенная законом совокупность). Ошибки противоположного характера вызываются главным образом нарушением принципа совместности форм вины, действий и мотивов совершаемых преступлений.

Вопрос об отграничении единичного преступления от идеальной совокупности преступлений осложняется тем, что в ходе осуществления волевого акта виновный, руководствуясь одним и тем же мотивом (или иным, заместившим прежний доминирующий мотив), нередко совершает какие-то дополнительные действия, внешне как бы изменяющие содержание содеянного. Поскольку вначале совершается одно преступление, а затем другое, содеянное в целом напоминает совокупность преступлений. Однако фактически здесь одно единичное преступление может перерасти в другое, представляющее большую общественную опасность. В ходе совершения преступления изменяется направленность действий, и в связи с этим менее значимый объект посягательства замещается более значимым, либо изменяется способ посягательства на один и тот же объект. Наиболее наглядно это видно при перерастании кражи в грабеж или разбой. В некоторых случаях преступник, будучи застигнут при совершении кражи, применяет насилие с целью удержать похищенное. В зависимости от степени и характера насилия или угрозы его применения содеянное надлежит квалифицировать как грабеж или разбой. При этом неоконченная кража утрачивает самостоятельное значение и на квалификации не отражается, поскольку речь идет о совершении в конечном итоге более тяжкого преступления.

Перерастание одного преступления в другое возможно при условии, если первоначально начатое преступление (в данном случае кража) не было завершено (преступник не получил пер-

⁹⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 9.

◆

ЗНАЧЕНИЕ МОТИВАЦИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗА СОВЕРШЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Общие вопросы назначения наказания

Одной из основных задач правоприменительной деятельности является не только установление в действиях виновного состава преступления, но и *назначение* соответствующих мер, обеспечивающих достижение целей наказания, указанных в законе. В соответствии со ст. 20 Основ (ст. 22 УК СССР) наказание — это кара за совершенное преступление. Его цель — исправление и перевоспитание осужденного в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами.

Таким образом, целями наказания по прямому смыслу закона являются: исправление и перевоспитание виновных, предупреждение совершения преступлений осужденным (специальная превенция), а также иными лицами (общая превенция). В то же время закон провозглашает наказание карой за содеянное. В связи с этим вопрос о целях наказания, в частности о каре, среди советских криминалистов стал дискуссионным. Одни криминалисты отрицают кару в качестве одной из целей наказания, другие признают ее таковой¹.

Следует подчеркнуть, что кара в наказании — не самоцель, но ее элементы, хотя и в разной степени, присущи любому наказанию. При применении смертной казни кара и устрашение выступают на первый план, при использовании других мер она уступает место исправлению и перевоспитанию. Вне кары невозможно объяснить, почему продолжают отбывать оставшийся

вичной возможности распорядиться похищенным по своему усмотрению), а общая направленность цели и мотивов остались прежними. Перерасти не может то, что уже окончено. Изменение мотивов и цели совершаемых действий может привести к изменению квалификации содеянного. Например, если застигнутый на месте совершения преступления или при преследовании вор применяет насилие к окружающим не с целью удержать похищенное, а избежать задержание, содеянное надлежит квалифицировать как кражу или покушение на кражу и преступление против порядка управления (ст. ст. 188, 188¹ и 190 УК СССР), т. е. по совокупности преступлений⁹⁸.

Рассмотренные вопросы не исчерпывают всей проблемы совместимости и конкуренции мотивов. Ее дальнейшая разработка применительно к отдельным составам преступлений будет способствовать устранению ошибок, встречающихся в судебной практике при правовой оценке действий, вызываемых так называемыми смешанными мотивами.

* * *

Правильная квалификация совершенного преступления имеет принципиальное значение для установления степени общественной опасности содеянного, определения вида и размера наказания, для применения условно досрочного освобождения от наказания, амнистии, помилования и т. п. Она обеспечивает общую и специальную превенцию закона, его действенность и социально-политическую значимость.

⁹⁸ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1972, № 9.

¹ И. И. Карпец. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973, с. 138—149; Курс советского уголовного права, т. 3. М., 1970, с. 39.

срок лица, твердо ставшие на путь исправления и перевоспитания, но совершившие тяжкие преступления, признанные особо опасными рецидивистами и т. п. и не подлежащие в связи с этим условно-досрочному освобождению от наказания. Вне карательного воздействия невозможно назначить наказание лицам, совершившим преступление по неосторожности, при превышении пределов необходимой обороны и т. п., нередко не нуждающимся в исправлении и перевоспитании. Ведь наказание назначается не только для того, чтобы данное лицо впредь не совершало преступлений, но и за то, что оно его уже совершило. В то же время совершенное преступно совсем не по той причине, что оно наказуемо, а напротив, наказуемо потому, что преступно. Вряд ли есть необходимость в противопоставлении указанных понятий и отрицании карательного смысла наказания. Наказание — это следствие преступлений. Оно не отделимо от самого преступления, поскольку в ином случае содеянное перестало бы рассматриваться как преступление, а признание и утверждение безнаказанности, к чему, по сути, ведет отрицание кары, неминуемо может привести к выводу, что все дозволено.

И. И. Карпец отмечает: «Нет и не может быть наказания без принуждения, без отрицательной оценки личности государством, без лишения преступника каких-то благ, без моральных его переживаний, без осуждения его со стороны общества в целом и со стороны его микросоциального окружения. Все это и создает или во всяком случае должно создавать тот особый микроклимат, который окружает преступника в обществе и без которого наказание перестало бы быть самым собой»².

Вторым спорным вопросом в теории является содержание понятий «исправление» и «перевоспитание» как целей наказания. Одни авторы считают эти понятия дополняющими друг друга, усматривая в них различия лишь по глубине и объему тех изменений, которые достигнуты в результате исправительно-трудового воздействия на осужденного³. Другие отмечают, что исправление и перевоспитание как цели наказания отличаются друг от друга конечным результатом. При перевоспитании лицо не совершает новых преступлений не из-за страха перед наказанием, а потому, что это противоречит его новым убеждениям (так называемое моральное исправление), в то

² И. И. Карпец. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы, с. 81.

³ Н. А. Беляев. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963, с. 46; И. Д. Перлов. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963, с. 120; Ю. М. Ткачевский. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970, с. 107—109.

время как исправление является свидетельством лишь воздержания от рецидива преступления по причине боязни наказания (так называемое юридическое исправление)⁴. Третьи исходят из того, что исправление и перевоспитание — взаимосвязанные понятия. Исправление — это изжитие отдельных порочных черт характера, а перевоспитание — выработка положительных черт характера, коренное изменение психики лица, в результате чего он становится высокосоциальным членом советского общества⁵.

Несмотря на терминологические различия понятий «исправление» и «перевоспитание», они тесно связаны между собой, поэтому их раздельное рассмотрение недопустимо. Основной целью наказания является исправление лица, вставшего на преступный путь, но ее невозможно достигнуть без перевоспитания. Перевоспитать по сути означает исправить. Введение различий между моральным и юридическим исправлением практического значения не имеет. Как то, так и другое направлено на изменение антиобщественных или асоциальных свойств и качеств личности и мотивации поведения в желательном для общества направлении с тем, чтобы впредь данное лицо преступлений не совершало. Достижение целей исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, неразрывно связано с общей и специальной превенцией и не требует противопоставления.

Вопрос о превентивной цели наказания не вызывает особых споров в теории, хотя одни криминалисты считают, что общая превенция обращена ко всем членам общества, другие справедливо отмечают, что предупредительной силы уголовного наказания требуют лишь те, со стороны которых можно ожидать совершение преступлений. Общепредупредительное воздействие уголовного закона в виде запрета тех или иных действий или бездействия под угрозой наказания обращено в конечном итоге к тем, кто совершил или может совершить преступление. В то же время достижение цели общей и специальной превенции фактически обеспечивается применением мер воздействия к конкретным лицам. В идеальном случае лицо, обладающее высоконравственным сознанием и моральной устойчивостью, не нуждается в предупредительном воздействии уголовного закона.

⁴ См.: И. С. Ной. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962, с. 41—44.

⁵ См.: М. А. Ефимов. Лишение свободы как вид уголовного наказания. — В сб.: Ученые труды. Вып. 1. Свердловск, 1964, с. 173; Л. Е. Орел. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс. Харьков, 1966, с. 8—9.

Подавляющее большинство советских граждан не совершают преступлений совсем не потому, что их удерживает страх перед наказанием и им известны формы и виды ответственности за тот или иной деликт. Напротив, многие из них не осведомлены о законе, хотя и являются законопослушными гражданами. Некоторая часть из них удерживается от преступлений, боясь ответственности, но форма и вид конкретной ответственности зачастую не известны или сущность ответственности не ясна.

М. М. Исаев в 1924 г. провел обследование неуправляемого населения с тем, чтобы выяснить, насколько угроза наказанием является сдерживающим началом. На вопрос: «приходилось ли Вам быть в таком положении, когда совершение уголовно наказуемого деяния было удобно по обстоятельствам дела и практически полезно, но деяние не было совершено?», из 316 чел. обследованных ответило 132 чел. Преступление ими не было совершено по следующим мотивам:

	опрошено мужчин		опрошено женщин	
	абсолютное число	%	абсолютное число	%
Совесть не позволила	26	24,3	9	36,0
Из страха наказания	21	19,6	5	20,0
Неловко перед людьми	4	3,8	6	4,0
Из отвращения к поступку	33	30,8	7	28,0
Из принципиальных соображений	21	19,6	3	12,0
По нерешительности	2	1,9	—	—

Приведенные данные показывают, что страх наказания оказал свое мотивационное воздействие только на 20% лиц, перед которыми стояла альтернатива — совершить или не совершить преступление. В то же время $\frac{4}{5}$ опрошенных не совершили преступление не из-за страха перед уголовным наказанием, а по моральным соображениям⁶.

Некоторая часть неустойчивых граждан совершает преступления будучи осведомленными об ответственности, рассчитывая на безнаказанность или игнорируя возможность наказания. Здесь на первый план выступает почти неизученная проблема об оценке общественной опасности, противоправности и наказуемости содеянного конкретным лицом. Сознание общественной опасности и противоправности содеянного не удерживает от совершения преступления и вора-рецидивиста (нередко более предметно осведомленного о воздействии закона) и впервые совершающего преступление (осведомленного о законе иным путем, вне собственного опыта). Если бы каждый из них знал,

⁶ См.: М. М. Исаев. Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925, с. 151.

что за преступление он неминуемо будет наказан, то преступление для многих стало бы бессмысленным, за исключением тех немногочисленных преступников, которых осведомленность о неминуемой ответственности не удерживает от совершения преступления и которые внутренне принимают ее как должное. Однако именно с этого для одних из них начинается раскаяние, а для других — лишь проявление чувства удовлетворения от содеянного или констатация факта отбыть наказание в очередной раз. Для некоторой категории преступников-рецидивистов мотив страха перед наказанием является уже почти совершенно недействительным. Но о какой бы стороне воздействия наказания и его индивидуальном восприятии не шла речь, все же расчет на безнаказанность выступает в качестве общего мотива при совершении преступления, укрепляя решимость поступить именно так, а не иначе. Ликвидация такого чувства могла бы служить определенным гарантом несвершения преступления. Именно в этом смысле звучат ленинские слова о неотвратимости наказания, о важности, чтобы «ни один случай преступления не проходил нераскрытым»⁷.

Принципу неотвратимости наказания постоянно уделяется внимание в руководящих разъяснениях Верховного Суда СССР. По существу же он обеспечивается целенаправленной деятельностью всех органов советской юстиции. В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос о том, как следует понимать неотвратимость ответственности, если наряду с уголовным наказанием применяются меры общественного и иного воздействия. В широком смысле такие формы ответственности не означают безнаказанности, и в этом правы те исследователи, которые подчеркивают взаимосвязь между преступлением и наказанием и в данном случае⁸. Однако здесь в один ряд неоправданно ставятся два понятия наказуемости — уголовная и иная, не являющаяся мерой уголовного наказания. В связи с широким применением мер общественного воздействия к лицам, совершившим преступления, не представляющие значительной общественной опасности, все чаще возникает вопрос о необходимости изменения отношения к таким деяниям, о возможности выделения их в отдельную категорию уголовных проступков⁹. Но это не изменяет создавшегося в действительности соотношения понятий преступления и уголовного наказания. Возможность применения к лицам, совершившим преступления, иных мер воз-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 412.

⁸ См.: И. И. Карпец. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы, с. 122.

⁹ См.: Н. Ф. Кузнецова. Преступление и преступность, с. 119—133.

действия, в том числе принудительного воспитания несовершеннолетних, не дает оснований к отождествлению их с мерами уголовного наказания. Неотвратимость уголовной ответственности здесь выступает как *возможная* (предусмотренная уголовным законом), а не фактическая ответственность. Предупредительная сила уголовного закона остается прежней. Осуществляется и частнопредупредительное воздействие наказания, заключающееся в его неотвратимости, не обязательно связанной с применением мер уголовного наказания. Достижение целей общей и специальной превенции за счет применения мер уголовного наказания имеет вынужденный характер.

«Мудрый законодатель, — писал К. Маркс, — предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он делает это не путем ограничения сферы права, а тем путем, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности»¹⁰. Положительная сфера действия права, на которую указывал К. Маркс, и заключается, на наш взгляд, в предупредительно-мотивационном и воспитательном воздействии наказания на членов общества, совершивших преступление, или тех, которые могут их совершить. Субъективно-личностный смысл уголовной ответственности, выраженной в наказании, применительно к мотивации поступков и деятельности отличается своеобразием, нуждающимся в раскрытии. Прав Н. А. Беляев, считающий, что «преступника можно покарать и не добиться его исправления и перевоспитания»¹¹. В то же время превентное воздействие наказания нередко достигается с помощью кары, когда преступник не совершает нового преступления не потому, что его удерживают от этого взгляды и убеждения, а потому, что он страшится вновь подвергнуться наказанию. Здесь нет внутренней перестройки, свидетельствующей о подлинном исправлении и перевоспитании. Как только воспоминания о наказании сотрутся из памяти, может исчезнуть и страх перед ним. Решение альтернативы совершить или не совершить преступление в пользу последнего выбора вызывается все же надеждой избежать наказания. Более того, преступник-рецидивист, неоднократно отбывавший наказание, зачастую не испытывает его устрашающего воздействия, привыкнув к нему¹². В то же время

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 131.

¹¹ Н. А. Беляев. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях, с. 36.

¹² Исключение представляет применение смертной казни, к которой привыкнуть невозможно. Исследования показывают, что после введения этой меры за так называемый «лагерный бандитизм» (ст. 69¹ УК УССР) количество указанных преступлений значительно уменьшилось.

принудительная, карательная сторона наказания неразрывно связана с его воспитательной стороной, хотя все же остается не совсем понятным, почему и каким образом кара может достигнуть воспитательного эффекта и что следует понимать под последним. Ни криминологи, ни психологи, ни педагоги этими вопросами еще должным образом не занимались.

Кара сама по себе может устранисть преступника, но стремление вызвать у него какие-то страдания, связанные с карой, его ни в чем убедить не могут. Разве только переживания, связанные с угрызением совести, способны породить нужный воспитательный эффект, но такая задача перед наказанием в целом никогда не ставилась. Многие педагоги отмечают, что чувство страха и его воспитательное воздействие весьма относительны и пользоваться ими следует весьма осторожно. Они подчеркивают три стороны наказания: переживание неприятностей и лишений, переживание осуждения со стороны окружающих и приобретение опыта правильного отношения к наказанию. Воспитательное воздействие самих неприятностей, связанных с наказанием, по существу нередко ведет лишь к ощущению их в связи с последствиями проступка, а не его сущностью. Это — стыд наказания, а не стыд проступка. Поэтому у преступника возникает мысль получше скрыть неблаговидное. В то же время и отказаться от наказаний, рассчитанных на кару, не возможно, поскольку это необходимо для обеспечения их предупредительного воздействия.

Ф. Э. Дзержинский в одном из своих писем писал: «Ни одно наказание, исходящее извне, никогда никого не может исправить, а только искалечит. Примером могут служить тюрьмы для взрослых, которые не исправляют, а лишь мучают, портят и отделяют людей от общества. Исправить может такое средство, которое заставит виновного осознать, что он поступил плохо, что надо жить и поступать иначе. Тогда он постарается больше не совершать зла»¹³. Поэтому карательное, устрашающее воздействие наказаний в нашем обществе справедливо отодвигается на второй план, уступая место исправлению и перевоспитанию осужденных с целью их последующего включения в нормальную социально полезную деятельность. Но при этом необходимо подчеркнуть не исправление отдельных черт характера за счет наказания, а перестройку всех социальных свойств и качеств личности, характеризующихся антиобщественной или асоциальной направленностью и находящих свое отражение в со-

¹³ Письма Ф. Э. Дзержинского. М., 1946, с. 4.

держательно-мотивационной сфере поведения и деятельности индивида в целом.

Исправительно-трудовая политика начинается задолго до отбытия наказания осужденным. Ожидание приговора суда, связанные с этим переживания сами по себе уже создают определенные предпосылки для воздействия наказания на сознание виновного. Его отношение к содеянному (правота, безразличие, осуждение поступка) является свидетельством благоприятного или неблагоприятного восприятия предстоящего наказания, его необходимости и заслуженности. По существу внутренняя совесть и психологические переживания, связанные с собственным осуждением содеянного, подготавливают почву для осознания справедливости назначенного судом наказания. Соблюдение принципов индивидуализации наказания, обеспечение его целей именно данными, а не иными мерами и в размере, достаточном для достижения целей исправления и перевоспитания, закрепляет чувство справедливости и ведет к фактическому исправлению. Нравственные и моральные позиции пробуждаются или укрепляются под воздействием судебного процесса и его заключительной стадии — провозглашения приговора. Напротив, нарушение этих основных принципов ведет к утрате чувства справедливости, к озлобленности и другим негативным явлениям¹⁴.

Уголовное наказание является наиболее острой формой государственного принуждения. Оно должно применяться тогда, когда это действительно необходимо. Очевидно, что вопрос состоит не только в том, как расценивает законодатель то или иное деяние, с точки зрения его общественной опасности и необходимости установления уголовной ответственности за него (включения в противоправность), а также конкретной меры ответственности (наказуемости), но и как оценивается содеянное и наказание за него тем, к кому фактически обращен закон. Что удерживает конкретное лицо от совершения преступления — страх, стыд наказания или неприемлемость такого поведения в силу нравственных, моральных свойств и качеств? Разрешение этих и многих других вопросов невозможно без обращения к проблеме изменения личности и мотивационной сферы поведения под воздействием угрозы и фактического применения наказания.

Цели наказания совсем не обязательно могут быть достигнуты только за счет уголовного наказания. Наряду с ними дей-

¹⁴ Следует отметить, что нередко законный и обоснованный приговор воспринимается осужденным как несправедливый в силу укоренившихся антиобщественных свойств и качеств личности, правового негативизма или пробельности правового сознания.

ствующее уголовное законодательство предусматривает применение к лицам, совершившим преступление, иных мер воздействия — принудительных мер воспитания несовершеннолетних, мер общественного воздействия и т. п. Допускается даже освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с утратой общественной опасности содеянного и личности виновного (ст. 50 УК УССР).

Решение вопросов о применении или неприменении мер уголовного наказания связано с оценкой двух факторов — общественной опасности содеянного и личности виновного. Составной частью этих двух неотделимых друг от друга явлений выступает мотив. С одной стороны, он характеризует внутреннюю психологическую причину содеянного, с другой — входит в социальную структуру самой личности в виде системы генерализированных мотивов, отражая нравственную и моральную характеристику этой личности. Степень нравственной запущенности субъекта (предмет постоянной заботы исправительного, педагогического и иного воздействия) наиболее четко отражается в системе мотивов поведения, ставших руководящими в повседневной деятельности индивида. Именно здесь проявляется антиобщественная направленность личности, а в своем крайнем выражении (применительно к преступникам-рецидивистам) — привычка к антиобщественному поведению и готовности действовать именно так, а не иначе. Для подавляющего большинства лиц, совершивших преступление впервые, тем более по неосторожности, мотив преступления нередко вступает в противоречие с общественно полезными мотивами поведения в целом.

Противоречия между фактически содеянным и личностью виновного еще больше проявляются при совершении многих преступлений с превышением пределов необходимой обороны, при нарушении условий крайней необходимости и других исключительных обстоятельствах, характеризующих вынужденность действий. Во многих же случаях отмечается несовпадение мотива и фактического содержания содеянного (общественной опасности преступления) значительной частью несовершеннолетних.

В интересах общества было бы желательно, чтобы в результате предпринимаемых мер отрицательная мотивация поведения в целом уступила место мотивам общественно полезной направленности, а случайное проявление отрицательных мотивов было исключено либо хотя бы сведено к наименьшему числу. Именно эта психологическая сторона вопроса непосредственно относится к проблеме эффективности наказания. Если предпринимаемые меры в силу каких-то причин оказываются безре-

зультатными и ресоциализация лица, отбывшего наказание, все же не наступает, это проявляется прежде всего на мотивационной сфере основных видов деятельности индивида. Напротив, положительное воздействие наказания, включение индивида в общественно полезную деятельность благоприятно сказывается и на мотивационной стороне его поведения. Однако в такой плоскости проблема наказания в уголовном праве обычно не ставится¹⁵.

Мотивационная сторона поведения еще в большей степени связана с достижением второй, не менее важной цели наказания — с достижением общей и специальной превенции. Она раскрывает механизм наказания и его предупредительное воздействие.

Мотивация связана и с эффективностью наказания. Конечное проявление эффективности наказания заключается в совершении конкретным лицом нового преступления и если уж не в ликвидации, то по крайней мере в снижении преступности. Здесь обязательно скажется и эффективность всего комплекса предупредительных, профилактических мер, устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений. Однако в любом случае эти меры всегда обращены к лицам, совершившим преступления, или к тем, кто их может совершить.

Сознательное управление поведением людей неотделимо от мотивационной характеристики их жизнедеятельности. Превенция наказания по существу рассчитана на благоприятное, в интересах общества и государства воздействие на нравственно-мотивационную сферу обывателя, получившего искаженное развитие и требующего исправления либо приобретающего отрицательную направленность. Обе стороны проблемы наказания (превенция и эффективность) тесно связаны между собой и с более общей проблемой экономии уголовно-правовой репрессии как одного из специфических принципов советского уголовного права. В общей форме такая экономия выражается в установлении уголовной ответственности, а следовательно, в применении наказания по уголовному закону лишь тогда, когда это действительно необходимо, и в индивидуализации наказания (с учетом общественной опасности содеянного и личности виновного) в пределах минимума, достаточного для исправления и перевоспитания осужденного. Известны, например, огра-

¹⁵ Проблема наказания — в равной степени не только уголовно-правовая, но и криминологическая проблема. Обе стороны наказания тесно связаны между собой и не должны противопоставляться. Причины и условия, способствующие совершению преступлений, отражаемые в мотивации, должны учитываться при назначении наказания.

ничения применения отдельных видов наказания к несовершеннолетним и т. п.

К. Маркс писал, что наказание должно быть ограниченным уже для того, чтобы быть действительным¹⁶.

Для советского уголовного законодательства в целом характерна не только тенденция все большего применения иных мер воздействия, не являющихся уголовным наказанием, к лицам, совершившим не представляющие значительной общественной опасности преступления, но и проявление стремления к любому отсрочиванию применения мер уголовного наказания за счет все более широкого введения административной и иной преюдициальности (например, за мелкую спекуляцию, мелкое хищение и т. п.), предшествующей уголовной ответственности. Принцип экономии репрессии проявляется также в правоприменительной деятельности. Он тесно связан с индивидуализацией наказания конкретному лицу при его осуждении, однако не сводится лишь к ней. Как правильно подчеркнул И. И. Карпец, экономия репрессии — более широкий политико-юридический принцип, чем индивидуализация наказания. Он проявляется в решении более общих задач проведения в жизнь политики нашего государства, заключающейся, например, в отказе в соответствующих случаях от наказания в пользу мер общественного воздействия¹⁷.

Проблема экономии репрессии касается также самого рационального использования отдельных видов наказания на основе оценки их эффективности или неэффективности, что связано с минимальными сроками наказания. Так, за последнее время особенно актуальным стал вопрос о кратких сроках лишения свободы. Многие криминалисты, ученые и практики отмечают, что краткосрочное лишение свободы (до одного года) во многих случаях не является приемлемым ни с точки зрения борьбы с преступностью и достижения целей общего и специального предупреждения, ни с точки зрения эффективности таких мер¹⁸.

Рассмотренные выше вопросы проблемы наказания являются отпадными в раскрытии значения содержания мотивационной сферы двух явлений, подлежащих оценке, с точки зрения фактического применения наказания — личности и содеянного.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 124.

¹⁷ См.: И. И. Карпец. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы, с. 96, 97.

¹⁸ Дальнейшая гуманизация уголовного закона осуществлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. (См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1977, № 7).

Мотив как обстоятельство, смягчающее или отягчающее ответственность

Обстоятельства, отягчающие или смягчающие ответственность, могут как относиться к объективным и субъективным признакам состава преступления, так и выходить за их пределы, оказывая влияние на степень общественной опасности содеянного и личности виновного.

Законодатель нередко использует одни и те же понятия для обозначения квалифицирующих признаков составов отдельных видов преступлений и для характеристики обстоятельства, относящихся к содеянному или личности виновного, которые должны учитываться при назначении наказания. Однако это совсем не означает, что при назначении наказания должны учитываться лишь обстоятельства, выходящие за пределы состава. В юридической литературе по данному вопросу сложились две противоположные точки зрения. Одни криминалисты считают, что отягчающие или смягчающие обстоятельства, включенные в состав конкретного преступления, при назначении наказания не должны учитываться судом, так как они уже учтены законодателем при установлении санкции закона¹⁹. Другие обоснованно подчеркивают, что каждое из этих обстоятельств в конкретном случае совершения преступления может быть выражено в большей или меньшей степени, что не может не учитываться при назначении наказания в пределах санкции статьи или ее части²⁰.

Раскрытие нравственно-мотивационной стороны личности виновного и содеянного для прогнозирования поведения на будущее неотделимо от определения содержания отягчающих и смягчающих обстоятельств независимо от того, относятся ли они к составу преступления или выходят за его пределы. Но, очевидно, следует различать не только учтенные законом обстоятельства, являющиеся конструктивными признаками основных составов преступлений или по которым выделяются привилегированные составы и составы с отягчающими обстоятельствами, но и фактические возможности выделения их градаций, свидетельствующих о степени общественной опасности содеянного и личности виновного. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, влияющие на квалификацию, не должны учитываться и при определении меры наказания в пределах санкции закона, если они не могут быть конкретизированы по сте-

пени их проявления²¹. Например, не возможно говорить о каком-то уровне корыстного мотива применительно к злоупотреблению служебным положением (ст. 165 УК УССР) или убийства из корысти (п. «а» ст. 93), о степени сильного душевного волнения, которая может повлиять на избрание меры наказания при совершении преступлений на этой почве (ст. ст. 95 и 103). В то же время такие обстоятельства, как совершение преступления несовершеннолетним или лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, причинение преступлением тяжких последствий и другие, не только могут проявляться по-разному, но и отражать различные уровни общественной опасности. Они не должны игнорироваться при назначении наказания с учетом возможных изменений личности и поведения под воздействием принятых мер и при мотивировке избрания той или иной меры наказания. Без выяснения действительного содержания отягчающих и смягчающих обстоятельств независимо от их правовой значимости прогнозирование поведения не возможно.

«Судья и суд в целом выполняют при рассмотрении уголовного дела две функции: одной из них является юридическое суждение о наличии или отсутствии состава в деянии подсудимого, другой — прогноз, который должен иметь место при определении меры наказания, режима колонии и т. д.»²²

Обеспечение судом неотвратимости наказания должно сочетаться с назначением именно такого наказания, которое способно исправить виновного, предупредить возможность совершения им новых преступлений. И поскольку назначение наказания неотделимо от прогностической оценки поведения виновного в будущем, важно знать источники получения соответствующих данных, необходимых для практического прогнозирования.

Прогнозирование поведения виновного на перспективу связано с оценкой судом прежде всего трех групп обстоятельств: социально-психологических особенностей личности (направленности, социальной ориентации, установки и мотивации основной деятельности); поведения виновного до и в момент совершения преступления, а также внешних поводов, послуживших основанием для проявления мотивации преступления; причин и условий, способствующих совершению преступления, включая характеристику взаимодействия личности с окружающей средой.

²¹ Именно от этого зависит степень (уровень) общественной опасности содеянного и личности виновного, влияющая не только на меру уголовного наказания, но и на решение вопроса о применении иных мер воздействия. Наличие смягчающих обстоятельств может привести к освобождению от уголовной ответственности и наказания.

²² М. Д. Шаргородский. Прогноз и правовая наука. — «Правоведение», 1971, № 1, с. 49.

¹⁹ См.: Советское уголовное право. Часть общая, с. 317.

²⁰ См.: Курс советского уголовного права, с. 137.

Каждая из перечисленных групп обстоятельств в той или иной мере всегда изучается судом, но зачастую далеко не так полно, как это необходимо. Это объясняется прежде всего ошибочным представлением о том, что выяснение причин и условий, способствующих совершению преступления, имеет второстепенное значение и необходимо лишь для вынесения частного (особого) определения. Значение имеет и тот факт, что изучение указанных вопросов на предварительном следствии и в суде имеет ограниченный характер, определяемый рамками уголовного дела. Но это совсем не означает, что они должны игнорироваться или выступать в роли подчиненных применительно к достижению истины по делу о фактической стороне совершенного преступления и его правовой оценке. Истина необходима не ради нее самой. Требования уголовного процесса о всестороннем и полном исследовании всех обстоятельств дела относятся и к рассматриваемым вопросам. Соблюдение процессуальных норм обеспечивает проникновение в социально-психологические особенности личности виновного и поведение, что вполне достаточно для обоснованных выводов о применении соответствующих мер исправления и перевоспитания.

Исследования показывают, что степень нравственной запущенности и социальной деформации, на изменение которых и направлено наказание, прежде всего проявляется в отношении виновного к самому факту совершения преступления и предстоящему наказанию. Именно на этой основе возможна типология правонарушителей и раскрытие мотивации поведения в связи с совершенным преступлением, обеспечивающие решение задач судебного прогнозирования.

Для прогнозистки поведения необходимо установить динамику изменения мотивации в связи с оценкой виновным содеянного и возможного наказания до преступления, в момент его совершения и после него. Сам факт совершения преступления независимо от его общественной опасности может одобряться виновным, вызывать сожаление, раскаяние, стыд и т. п. и даже быть безразличным. Отношение виновного к предстоящему наказанию тоже различное — (боязнь его, безразличие, стремление избежать и т. п.). Для большинства лиц, совершивших преступление впервые, наказание в какой-то мере проблематично. Они полагают, что его может и не быть, рассчитывая на благоприятный исход. Для лиц, уже подвергавшихся мерам уголовно-правового воздействия, наказание — более реальное явление, хотя многие из них также надеются на безнаказанность.

Безразличие к наказанию, его недооценка или игнорирование наряду с выяснением отношения к самому факту соверше-

ния преступления позволяют в общих чертах установить степень нравственной запущенности виновного. Оценка содеянного и наказания на предварительном следствии, а тем более в суде становится более определенной. На первый план выступает фактическая неизбежность наказания и ожидание его осуществления в ближайшее время. В данном случае обостряются чувства и переживания, связанные с ответственностью за содеянное, пересматриваются позиции в отношении самого преступления, его оценки. Критическая ситуация, в которой оказывается субъект, совершивший преступление и привлеченный к уголовной ответственности, создает дополнительные возможности для раскрытия мотивационной сферы личности и поведения в связи с назначением соответствующих мер наказания.

Линия поведения обвиняемого на предварительном следствии и в суде может быть разной в зависимости от поставленной им цели. Раскаяние в содеянном обычно связано с тем, признает ли обвиняемый себя виновным или нет, хотя непризнание вины, как и ее признание, может свидетельствовать о различных мотивации, имеющих важное значение для разрешения уголовного дела по существу и назначения справедливого, заслуженного наказания. Например, самооговор может быть вызван стремлением выгородить соучастника из-за угроз, родственных, дружеских чувств и т. п., а отрицание вины — обычным представлением, что если все отрицать, то часть обвинения может и отпасть за недоказанностью. Но такое отрицание вины может быть связано и с фактической невиновностью, а также утратой веры в справедливость, с озлобленностью и т. д. Отрицание вины не отнесено законом к обстоятельствам, отягчающим ответственность, и поэтому не может учитываться при назначении лицу наказания²³. Здесь важную роль играет принцип обеспечения прав обвиняемого на защиту. В то же время чистосердечное раскаяние является обстоятельством, смягчающим ответственность, и суд должен его учитывать, назначая наказание²⁴. Однако, если исходить из того, что обвиняемый

²³ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 4, с. 9.

²⁴ В понятие совести мы вкладываем морально-оценочное отношение личности к своему поведению (сумму привычных взглядов и чувств, с которыми соотносятся поступки). Под «угрызением совести» подразумевается неприятное самочувствие от нарушения привычного поведения, раскаяние от сделанной ошибки или проявления малодушия, трусости и т. п. Это не исключает трансформацию отношения личности к самому себе и к своим поступкам в связи с появлением новых привычек, взглядов и т. п., в том числе аморальных, безнравственных. Различные переживания, связанные с угрызением совести, вызывающие у одного только порыв к исправлению недостатков, у других — стремление к их преодолению, связаны с волевыми качествами личности и убеждениями.

действительно признает себя виновным в совершенном преступлении, то такое поведение может быть вызвано: чистосердечным раскаянием и переживаниями, объединяемыми общим понятием «угрызение совести»; изобличением собранными по делу доказательствами, когда отрицание вины становится бессмысленным; расчетом на благосклонность суда и смягчение наказания; стремлением скрыть другое, еще более тяжкое преступление.

Во всех перечисленных случаях выяснение действительного содержания признания вины и мотивов поступка обвиняемого имеет непосредственное отношение к оценке общественной опасности личности и назначению соответствующего наказания для исправления и перевоспитания виновного. Однозначной оценки здесь не может быть. Если чистосердечное признание и раскаяние в содеянном является началом нравственного исправления, то признание вины для сокрытия другого преступления лишь подчеркивает цинизм и изворотливость виновного, свидетельствуя о его общественной опасности. Признание вины под влиянием изобличения свидетельствует о положительной психологической перестройке, но последняя еще не связана с действительным раскаянием в содеянном. Еще меньшую моральную значимость имеет признание вины в расчете на смягчение наказания и только. Оно по существу вызывается стремлением избежать вполне заслуженной меры ответственности и связанных с такой ответственностью лишений и страданий, а не переоценкой внутренней позиции и осуждением содеянного.

При оценке поведения виновного следует учитывать и тот факт, что каждый из вариантов признания им вины может быть связан с недооценкой либо, напротив, переоценкой возможного наказания за совершенное преступление, т. е. с областью так называемой юридической ошибки. Убеждение человека в том, что он должен понести какое-то, им самим выбранное наказание, может не совпасть с фактически назначенным по приговору, порождая неудовлетворенность. Неправильное представление о наказании может быть сформировано и под влиянием соучастников, разговоров с родственниками и т. п. Все это может затруднить правильную оценку создавшейся ситуации и привести субъекта к очевидным решениям: к отрицанию своей вины, искажению очевидных фактов и обстоятельств совершения преступления и т. д. Такое поведение, несомненно, снижает возможности воспитательного воздействия, заложенного в наказании.

Поведение обвиняемого, признающего свою вину по различным мотивам, но вне самооговора и желания скрыть иное пре-

ступление, в общем виде не противоречит целям и задачам установления истины по делу и успешности расследования и судебного рассмотрения дела. Такое поведение обычно отражается на избрании наказания в направлении его смягчения. Более сложная ситуация создается тогда, когда лицо, совершившее преступление, занимает оборонительную позицию, оказывая противодействие следственным органам и суду в установлении истины по делу и пытаясь их дезинформировать. В связи с этим возникает необходимость установления характера отрицательных мотивов, побуждающих обвиняемого оказывать такое противодействие, и их нейтрализации. Именно на этой основе должна быть установлена полная и достоверная информация о совершенном преступлении, а следовательно, и назначено соответствующее наказание. Если же достоверные данные о содеянном не получены, трудно рассчитывать на правильность назначения наказания и достижение цели исправления и перевоспитания осужденного.

Фактически любые отягчающие и смягчающие обстоятельства, указанные в законе, применительно к отдельному случаю требуют их конкретизации, а если это невозможно, то хотя бы раскрытия преступления применительно к исследуемому факту для определения соответствующих мер воздействия. Вне этого требования невозможно осуществить принцип индивидуализации наказания. Тем более такая необходимость возникает в отношении тех обстоятельств, которые в законе обозначены в обобщенном виде (например, совершение преступления несовершеннолетним, причинение преступлением тяжких последствий, совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений и т. п.). Само по себе указание на обстоятельства подобного рода лишь в незначительной степени способствует установлению формы и пределов ответственности конкретного лица.

Особой конкретизации требуют данные, относящиеся к личности виновного, упоминаемые в законе (совершение преступления несовершеннолетним, беременной женщиной, лицом, ранее совершившим какое-либо преступление). К характеристике личности также могут относиться и такие обстоятельства, как чистосердечное раскаяние или явка с повинной, способствование раскрытию преступления, совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим, совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения. В последнем случае суд вправе в зависимости от характера преступления не признать это обстоятельство отягчающим ответственность. То же самое относится и к рецидиву преступ-

ления (в зависимости от характера первого преступления суд может не признать за ним значения, отягчающего обстоятельства). На наш взгляд, эти указания закона еще раз подчеркивают различные степени общественной опасности личности виновного, не впервые совершающего преступление, и необходимость конкретизации указанного обстоятельства независимо от того, выступает ли он в роли конструктивного признака состава или нет. Для назначения наказания и формы его отбывания (например, вида режима колонии) важное значение имеет тот факт, какие преступления были ранее совершены виновным и сколько, отбывал ли он за них наказание или нет, почему ранее предпринятые меры оказались безрезультатными и он вновь совершил преступление. Различные уровни характера и степени общественной опасности содеянного и личности виновного возможны и при совершении преступления в состоянии опьянения (само состояние опьянения может быть единичным и случайным фактором, не находясь в причинной связи с содеянным и т. п.).

Особое внимание должно быть уделено такому смягчающему обстоятельству, как совершение преступления несовершеннолетним. Сам по себе факт несовершеннолетия совсем не обязательно механически влечет смягчение ответственности в любом случае. Законодательство с достаточной полнотой ограничило применение к несовершеннолетним отдельных видов и размеров наказания, установило облегченный порядок отбывания лишения свободы, льготные условия условно-досрочного освобождения от наказания и т. п.

Несовершеннолетние правонарушители различаются между собой неодинаковой степенью нравственной запущенности и социальной деформации. Совершаемые ими преступления иногда сопровождаются целым комплексом отягчающих обстоятельств (неоднократным совершением преступлений, особой жесткостью, наличием низменных побуждений и т. п.). Такие обстоятельства должны получить соответствующую оценку и учитываться при назначении наказания. Несовершеннолетие виновного в таких случаях должно отодвигаться на второй план и относиться к общим, учтенным законом смягчающим обстоятельствам²⁵.

Решение вопроса о степени общественной опасности лич-

²⁵ Было бы желательно, чтобы закон предоставлял право суду не признавать несовершеннолетие как обстоятельство, смягчающее ответственность при назначении наказания, если установлены отягчающие обстоятельства. Это повысило бы чувство ответственности виновного.

ности несовершеннолетнего и содеянного им может оказаться необоснованным, если не обратиться к мотивационной стороне совершенного преступления и его социально-психологическим особенностям.

В общей психологии к возрастным особенностям несовершеннолетних относятся: неустойчивость эмоциональной и волевой сфер подростка, их эмоциональная возбудимость, устремленность к непосредственному проявлению чувств, склонность к постороннему влиянию, внушению, подражанию и т. п. Перечисленные и иные психофизиологические особенности отражаются на форме протекания преступного волевого акта. Они не определяют, а тем более не предопределяют содержания поведения — станет ли оно общественно полезным или противоправным.

Психофизиологические свойства и качества личности как формальная сторона человеческой психики выступают лишь в качестве условия, способствующего совершению преступления. Действительным регулятором поведения здесь являются социальные свойства индивида, формируемые прижизненно. Однако, в связи с тем, что эти свойства у несовершеннолетних только начинают складываться, они еще не могут полностью регулировать социальную значимость поведения, создавая ложное впечатление об исключительном влиянии возрастных особенностей несовершеннолетних на причины, вызывающие преступный акт. В то же время игнорирование психофизиологических особенностей несовершеннолетних может привести к упрощенчеству в понимании этого сложного вопроса.

Исследования показывают, что для несовершеннолетних правонарушителей присуще нарушение процесса социализации — умственного и нравственного совершенствования, сопровождающегося включением в общественно полезную деятельность. Как известно, многие из них отстают в учебе на два — три года от сверстников, характеризуются примитивными потребностями и интересами, психологически изолированы от нормального коллектива, проявляют социальную пассивность и негативизм к общественным нуждам и интересам. Это не может не сказаться на избирательности поведения и его социальной оценке самим несовершеннолетним. В результате сужения способности к правильной избирательности поведения у некоторых из них отмечается снижение критического уровня социальной оценки своего поведения и поведения окружающих. Это проявляется в своеобразной мотивации правонарушений, а также в искаженном понимании общественно опасных последствий, которые могут наступить в результате совершения ими тех или иных действий.

Одни несовершеннолетние не задумываются о последствиях содеянного (таких — большинство), другие относятся к ним безразлично, третьи надеются их избежать. Большинство несовершеннолетних правонарушителей преуменьшают и возможность наказания за содеянное, зачастую проявляя правовую неосведомленность (пробельность правосознания). Между мотивом действий и фактически наступившими последствиями у них нередко наблюдаются расхождения. Несовершеннолетние часто совершают правонарушения по мотивам ложно воспринятого героизма, стремления познать новое, для утверждения среди сверстников, из-за солидарности с друзьями и т. п. И только позже, по мере укрепления антиобщественной направленности личности, приобретения опыта преступного поведения мотив и содержание поступка у них все чаще и чаще начинают совпадать. Мотив как бы сдвигается на цель действий, преступления начинают совершаться ради них самих.

Таким образом, анализ мотивации поступка несовершеннолетнего сам по себе не решает вопрос о содержании субъективной стороны состава преступления и о причинах его совершения. Возникает необходимость в тщательном рассмотрении особенностей формирования социальных свойств индивида, поводов и обстоятельств совершения каждого волевого преступного акта и его подлинной мотивации, позволяющей раскрыть степень общественной опасности содеянного и избрать соответствующие меры воздействия. Установление указанных обстоятельств может иметь существенное значение не только при раскрытии действительного содержания субъективной стороны содеянного, при назначении наказания, но и для решения вопроса о применении либо неприменении меры наказания, о привлечении к уголовной ответственности или исключении ее по существу.

Не касаясь объективных причин, оказывающих влияние на выбор поступка, отметим только, что снижение способности к правильной избирательности поведения зависит прежде всего от степени сформированности антиобщественной направленности личности — чем она устойчивее, тем все чаще при выборе поступка предпочтение отдается преступлению. У взрослых преступников-рецидивистов (иногда и у несовершеннолетних) может выработаться своеобразный динамический стереотип преступного поведения. Понятно, что такое сужение способности к избирательности поведения не оказывает влияния на способность лица нести уголовную ответственность, но должно учитываться при назначении меры наказания. В то же время для большинства несовершеннолетних правонарушителей оно имеет

совершенно иное значение. Для них характерна прежде всего недостаточная развитость указанной способности, так как социальные свойства и качества личности, ответственные за содержательную сторону поведения, только еще начинают складываться. Именно это обстоятельство и должно учитываться при решении вопроса об их уголовной ответственности за совершаемые преступления и о конкретной мере такой ответственности.

Следует иметь в виду, что, помимо возраста и вменяемости, действующее уголовное законодательство никаких иных ограничений возможности привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности не содержит, хотя фактически не каждый вменяемый несовершеннолетний, формально достигший возраста уголовной ответственности, может правильно осознавать социальную значимость, а следовательно, и вредность своего поведения и поведения окружающих. Более того, среди несовершеннолетних правонарушителей встречаются лица с задержками умственного развития и с различного рода другими отклонениями, близкими к норме и не исключающими вменяемости в ее обычном понимании. Указанные пограничные состояния человеческой психики еще больше затрудняют принятие правильного решения при выборе поступка в осложненной ситуации. Такие отклонения психического развития могут ограничить и даже исключить возможность привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Поэтому применительно к несовершеннолетним обычные критерии вменяемости, а следовательно, и правосубъектности не всегда являются достаточными для установления уголовной ответственности. Именно эти вопросы и должны решаться с помощью специалистов-психологов, а в необходимых случаях — путем проведения комплексных психолого-психиатрических экспертиз.

В связи с этим в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. предусмотрена необходимость проведения с несовершеннолетними такого рода экспертиз, а в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» подчеркивается важность участия психологов в качестве экспертов при установлении уровня умственной отсталости несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности. В соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик наличие умственной отсталости дает возможность с учетом степени и характера общественной опасности совершенного преступления огра-

ничиться в отношении таких лиц применением принудительных мер воспитательного характера²⁶.

В ст. 433 Уголовно-процессуального кодекса УССР указано, что «при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с душевным заболеванием, должно быть выяснено также, мог ли он полностью сознавать значение своих действий и в какой мере мог руководить ими»²⁷.

Перечисленные и другие вопросы, относящиеся к психологии несовершеннолетних правонарушителей, должны учитываться при назначении наказания или освобождении от него. При этом необходимо указывать, по возможности, именно те психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей, которые позволили суду прийти к выводу о применении соответствующих мер воздействия. Конкретизации требуют и другие смягчающие и отягчающие обстоятельства, относящиеся к несовершеннолетним.

Такая конкретизация обычно связана с выяснением причин и условий, способствующих совершению преступлений, поскольку каждое из обстоятельств, отягчающих ответственность, в какой-то степени на них указывает. Одни из них не только относятся к личности виновного, но и подчеркивают условия нравственного формирования (совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных и семейных обстоятельств, в силу материальной или иной зависимости, лицом, ранее совершившим преступление, и т. п.). Другие имеют непосредственное отношение к самому факту совершения преступления (в результате сильного душевного волнения, при превышении пределов необходимой обороны, при совершении преступления организованной группой, с причинением тяжких последствий, общественно опасным способом, с особой жестокостью и т. п.).

Раскрытие причин и условий, способствующих совершению преступления, отраженных среди обстоятельств, отягчающих и смягчающих ответственность, либо выходящих за их пределы, создает дополнительные возможности для правильной оценки

²⁶ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973, с. 318—319.

²⁷ В связи с этим в юридической литературе все чаще ставится вопрос об установлении дополнительных ограничений возможности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в виде признания так называемой уменьшенной, возрастной или ограниченной вменяемости. Дело не в терминологии, а в сущности довольно распространенного явления, которое нуждается в более четком правовом регулировании. В уголовном законодательстве большинства зарубежных социалистических государств введено понятие возрастной невменяемости (см.: § 65 УК ГДР) или ограниченной вменяемости несовершеннолетних (см.: § 2 ст. 25 УК ПНР).

общественной опасности содеянного и личности виновного. Все подвергающиеся оценке обстоятельства находят свое отражение в мотивационной сфере поведения индивида, характеризуют его с положительной или отрицательной стороны. Мотивация, в свою очередь, выражает через цель отношение индивида к социально значимым интересам, затронутым совершенным преступлением. Любые обстоятельства, отягчающие ответственность, имеют свою мотивационную характеристику, отражая ее низменный характер: совершается ли преступление в отношении малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии, либо с использованием общественного бедствия, общеопасным способом и т. п. В то же время среди обстоятельств, смягчающих ответственность, имеются такие, которые обусловлены мотивами, не относящимися к категории низменных: предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления, добровольное возмещение ущерба, устранение причиненного вреда, совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств и т. п. В одном и том же преступлении все эти обстоятельства нередко сплетаются. В связи с этим может возникнуть вопрос о их коллизии.

При назначении наказания должны учитываться все обстоятельства дела. Но не любые из смягчающих и отягчающих обстоятельств могут сочетаться по существу в одном и том же преступлении. Например, невозможно представить совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений при превышении пределов необходимой обороны либо совершение преступления с использованием условий общественного бедствия под влиянием сильного душевного волнения и т. п. В то же время некоторые из них могут и не противоречить друг другу (например, совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, с предотвращением вредных последствий, устранением причиненного вреда и т. п.). Здесь нет необходимости вновь обращаться к содержанию мотивации поступков, характеризующихся низменностью либо, напротив, социально полезной направленностью, вынужденностью действий и т. п. Все то, что говорилось о возможности сочетания мотивов в единичном волевом акте, их совместимости, сохраняет свое значение и в данном случае. Не исключено и сочетание обстоятельств, относящихся к внешней характеристике содеянного, в частности тяжести последствий с обстоятельствами, характеризующими мотивацию поступка, объясняющей причину таких последствий, например, совершением преступления в состоянии сильного душевного волнения. В таком же сочетании могут

выступать также обстоятельства, характеризующие личность виновного и мотивы преступления, личность и последствия.

В связи с этим возникает вопрос: в какой степени суд должен учитывать одновременность отягчающих и смягчающих обстоятельств при назначении наказания? По нашему мнению, ни одно из обстоятельств, отягчающих ответственность, не может рассматриваться в качестве смягчающего, и при установлении любого из них суд, как правило, не должен применять наказания ниже низшего предела или более мягкое, чем предусмотрено законом. В противном случае утрачивается смысл отягчающих обстоятельств, свидетельствующих почти всегда об устойчивой антиобщественной мотивации. Однако из этого вовсе не следует, что при наличии отягчающих обстоятельств суд в любом случае не должен учитывать смягчающие обстоятельства при назначении наказания в пределах санкции закона. Очевидно, на первый план должна быть поставлена оценка личности и мотивации преступления, помогающие установить общественную опасность и степень опасности преступника и содеянного. На изменение именно этих свойств направлено наказание. Без их раскрытия невозможно сделать правильный вывод по существу, даже если имеются отягчающие обстоятельства. Например, причинение преступлением тяжких последствий (одно из отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 41 УК УССР) может быть вызвано сильным душевным волнением, спровоцированным неправомерными действиями потерпевшего (смягчающее обстоятельство).

Мотивация в данном случае снимает вопрос об отягчающих обстоятельствах. Вряд ли можно говорить о высокой степени общественной опасности личности при совершении преступления организованной группой, если участие в такой группе было обусловлено угрозой или принуждением, материальной или иной зависимостью. Тем более должны учитываться такие обстоятельства, как превращение виновным вредных последствий совершения преступления, добровольное возмещение нанесенного ущерба, устранение причиненного вреда, чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также содействие раскрытию преступления. Наличие таких обстоятельств свидетельствует о внутренней перестройке личности виновного и его мотивационной сферы, хотя само по себе преступление внешне могло быть им совершено при отягчающих обстоятельствах. Применительно к назначению наказания важен иной факт — за счет каких конкретно средств (в рамках закона) можно достичь изменения нравственно-психологической и мотивационной структуры личности и поведения, чтобы цели наказания были достигнуты.

Вопросы, связанные с возможностями установления мотивов отдельных видов преступлений для их правильной квалификации, встречаются наибольшие затруднения в следственной и судебной практике. Мотив скрыт от внешнего восприятия. О его действительном содержании приходится судить на основании анализа поведения субъекта задолго до совершения преступления, что нередко игнорируется практикой.

Исследование показало, что мотив следует рассматривать как постоянно изменяющуюся, динамическую категорию, влияющую не только на возникновение решения действовать определенным образом (в данном случае общественно опасно и противоправно), но и на протекание самого преступного акта. Мотив связан с целью совершаемых действий, определяющей, а следовательно, и раскрываемой на ее основе предметностью посягательства на правоохраняемый объект. С его помощью можно установить и форму вины совершенного преступления. Несомненно также связь мотива с объективной стороной состава преступления, в частности, с характером действия или бездействия, способом посягательства и т. п. Наконец, с помощью мотива можно понять взаимоотношения между обвиняемым и потерпевшим, причины возникновения конфликтной ситуации, приведшей к совершению преступления, и следовательно, более предметно подойти к разрешению вопросов о содержании фактических обстоятельств содеянного, имеющих юридическое значение. На этой же основе должны решаться и вопросы назначения наказания виновному. Вне перспективы изменения мотивационной структуры поведения в целом и личности преступника вряд ли можно назначить справедливое наказание виновному и прогнозировать его исправление и перевоспитание.

В представленной вниманию читателя книге рассмотрены лишь основные вопросы мотивации преступного поведения. Исчерпывающее решение ряда из них требует дополнительных исследований. Это прежде всего относится к дальнейшему изучению нравственного формирования личности и различных форм и видов преступной деятельности, к разработке прогностических оценок типологии правонарушителей и их социальной деформации на базе возможных изменений мотивационной сферы, к исследованию возможностей изменения социальных свойств личности, включая мотивы основной деятельности, за счет уголовно-правовых и иных мер.

Конечной целью таких исследований должна быть разработка научно обоснованных рекомендаций, пригодных для использования правоприменительными органами.

Перед юридической наукой поставлена задача раскрыть до конца глубинные процессы формирования личности преступника — носителя пережитков прошлого с целью индивидуализации отклонений в поведении, мешающих социальному прогрессу. Это возможно лишь на базе исследования социально-психологических закономерностей, управляющих поведением людей.

Содержание

Введение	3
Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ	6
Определение понятия мотива преступления	6
Классификация мотивов преступлений	16
Структура мотивации преступления	26
Глава 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	46
Общетеоретические предпосылки правовой оценки мотива преступления	46
Особенности установления и оценки мотивов конкретных преступлений	62
Квалификация преступления при совместимости и конкуренции мотивов	109
Глава 3. ЗНАЧЕНИЕ МОТИВАЦИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗА СОВЕРШЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	125
Общие вопросы назначения наказания	125
Мотив как обстоятельство, смягчающее или отягчающее ответственность	136
Заключение	149

Святослав Андреевич Тарарухин

**УСТАНОВЛЕНИЕ МОТИВА
И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Киев, Издательство при Киевском государственном университете
издательского объединения «Вища школа», 1977

Редактор *Л. Ф. Кучеренко*

Обложка художника *А. Ф. Мороза*

Художественный редактор *Ю. О. Стефанишин*

Технический редактор *Н. Н. Бабюк*

Корректор *Н. Г. Ткаченко*

Информ. бланк № 2480

Сдано в набор 20.01. 1977 г. Подписано в печать 28.04. 1977 г. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 2. 8,83 условн. печ. л. 9,52 учетно-изд. л. Тираж 3000 экз. Издат. № 745-к. БФ07728. Цена 90 коп. Зак. 885.

Издательство при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа». 252001, Киев, Крещатик, 4.

4-я военная типография.